А31 7/18

XXXV 7/18

Священникъ А. В. Красовъ.

„Зырянe и св. Стефанъ епископъ Пермскій".

Къ 500-ой годовщинѣ со дня кончины святаго Стефана, просвѣтителя Зырянъ (1396 года Апрѣля 26-го—1896 года Апрѣля 26-го).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій просп., № 136—138
1896.

ЗЫРЯНЕ И ПРОСВѢТИТЕЛЬ ИХЪ

СВЯТЫЙ СТЕФАНЪ,

ПЕРВЫЙ ЕПИСКОПЪ ПЕРМСКІЙ И УСТЬВЫМСКІЙ (1383—1396).

Къ 500-ой годовщинѣ со дня кончины святаго Стефана, 1396 года Апрѣля 26 — 1896 года Апрѣля 26.

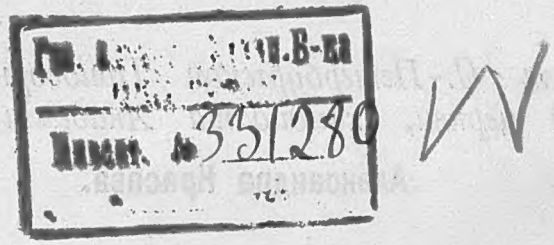
Настоятеля С.-Петербургской Придворной Каменноостровской церкви, кандидата Академіи, Священника

Александра Красова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій просп., № 136—138.
1896.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ. 20 Февраля 1896 года.

Цензоръ Протоіерей А. Автономовъ.



«Тебе, о епископе Стефане, Пермская земля хвалитъ и чествтъ, яко апостола, яко тобою тмы избыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ... Аще и мощи твоя далече отстоятъ отъ насъ, но благословеніе твое да будетъ близъ, посреди насъ и на насъ присно». (*«Плачь церкви Пермъскыа, егда объвдове и плакася по епископѣ си»* и *«Плачь Пермъскихъ людей»*). Изъ «Повѣсти о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ», написанной инокомъ Епифаніемъ, незадолго послѣ кончины св. Стефана. (См. Сборникъ XVI в. Синодальн. Библіотеки).

Посильный нашъ трудъ предлагаемъ читателямъ по случаю пятивѣковой годовщины со дня кончины Святителя Стефана, великаго миссіонера на сѣверо-востокѣ нашего обширнаго отечества. Народъ, просвѣщенный христіанскою вѣрою св. Стефаномъ, носитъ названіе Зырянъ или Пермянъ. Изслѣдованіе наше раздѣляется на три части: въ первой описывается происхожденіе Зырянъ, семейный и общественный ихъ бытъ, въ эпоху св. Стефана, во второй части—языческая вѣра Зырянъ: миѳологія, языческіе обряды, жрецы и третья часть заключаетъ въ себѣ біографію св. Стефана и его успѣхи проповѣди среди Зырянъ о Распятомъ и Воскресшемъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Авторъ.

АПОСТОЛЪ ЗЫРЯНЪ
Св. СТЕФАНЪ,

первый Епископъ Пермскій († 26-го Апрѣля 1396 года).

Копія съ образа (XVI в.), находящагося въ Московскомъ Придворномъ Спасо-преображенскомъ Соборѣ, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи Св. Стефана.

Приложеніе къ книгѣ: „Зыряне и просвѣтитель ихъ Св. Стефанъ, Епископъ Пермскій".

При этомъ образѣ, съ описаніемъ, по сторонамъ его, дѣяній Св. Стефана, находится слѣдующая надпись:

„Св. Стефанъ епископъ, родомъ бѣ великія Россіи, града Устюга, сынъ клирика соборныя церкви Св. Богородицы, иже на Устюзѣ, именемъ Симеона и матери Маріи, и первый епископъ Перми бысть, иже научи вѣрѣ Христовѣ и крести и грамоту по их языку состави, въ лѣто ѕоп *(1372), преставися въ лѣто* ѕцд *(1396), тѣло же его положено во святѣмъ храмѣ семъ".*

Отъ Спб. Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Спб. 12-го Марта 1896 г.
Цензоръ, Протоіерей А. Автономовъ.

Хромо-Литографія Штадлеръ и Паттиотъ, Лиговская улица, д. № 34.

Авторъ взялъ на себя задачу описать древнюю судьбу сѣвернаго края и исторію обращенія его въ христіанство. Сочиненіе его состоитъ изъ 3 главъ. Въ 1-й главѣ изложены этнографія Зырянъ, происхожденіе и мѣсто поселенія ихъ въ древней Россіи, ихъ названія мѣстныя, древнія и новыя, характеръ домашняго и общественнаго ихъ быта и отношенія ихъ къ Новгороду и Москвѣ до подчиненія послѣдней. Во 2-й главѣ описаны миѳологія Зырянъ и устройство языческаго богослуженія у нихъ. Въ 3-й главѣ разбираются мнѣнія о началѣ обращенія Зырянъ въ христіанство, подробно изложены біографія и дѣятельность св. Стефана Пермскаго въ этомъ обращеніи, успѣхъ и границы его миссіонерской дѣятельности. Сочиненіе по раскрытымъ въ немъ вопросамъ содержательное. Весьма интересны свѣдѣнія о древней исторіи Зырянъ, основанныя на изученіи печатной литературы объ этомъ народѣ и на объясненіяхъ зырянскихъ названій разныхъ божествъ и сохранившихся въ народной памяти преданій, стиховъ и разсказовъ; знакомство автора съ мѣстнымъ языкомъ дало ему возможность исправить и дополнить нѣкоторыя печатныя свѣдѣнія о древней жизни и миѳологіи Зырянъ и яснѣе представить нѣкоторые факты изъ дѣятельности св. Стефана Пермскаго. (Отзывъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, Прот. П. Ѳ. Николаевскаго. См. Христ. Чт. 95 г., в. 2, стр. 246).

I.

По послѣднимъ научнымъ изысканіямъ установленъ тотъ фактъ, что Зыряне вмѣстѣ съ родственными имъ Пермяками и Вотяками составляютъ одну большую отрасль такъ называемаго Финскаго или Чудскаго племени, которое еще въ незапамятныя, доисторическія времена выселилось изъ глубины Средней Азіи въ нынѣшнюю Европу. Догадываются, что это племя или вѣрнѣе племена *) когда-то занимали склоны Алтайскихъ и Саян-

---

*) К. Бэръ въ соч. «Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи» стр. 588 семейство Финскихъ или Чудскихъ народовъ подраздѣляетъ такъ:

- Финское семейство.
  - 1. Западн. финскіе народы.
    - 1. Лопари.
    - 2. Финны.
      - a. собств. Финны (Емь)
      - b. Карелы.
      - c) Ижорцы.
    - 3. Водь.
    - 4. Есты или Чухонцы. 5. Ливы.
  - 2. Восточн. Финны.
    - 1. Зыряне.
    - 2. Пермяки
    - 3. Вотяки.
    - 4. Вогулы.
    - 5. Остяки.
  - 3. Финны Волжскіе или Болгарскіе.
    - 1. Мордва.
    - 2. Черемисы.
    - 3. Чуваши... Венгры.

У Кастрена въ его «Ethnologische Vorlesungen» стр. 91 встрѣчается слѣдующее дѣленіе Финскихъ народовъ:

- Финны.
  - 1. Угорьскіе Финны.
    - a. Остяки.
    - b. Вогулы.
    - c. Венгерцы.
  - 2. Волжскіе народы.
    - a. Черемисы.
    - b. Мордва.

скихъ горъ, верховья Иртыша, Оби и Енисея *). До конца прошлаго столѣтія по отрогамъ лѣсистаго Алтая встрѣчались еще остатки Финскихъ племенъ подъ именемъ Вoти или потатарски Ари **). Въ 1807 году въ Закавказьѣ было найдено малочисленное племя, называющее себя *удины* ***), и по языку неимѣющее никакого сходства съ извѣстными племенами Кавказа. По разслѣдованіямъ Географическаго Общества, оно оказалось однимъ изъ Финскихъ племенъ, сохранившихся съ глубокой древности. Въ незапамятныя, доисторическія времена, вслѣдствіе какого-то сильнаго внѣшняго толчка, Финскія племена пришли въ движеніе, оставили свои родныя, насиженныя мѣста и потянулись дальше на западъ, направляя свой путь въ предѣлы нынѣшней Европейской Россіи. Полагаемъ, что это передвиженіе Финскихъ племенъ случилось, вслѣдствіе давленія ихъ съ юго-востока народами Монгольскаго племени. Намекъ на врага, вытѣснившаго предковъ Зырянъ изъ ихъ родины сохранился, по нашему мнѣнію, въ слѣдующей миѳической сказкѣ, передаваемой Зырянами.

Далеко отсюда—говорится въ сказкѣ—на восходѣ

Финны.
- 3. Пермская вѣтвь.
  - a. Пермяки.
  - b. Зыряне.
  - c. Вотяки.
- 4. Финская вѣтвь.
  - a. Hämäläiset (Емь или Ямь).
  - b. Карелы.
  - c. Kainulaisest.
  - d. Wotjalaiset (Воть).
  - e. Wivolaiset (Эсты и Ливы).

*) Раскопки, производимыя на мѣстахъ прежняго жительства Финскихъ народовъ, и находимыя въ нихъ вещи ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

**) *Ари* значитъ пчелы и указываетъ на занятіе Финновъ пчеловодствомъ.

***) *Удъ*, *удъ-муртъ* повотяцки значитъ человѣкъ.

солнца жили когда-то два братя: Эсьясъ и Эшъясъ *); у нихъ въ подданствѣ было много народу. Житье было всѣмъ хорошее; ни сѣять, ни пахать не было нужно: все само родилось, само въ ротъ валилось. И былъ у тѣхъ братьевъ богъ Йома, страшный богъ**). Питался онъ человѣческимъ мясомъ и запивалъ его теплою овечьею кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожаднымъ наклонностямъ, богъ любилъ и защищалъ ихъ. Но разъ какъ-то братья забыли принести ему обычную еженедѣльною жертву— двухъ мальчиковъ, двухъ дѣвочекъ и трехъ овецъ, и свирѣпый Йома разгнѣвался и нагналъ на нихъ большаго чернаго коршуна *(сьэдъ кырнышъ)*. Коршунъ этотъ крыльями своими производилъ громъ, а изъ рта у него выходило пламя. Онъ напалъ на Эсьяса и Эшъяса, подданныхъ погубилъ и сжегъ, а самихъ ихъ прогналъ далеко на закатъ. А чтобы они не могли вернуться

---

*) *Эсь—баля*, позырянски значитъ овца; *Эшъ*—быкъ,—*ясъ* окончаніе множ. числа.

*) По свидѣтельству Стурлезона, Йома или Йомала былъ божествомъ Біармійцевъ—предковъ Зырянъ и Пермяковъ. Онъ находился близь устья Сѣверной Двины, въ лѣсу. Вокругъ него было множество кургановъ или насыпей, гдѣ зарывались богатыя сокровища туземцевъ, вмѣстѣ съ тѣлами покойниковъ. Йома изображалъ собою истукана человѣческой фигуры и былъ украшенъ золотымъ ожерельемъ, на головѣ его былъ золотой вѣнецъ, украшенвый дорогими камнями, а на колѣнахъ онъ держалъ большую чашу для приношеній. См. Historia Rerum Norvegicorum conscripta a snorrio sturlae filio. Jter in Biarmiam. T. II. cap. III, p. 117—125. Edit. 1778 an. Ср. «Несторъ» Шлецера Ч. I. стр. 76—77. Спб. 1824 г. и «Русскій Временникъ», стр. 52—54. Смутное представленіе объ этомъ грозномъ божествѣ хранится и теперь въ памяти Зырянъ. «*Тэ Иома кодь лыокъ*»—ты золъ, какъ Йома, говорятъ Зыряне своему врагу. На Удорѣ, (въ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.) матери пугаютъ Йомой своихъ капризныхъ дѣтей. «*Энъ бэрдъ, Иома кылясъ, воасъ, сьоясъ, тэнэ*»—не плачь, услышитъ Йома, придетъ и съѣстъ тебя, говорятъ матери малымъ ребятамъ. См. ниже II ч.

назадъ и занять старое мѣсто, онъ провелъ борозду (*межа)* своимъ когтемъ, и потекла вода въ той бороздѣ, и образовалась глубокая и широкая рѣка. Онъ думалъ, что братья не въ состояніи будутъ переправиться черезъ эту рѣку. Но случилось не такъ. Лишь только черный коршунъ улетѣлъ на солнце къ Йомѣ, братья сдѣлали плотъ, крѣпко привязали его тонкими прутьями и переѣхали рѣку: сердце звало ихъ на родину. Но воронъ увидалъ ихъ и снова погнался за ними, гналъ ихъ пустынями, потомъ лѣсами, затѣмъ опять пустынями, и снова лѣсами... И потомъ выдернулъ перо изъ хвоста и положилъ на землю, и выросли изъ этого пера большія горы, покрылись и зазеленѣли лѣсомъ. Видятъ братья, что теперь уже не пробраться имъ до родной земли,—остались жить въ лѣсу. Сказываютъ старики,—заканчиваютъ Зыряне свою сказку,—что мы и народились отъ этихъ самыхъ братьевъ. Хотя вся эта сказка богато изукрашена фантазіей, тѣмъ не менѣе служитъ указаніемъ на несомнѣнный фактъ переселенія Финскаго племени съ «восхода солнца» на «далекій закатъ».

Въ поздѣйшія времена застаемъ Финновъ на сѣверо-востокѣ Европы. Римскій историкъ Тацитъ упоминаетъ о Финнахъ, какъ старинныхъ жителяхъ полуночной страны. Древнія скандинавскія саги также очень часто упоминаютъ о двухъ Финскихъ странахъ на сѣверо-востокѣ Европы—Кириаландіи и Біарміи. По свидѣтельству нашего древняго историка Нестора, до основанія Русскаго Государства, издавна обитали въ немъ слѣдующіе народы: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра или Югра. *) Въ частности о существованіи Біармскаго народа, въ составъ котораго входили: Пермь,

*) См. полн. собр. лѣтоп. т. V, стр. 249—50.

Печора и Югра, *) стало извѣстно уже въ IX вѣкѣ. Въ это время посѣтилъ Біармскую страну Отеръ, Норвежскій мореплаватель. На устьѣ Сѣверной Двины онъ нашелъ даже прекрасно обстроенный городъ съ значительнымъ населеніемъ **). Такъ какъ ни Несторъ, ни древніе Норвежскіе мореходцы, въ перечисленіи народовъ, обитавшихъ на сѣверѣ Россіи, не упоминаютъ о Зырянахъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ, то нужно думать, что Зыряне тогда были извѣстны подъ однимъ изъ указанныхъ именъ. Они были извѣстны или подъ именемъ Перми, Печоры, Югры, или Заволоцкой Чуди. Это предположеніе оправдывается тѣмъ, что большая часть мѣстъ и самыя рѣки, близь которыхъ жили эти сосѣдственныя и безъ сомнѣнія родственныя племена, носятъ Зырянскія названія. Подъ какимъ-же изъ названныхъ именъ были извѣстны Зыряне? Есть данныя разумѣть Зырянъ подъ именемъ Печоры. Во 1-хъ, Печорскаго народа теперь нѣтъ, а мѣста его древняго обиталища заняты Зырянами; отсюда можно думать, что Печора съ теченіемъ времени была переименована въ Зы-

---

*) Югра—нынѣшніе Березовскіе Остяки по рѣкамъ Оби и Сосвѣ; Печора по рѣкѣ Печорѣ. Слово Печора есть первобытное югорское. Оно состоитъ изъ слова *пече* и окончаніе *ра*, весьма часто встрѣчаемаго въ названіяхъ югорскихъ рѣкъ. *Пече*, какъ утверждаетъ г. Европеусъ, означаетъ поюгорски сосну. Что же касается до пещеръ, отъ которыхъ будто-бы получила свое названіе рѣка, то ихъ на берегахъ Печоры не болѣе, какъ и въ другихъ мѣстахъ Запечерскаго края. Есть тождественное по произношенію зырянское слово *печэръ*, значитъ крапива.

**) См. Periplus Otheri et Wulftani. Schript. rer. Danic. T. II. Hafniae. Ed. Langebeki 1773 an. p. 71. Ср. Очерки Русской Исторіи Полеваго т. I стр. 148—150. Границы древней Біарміи, по Карамзину, были: на сѣверѣ Бѣлое Море, на востокъ Уральскій хребетъ и р. Печера; къ югу Болгарія, Черемиса, Мурома, Меря. къ западу—Весь и Корела. См. Ист. Гос. Росс, т. 1, стр. 22, изд; 1841 г.

рянъ. Во 2-хъ, изъ лѣтописныхъ извѣстій Новгородскихъ посадниковъ, владѣвшихъ Печорой еще съ X-го вѣка, видно, что Печорой они называли всѣ земли, лежащія въ нынѣшнихъ уѣздахъ: Устьсысольскомъ и Яренскомъ, т. е. опять же всѣ тѣ мѣста, гдѣ теперь живутъ Зыряне.

Но почти всѣ изслѣдователи Зырянъ (Кастренъ, Кеппенъ, Видеманъ, Лепехинъ) единогласно утверждаютъ, что Зыряне, Пермяки и Вотяки въ древности составляли одинъ народъ и извѣстны были подъ однимъ общимъ именемъ Перми; только Шегренъ думаетъ, что теперешніе Зыряне—Югра Несторова. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ большинства изслѣдователей Финскихъ народовъ, что Зыряне, Пермяки и Вотяки не только по происхожденію, но и по языку, составляютъ одинъ народъ, полагаемъ, что Зыряне въ старину были извѣстны подъ обоими именами—Перми (сѣверо-восточные Зыряне) и Печоры (сѣверо-западные Зыряне *).

Когда же Зыряне стали называться настоящимъ именемъ и почему?

Большинство изслѣдователей о Зырянахъ, не указывая времени, опредѣляютъ, что названіе «Зыряне» дано Русскими, но самое слово зырянское и происхо-

---

*) Нѣкоторые полагаютъ, что *Пермь* есть искаженное слово *Біармія* (Беормія, Піерьмія, Перьмія, Пермь). См. Отеч. Зап. за 1840 г. т. XIII. стр. 89, ст. Мельникова: «Дорож. Зап. на пути изъ Тамбов. губ. въ Сибирь», и Волог. губ. вѣд. 1850 г. № 14, ст. «Устьвымъ» Мяхайлова. Но Біармія происходитъ отъ норманд-скаго слова bairg, beorg—гора (у скандинав. писателей Beormas), и указываетъ на гористую страну. Пермь однозвучно съ зырянскимъ *парма*—гористая, лѣсистая страна. Такимъ образомъ то и другое названія имѣютъ одно значеніе. Лепехинъ и Берхъ говорятъ, что Пермяки получили свое названіе отъ богатыря *Перя*. (См. «Дневн. Зап. Путеш. т. III, стр.. 196. С.П.Б. изд. 1790 г. и Путеш. въ Чердынь и Саликамскъ». С.П.Б. 1821 г. стр. 119).

дить отъ глагола *зырны* или *зырсины*, вытѣснять, вторгаться, заступать мѣсто другого. Отсюда заключаютъ, что Зыряне были вытѣснены, прогнаны откуда-то и кѣмъ-то, или же сами кого-нибудь вытѣснили и заняли чужія мѣста, и, согласно съ своимъ положеніемъ, получили названіе, оставшееся при нихъ до нынѣ—вытѣсненныхъ или вытѣснившихъ *(зырэмаясъ, зырэдэмайясъ)*. Академикъ Лепехинъ утверждаетъ, что Зыряне были вытѣснены съ прежнихъ мѣстъ своего жительства въ страну, нынѣ занимаемую, какимъ-нибудь другимъ народомъ, и потому получили названіе Зырянъ *(зырэмайезъ)*, т. е. сдвинутыхъ. Нѣсколько разъясняетъ это мнѣніе академика Лепехина г. Устюжанинъ. Онъ говоритъ, что Зыряне произошли отъ Финскаго племени, заселявшаго когда-то прибрежье Балтійскаго моря. Вытѣсненное съ мѣста жительства, это племя пришло на сѣверо-востокъ теперешней Вологодской губерніи, населенной Чудью, которую въ свою очередь или вытѣснило эа Уралъ или слилось съ нею. Въ доказательство приводится слѣдующее соображеніе: Усть-вымъ позырянски *Йемъ-дынъ*; есть зырянскія селенія: *Гамъ*, *Важгортъ*, *Вень-дѣин-га*. Всѣ эти селенія напоминаютъ прибалтійскія племена и мѣстности: *Емь* или *Ямь*, *Гамъ*, упоминаемый Олеаріемъ, и находящійся недалеко отъ г. Нарвы, *Важ-гортъ*, бывшій на мѣстѣ нынѣшняго Ревеля и наконецъ *Венденъ* въ Лифляндіи *).

Г. Савваитовъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ названіе Зырянъ: «Подъ именемъ Зырянъ, говоритъ онъ, извѣстенъ народъ, обитающій въ смежныхъ уѣздахъ Вологодской, Пермской и Архангельской губерній. Какъ по происхожденію, такъ и по языку, онъ при-

*) См. Вологод. губ. вѣдом. 1853 г. № 34. Нѣкоторые еще производятъ слоко Зыряне отъ зырян. *зыръ*—лопата.

надлежитъ къ обширному семейству тѣхъ сѣверныхъ народовъ, которые обыкновенно называются финскими. Самое названіе Зырянъ имѣетъ чисто финское происхожденіе: еще и теперь ближайшіе къ нимъ финны называютъ ихъ *зирьэлейненъ*, т. е. пограничными жителями, украинцами (*зирья*—край, предѣлъ; *лейненъ* или *лайненъ* (отъ *лай*—родъ, племя) соотвѣтствуетъ русскому окончанію нарицательныхъ именъ—янинъ, анинъ). Очевидно,—говоритъ г. Савваитовъ,—что слово Зырянинъ есть измѣненное по духу русскаго языка финское *зирьэлейненъ*» *). Г. Михайловъ не соглашается ни съ тѣмъ, ни съ другимъ смысломъ, соединяемымъ со словомъ Зыряне (сдвинутые или сдвинувшіе, украинцы). Онъ рѣшительно говоритъ, что Зырянъ некому было вытѣснять, да и имъ некого, потому что они одни вмѣстѣ съ Пермяками составляли древній Біармійскій народъ и наполняли собою весь сѣверный край, всю полунощную страну. Г. Михайловъ производитъ слово Зыряне отъ двухъ словъ: *саръ* и *анъ*. *Саръ* **) выражаетъ понятіе о чемъ-то высокомъ, блаженномъ, святомъ, *анъ* значитъ женщина. Остяки и Манцы до сихъ поръ называютъ Зырянъ: Саръ-анъ-кумъ; *кумъ* значитъ человѣкъ, а все выраженіе значитъ: «человѣкъ, почитающій женщину». А такъ какъ Зыряне въ язычествѣ преимущественно предъ другими идолами боготворили Золотую Бабу (*Зарни-анъ*), то и получили свое названіе отъ имени уважаемаго ими идола. Измѣненіе же согласныхъ въ корнѣ *сарань*, а потомъ въ именахъ, отъ него производныхъ: Саране, Сырьяне,

---

*) См. предислов. къ граммат. зырянскаго языка. С-П.Б. 1850 г. стр. 1.

**) Такъ Зыряне произносятъ слово: Царь. *Небесаса Саръ*—Небесный Царь или Богъ, *Міянъ Саръ*—Нашъ Царь.

Серьяне, Сыръане, Сыряне, происходило постепенно, пока не образовалось окончательно нарицателяное—Зыряне **). Г. Кичинъ, изучавшій Зырянъ, производитъ это названіе отъ любимаго Зырянами напитка: *суръ*—пиво. ***) Наконецъ, г. К. Поповъ, авторъ статьи: «Зыряне и Зырянскій край» названіе—Зыряне - считаетъ русскимъ. Корень его, «зыря» съ производными зырить, вызырить и т. д. До сихъ поръ еще, говоритъ г. Поповъ, оно употребляется въ чисто русской части Вологодской губерніи; именно, въ Кадниковскомъ уѣздѣ *зырей* называютъ человѣка, много чего-нибудь выпивающаго: «все вызырилъ—мнѣ не оставилъ: экой зыря»! Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ мальчиками употребляется бранная прибаутка: «Зыря—баря! кашу ѣла и пропрѣла». Поэтому, заключаетъ г. Поповъ, надобно полагать, что слово Зырянинъ произошло отъ укоризненнаго прозвища, даннаго Русскими части того народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ названіемъ Перми, подобно тому, какъ и теперь жителей Сольвычегодскаго уѣзда сосѣди называютъ ершеѣдами, Устюжанъ — красноязычными, Вологжанъ — телятниками и тому подобн.—Не соглашаясь съ тѣми, которые названіе Зырянъ считаютъ происшедшимъ отъ зырянскаго корня, мы присоединяемся къ г. К. Попову, признавая это слово русскимъ, или вѣрнѣе славянскимъ; но мы не согласны съ г. К. Поповымъ въ производствѣ слова Зыряне отъ корня «зыря» съ производными зырить, вызырить; намъ представляется болѣе справедливымъ, что слово—Зыряне—или, какъ называетъ Епифаній:

**) См. Вологодской губ. вѣд. 1850 г. № 14, ст. «Устьвымъ».
***) Ibidem 1866 г. № 6.

Сырьяне *) и Никоновская лѣтопись—*Серьяне* **) тождественно со словомъ—*сыроядцы* (сырое ясти) и указываютъ на природную склонность Зырянъ ѣсть сырое. Можетъ быть, эта-то природная склонность Зырянъ была констатирована въ давнее время Славянами и по ней дано названіе Сырьянъ или Зырянъ цѣлому народу. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что еще инокъ Лазарь Мурманскій или Муромскій, жившій въ половинѣ XII вѣка, называетъ Лопянъ и Чудь, обитавшихъ въ то время около Онежскаго озера, звѣрообразными и *сыроядцами* ***). Авторъ ст. «Охотничье право соб-

---

*) См. Памятн. Старин. Рус. Литерат. Ч. IV, стр. 123. Монахъ Епифаній — ученикъ и жизнеописатель св, Стефана, Епископа Пермскаго.

**) См. т. IV, стр. 263. Ср. Кратк. Церковн. Ист. м. Платона, т. I, стр. 243.

***) Въ завѣщаніи преп. Лазаря читаемъ: «А живущіе тогда (въ XII в.) около озера Онего именовались Лопяне и Чудь, страшливые *сыроядцы,* и хотяху мя убити и тѣло мое въ ядь сотворити». Это же самое о Чудскихъ племенахъ видно изъ житія Кирилла Челмогорскаго. (См. Костомарова, «Сѣвернорус. народоправ.» т. I. гл. Инородцы. Также Памятн. кн. Олонец. Статистич. Комит. 1867 г. № 111, стр. 108 и Арханг. губ. вѣд. 1848 г. № 50). Между рукописями Царскаго, описанными Строевымъ 1848 г. подъ № 48, находится полууставная рукопись XV в., содержащая въ себѣ творенія Діонисія Ареопагита съ надписью XVI в. внизу по листамъ: «Сія книга святаго Благовѣщенія на Устьвыми (*Вологод. губ. Ярен. у.*), глаголемая святый Діонисій Археопагитъ, а положилъ сію книгу священно-мученикъ епископъ Питиримъ, убіены отъ нахожденія *сыроядцовъ Вогуличъ* за православную вѣру, идѣже лежитъ многострадалное и тръпеливое тѣло его (затѣмъ пять буквъ зырянской азбуки, означающихъ: аминь). Питиримъ, четвертый Зырянскій Епископъ, убитъ Вогуличами въ 1455 году. Вогуличи тѣже Зыряне. См. о нихъ ниже. Склонность къ употребленію пищи въ сыромъ видѣ можно наблюдать и теперь. Такъ, когда Зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются, то дѣлаютъ перехаточку (закусываютъ) сырою рыбою, выдавивши изъ нея кишки и соскобливши чешую. Непріятно видѣть, какъ живая

ственности у Зырянъ» утверждаетъ, что слово Зыряне, какъ оффиціальное и литературное названіе народа, стало употребляться не ранѣе XVIII в., и вѣроятно вслѣдствіе дѣленія Россіи по губерніямъ, намѣстничествамъ и уѣздамъ послѣ Петра Великаго. Пермь, вошедши въ составъ нынѣшней Вологодской губерніи, стала называться даннымъ ей русскими сосѣдями прозвищемъ — Зыряне, а причисленная къ Пермской и Вятской губерніи удержала старое оффиціальное названіе Перми. Но мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ въ XIV вѣкѣ уже былъ извѣстенъ народъ подъ именемъ *сырьяне* *).

Обращаемся къ туземному названію Зырянъ.

Зыряне сами себя называютъ *коми*, *коми-мортъ* и *коми-вой-тыръ* или *коми-йезъ*. Послѣднія названія употребляются тогда, когда говорится о всемъ народѣ, а первыя два при обозначеніи одного лица. «Кто ты»,?— спросите Зырянина. Онъ отвѣтитъ: «ме коми» (я—Зырянинъ) или «ме коми-мортъ» (я человѣкъ—Зырянинъ). Но вопросъ, отчего такъ Зыряне себя называютъ и какъ переводить слово *коми* буквально по-русски, остается необъясненнымъ. Г. Михайловъ, слово *коми* считаетъ тождественнымъ съ остяцкимъ *кумъ*—человѣкъ, но тогда въ соединеніи *коми-мортъ* получился-бы лишенный смысла плеоназмъ: человѣкъ - человѣкъ. Если же онъ и переводитъ: «человѣкъ-людинъ», то въ этомъ переводѣ явная натяжка и игра словъ **). Г. Берхъ пере-

---

рыбешка трепещется и корчится въ зубахъ Зырянина, уписывающаго ее съ большимъ наслажденіемъ. Каргопольцевъ (Арханг. губ.) до сихъ поръ дразнятъ: Чудь бѣлоглазая, сыроѣды. См. ниже свидѣтельство Герберштейна объ Обдорскихъ инородцахъ.

*) См. Полн. собр. русс. лѣтоп., т. V, стр. 250.

**) См. Волог. губ. вѣд. 1850 г. № 14, ст. «Устьвымъ».

водитъ слово *коми*: рыбоѣды *); но и этотъ переводъ невѣрный, хотя въ Зырянскомъ языкѣ есть созвучное слово *комъ* и значитъ харьюзъ.

Гораздо ближе къ дѣйствительности слѣдующее мнѣніе о смыслѣ и значеніи слова *коми*, хотя также основанное на одномъ созвучіи. Именно: названіе *коми* производятъ отъ рѣки Камы (въ Пермской губерніи) **) и поэтому предполагаютъ, что Зыряне прежде жили по этой рѣкѣ, съ береговъ которой были вытѣснены какими-то пришельцами ***). Это предположеніе оправдывается и тѣмъ, что Зыряне и Пермяки, населяющіе теперь сѣверную часть Пермской губ., всю Пермскую губернію называютъ *комъ-му*, т. е. земля коми или зырянская область. Слова: *Коми-вой-тыръ* выражаютъ несобственное имя народа, а опять же указываютъ на мѣсто, занимаемое Зырянами. *Вой* значитъ ночь, сѣверъ, *тыръ*— полный; всѣ три слова значатъ: коми, наполняющіе сѣверную, ночную страну. Другими словами: *коми-мортъ* соотвѣтствуетъ нашему «русскій человѣкъ», а *коми-вой-тыръ*—«сѣверные русскіе». Такимъ образомъ безспорно лишь то, что словомъ *коми* Зыряне обозначаютъ особую народность, которая населяетъ сѣверный край и которая въ древности была извѣстна подъ именемъ Біармской или Печерско-Пермской, потому что въ памятникахъ нашей древней письменности Пермскій народъ иногда называется «коминами».

---

*) См. «Путеш. въ г. Чердынь и Соликамскъ». С.-ПБ. 1821 г. стр. 74.

**) Кама по зырянски «комъ-ю» (*комъ* — харьюзъ, *ю* — вода, рѣка) — буквально значитъ: рѣка, въ которой водится рыба харьюзъ.

***) См. Лепехина, «Дневн. зап. путеш.» С.-ПБ. 1780 г., стр. 415—17, ч. IV. Извѣстно, что во время Нестора по рѣкѣ Камѣ обитало многочисленное племя—Пермь. (См. Полн. собр. Русс. лѣтоп., т. I, стр. 2—5).

Изъ той многочисленности названій рѣкъ и озеръ, находящихся на сѣверѣ Европейской и Азіатской Россіи, нѣкоторые изъ изслѣдователей предполагаютъ о Зырянахъ, что они прежде были весьма многолюдны *). Судя по этимъ названіямъ, Зыряне населяли съ сѣвера къ югу всѣ мѣста отъ устья Печоры до начала Сѣверной Двины и даже по Сухонѣ, а съ запада къ востоку — отъ Колы до восточныхъ границъ Сибири. Но по одному наименованію рѣкъ едва-ли можно съ увѣренностію предположить *одновременное* заселеніе когда-либо, въ прежнее время, Зырянами чуть не всей сѣверо-восточной половины Азіатской и сѣверной — Европейской Россіи.

Отъ многочисленности названій рѣкъ и озеръ скорѣе и съ большею основательностію, по нашему мнѣнію, можно предположить, что Зыряне въ древнее время былъ народъ кочующій. По выходѣ изъ-за Уральскихъ горъ, съ береговъ Сосьвы и Лозьвы, они двигались на западъ къ рѣкѣ Камѣ и проходили по всему пространству, имѣющему зырянское названіе рѣкъ. По всей вѣроятности, Зыряне двигались медленно, останавливаясь на каждомъ шагу, находя въ изобиліи звѣрей, нужныхъ имъ въ пищу и на одежду, и для различія новыхъ мѣстъ, рѣкъ и рѣчекъ отъ прежде занимаемыхъ давали имъ свои названія. При этомъ естественно, часть племени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отставала отъ общей массы и потомъ смѣшивалась съ наплывшими народами

---

*) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1836 г., ч. 12, стр. 51—53, ст. Булыгина: «Истор. воспом. на пути изъ Саратова въ Астрахань» и «Зап. Имп. Археол. Общ.» 1856 г. Т. IX, стр. 298 ст. Эйхвальда. О многочисленности Біармійцевъ въ IX в. см. Periplus Otheri et Wulfstani. Script. rer. Danie. T. II. Hafniae. Ed. Langebeki, 1773. p. 71.

или оттѣснена ими по другому направленію. Подобное смѣшеніе одного племени съ другимъ, мы наблюдаемъ въ настоящее время: Зыряне, а въ особенности Пермяки, живущіе вмѣстѣ съ Русскими, часто подчиняются вліянію послѣднихъ, принимаютъ ихъ языкъ, нравы и обычаи и постепенно превращаются въ русскихъ крестьянъ.

Домашняя жизнь Зырянъ-кочевниковъ въ первое время поселенія ихъ на сѣверѣ Европейской Россіи отчасти можетъ быть разъяснена при помощи такихъ древнихъ историковъ, какъ Тацитъ и Несторъ. Первый, описывая Финновъ, говоритъ, что они не имѣли ни домовъ, ни коней, ни оружія, питались травами, одѣвались звѣриными кожами, укрывались отъ непогоды подъ сплетенными вѣтвями, дѣтей своихъ сажали на деревья, защищая отъ звѣрей, женщины ходили на охоту наравнѣ съ мужчинами и пр. По свидѣтельству Нестора, народы Финскаго племени въ его время уже не были на столько грубы и дики, какъ во время Тацита, и имѣли постоянныя жилища. Соображая эти извѣстія съ мѣстными условіями края, нужно полагать, что Зыряне съ первыхъ дней прихода въ сѣверныя страны имѣли уже жилища и теплыя помѣщенія, безъ которыхъ тамъ невозможно жить зимой. Эти жилища они устраивали слѣдующимъ образомъ: выкапывали въ землѣ родъ погреба, который прикрывали остроконечной крышей, а на крышу накладывали земли. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья подстилали на землю траву или сухіе березовые листья, для сидѣнья могли употреблять чурбаны или корневища толстыхъ деревъ. Погреба нагрѣвались дровами и раскаленными до-красна каменьями; на нихъ же приготовлялась и пища. Въ эти землянки Зыряне переселялись на зиму со всѣмъ семействомъ и оставались въ нихъ до весны. Пригото-

вленныя такимъ образомъ жилища не требовали большой работы и были весьма удобны для кочующаго народа *). Вѣроятно остатки этихъ-то подземныхъ жилищъ и составляютъ находимые теперь въ большомъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи могилы, ямы, курганы и городища, извѣстные подъ именемъ *Чудскихъ*. Такихъ ямъ и кургановъ особенно много въ Вологодской губерніи. Въ г. Никольскѣ остатки этихъ ямъ указываютъ около нынѣшняго кладбища, близъ самаго города; въ Вельскомъ уѣздѣ, въ Вознесенской волости; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, въ волости Чудиновѣ. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, въ волости Ибской, въ деревнѣ Каргортъ есть гора подъ названіемъ «Чудь—гора». Гора эта съ трехъ сторонъ круглая, такъ что съ трудомъ можно попасть на вершину. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Зыряне принимались на вершинѣ этой горы выкапывать ямы, причемъ находили отверстія, которыя принимали за трубы, находили и старинныя вещи. Наконецъ лѣтъ 15—20 тому назадъ Зыряне въ одной изъ ямъ около деревни Ижемской случайно нашли цѣлый кувшинъ съ серебрянными монетами. При дальнѣйшихъ раскопкахъ на томъ же мѣстѣ было найдено много стариннаго оружія и вещей каменнаго и бронзоваго періода. Подобныя Чудскія ямы никогда не встрѣчаются по одиночкѣ, а всегда группами въ 10—20 штукъ.

Весьма интересными являются разсказы среди самихъ Зырянъ и Пермяковъ о «Чуди», оставившей городища, ямы и пр. Дѣло въ томъ, что одни изъ Зырянъ и Пермяковъ (Вятской губ.) эту Чудь считаютъ прямо

---

*) Характеръ такихъ жилищъ сохранился у Зырянъ до сихъ поръ въ такъ называемыхъ «пывсянахъ» или охотничьихъ избушкахъ.

своими предками, другіе же (Пермяки Пермской губ.) отрицаютъ это, признавая Чудь за другой народъ, отличный отъ Зырянъ и Пермяковъ и утверждаютъ, что они только заняли ея прежнія мѣста. Существуетъ слѣдующее преданіе у Вятскихъ Зырянъ относительно Чуди. «Давнымъ давно—разсказываютъ старики Зыряне—когда еще въ здѣшнія мѣста начальство не заглядывало, жилъ здѣсь одинъ народъ—Чудь. Жили эти Чуди, какъ звѣри, въ лѣсахъ; а лѣса тогда были не то, что нынѣшніе: ни проходу, ни проѣзду тогда черезъ нихъ не было, о дорогахъ ужъ и толковать нечего: ходили только по солнцу, да по звѣздамъ. Чудь и жила въ здѣшнихъ мѣстахъ, промышляя звѣрьемъ: и питалась звѣрьемъ, и одѣвалась звѣрьемъ. Долго-ли, коротко-ли, только вотъ и пришелъ сюда *Стэпа*—угодникъ (св. Стефанъ, епископъ Пермскій) и всѣхъ началъ крестить. А Чуди не хотѣлось этого. Со *Стэпой*—угодникомъ, пришли царскіе послуги и начали они Чуду ту тѣснить всячески и принуждать въ воду идти. А тогда такъ было: коли кто окрестится, тотъ настоящимъ русакомъ дѣлается и долженъ платить царю оброкъ. Чудь уперлась: «не хотимъ-де креститься, да царю оброки выплачивать». Кинулась она въ лѣса, убѣжать думала. Только царь послалъ народу еще того больше, и велѣлъ переловить ее всю и окрестить, и взять съ нея подати—оброки великіе. Видитъ Чудя: дѣло плохо, не сдобровать ей; выкопала она ямы, залѣзла туда, да и зарылась въ нихъ, и все имущество съ собой взяла.—«Такъ вся Чудь и погибла здѣсь въ этитъ ямахъ»?—спросите вы разсказчиковъ.—«Нѣтъ, зачѣмъ вся, они отвѣтятъ вамъ. Много тоже ея въ лѣсъ убѣжало. Мы вотъ теперь отъ этой Чуди и народились». Изъ этого преданія видно, что Вятскіе Зыряне и Пермяки вполнѣ вѣрятъ тому, что они съ

Чудью составляютъ одно и тоже племя, что Чудь не вся погибла, что потомки ея они, Зыряне. Между тѣмъ Пермяки Пермской губ. совершенно не признаютъ себя потомками Чуди. Они разсказываютъ, что Чудь, Чудаки, оставившіе городища, были другой, отличный отъ Пермяковъ, народъ, большая часть котораго не хотѣла принимать христіанскую вѣру (это было въ XV и XVI вв.) и обрекла себя добровольно на смерть. Она цѣлыми семействами забиралась въ нарочно вырытыя пещеры или ямы, ставила по угламъ столбики, дѣлала надъ ними крышу, накладывала на крышу камни и землю, потомъ сходила въ ямы съ имуществомъ, подрубала подставки и умирала подъ обрушившеюся на нихъ землею. Такимъ образомъ Чудаки исчезли, и ихъ мѣста заняли Пермяки. Итакъ одни Пермяки считаютъ себя потомками Чуди, а другіе отрицаютъ это. При этомъ противорѣчіи преданій у одного и того же народа, остается предположить, что остатки Чуди, (о которыхъ говорятъ Пермяки Пермской губ.), чрезъ смѣшеніе съ русскими переселенцами постепенно превратились въ Пермяковъ и стали забывать свой языкъ, обычаи, нравы, словомъ позабыли свою прошлую жизнь. Такими переселенцами въ сѣверные предѣлы, занимаемые тогда Зырянами и Пермяками, какъ увидимъ ниже, были Новгородцы. Быть можетъ, они жителей сѣвера и прозвали Чудью или Заволоцкою Чудью *).

---

*) Названіе это встрѣчается у Нестора при перечисленіи народовъ, обитающихъ въ Европейской Россіи, подъ 1078 г., подъ именемъ Заволочья; потомъ оно является въ древней Новгородской грамотѣ, договорной съ Ярославомъ Ярославовичемъ, въ 1264 г., въ которой сказано: «а се, княже, волости Новгородскые: волокъ со всѣми волостями... Заволочье, Пермь, Печора, Югра»... См. Карамз. Ист. Гос. Рос., т. IV, прим. 114. Слово «Заволочье», отъ котораго произошло названіе Зоволоцкой Чуди, производятъ

Ведя кочевую жизнь въ холодной странѣ, Зыряне, до введенія хлѣбопашества, питались травами, рыбою и звѣрями, одѣвались звѣриными кожами. Обширность лѣсовъ и изобиліе въ нихъ звѣрей и птицъ, естественно развивали между Зырянами звѣриную ловлю. Предпріимчивые и смѣлые изъ нихъ пріобрѣтали болѣе, чѣмъ было нужно для собственнаго употребленія и избытокъ отдавали промышленнымъ сосѣдямъ за ихъ произведенія: луки, стрѣлы и домашнія вещи; а отсюда возникла мѣна и потомъ торговля Зырянъ и Пермяковъ (древнихъ Біармійцевъ) съ сосѣдними народами.

Уже Готскій историкъ Іорнандъ упоминаетъ о торговлѣ соболями въ глубинѣ сѣвера съ VI вѣка, а въ это время по берегамъ Волги и далѣе къ югу жилъ промышленный и торговый народъ—Булгары, нахо-

---

отъ слова «волокъ». А послѣднее принимаютъ: во 1-хъ, въ смыслѣ пространства между судоходными рѣками, черезъ которое перевозили или перетаскивали суда; во 2-хъ, въ значеніи мѣста лѣсного, закрытаго, *заволоченнаго*. Предполагаютъ, что Двинская земля названа «Заволочьемъ» въ первомъ смыслѣ, т. е. что подъ волокомъ разумѣлось пространство между рѣками Двиною и Онегою. (См. Карамз. Ист. Гос. Росс., т. II, прим. 64). Но такое толкованіе едва ли приложимо къ данному случаю. Пространство между рѣками Онегою и Двиною, а равно между главными ихъ притоками, такъ велико и топко, что едва-ли когда-нибудь и кто-нибудь перетянулъ черезъ него хоть одно судно. Переволакиваютъ суда обыкновенно черезъ очень узкіе «волоки» или переволоки, когда притоки двухъ большихъ рѣкъ почти сходятся между собою. Гораздо правдоподобнѣе второе производство. До сихъ поръ слово «волокъ» во всеобщемъ употребленіи у Двинскихъ жителей (въ томъ числѣ и Зырянъ), именно въ значеніи дороги, идущей лѣснымъ мѣстомъ, на нѣсколько верстъ, на которой не встрѣчается никакого жилья, селеній. По всей вѣроятности, въ старину, между теперешнею среднею частью Архангельской губерніи и болѣе отдаленнымъ пространствомъ къ югу лежала слабо-населенная, лѣсистая и болотистая полоса земли съ именемъ «волока».

дившіеся въ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ сѣверомъ и югомъ и бывшихъ посредниками въ мѣновой торговлѣ Біармійцевъ съ южными и восточными народами *). Карамзинъ только предполагаетъ возможность торговли Булгаръ съ Персами **), но найденныя и находимыя древнѣйшія вещи и монеты (двумя съ половиною вѣками старѣе самыхъ древнихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи) въ странѣ, теперь и давно прежде занимаемой Зырянами и Пермяками, отвергаютъ всякое сомнѣніе въ возможности этой торговли. Такъ, въ 1846 г. найдены въ имѣніи графини Строгановой (въ Пермской губ.), на лѣвомъ берегу рѣчки Туй ***), впадающей въ Каму съ правой стороны, серебрянное блюдо, чашка съ татарскою надписью кругомъ, небольшой оловянный истуканъ главнаго божества Зырянъ—Золотой Бабы ****) и монеты династіи Сассанидовъ, цар-

---

*) Волга и Каспійское море открывали Булгарамъ путь въ страны, лежащія на югѣ и востокѣ отъ Каспійскаго и Аральскаго морей въ Персію, Бухарію и Индію; близость Дона и Чернаго моря облегчала для нихъ торговлю съ Греческой имперіей и Италіей. Вятка и Кама и соединенныя съ ними рѣки приводили Булгаръ въ сообщеніе съ восточной и ѣверной Европой, а верховьями Волги они сохраняли связь съ западными языческими племенами Россіи. Въ IX в. на Волгѣ красовался г. Булгаръ (въ 116 верстахъ на югъ отъ Казани). Черезъ этотъ городъ приходили произведенія южной Азіи въ Пермь или Біармію, а оттуда черезъ него же произведенія сѣвера въ Азію: онъ былъ складочнымъ мѣстомъ, гдѣ южные товары обмѣнивались на сѣверные. Булгаръ палъ въ 968 г. послѣ вторженія Русскихъ, но Булгары оставили памятникъ своего имени въ названіи Болгаръ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ. См. «Древній Булгаръ и татарскія о немъ преданія», Волжскій Вѣстникъ 1888 г. № 180 и 181.

**) Ист. Госуд. Росс. 1 т. 41 примѣч. и 207 стр. примѣч. 395.

***) Значитъ по—зырянски дорога.

****) По свидѣтельству Герберштейна, Золотая Баба (Зарни—Ань) находилась въ Обдорской странѣ, при устьѣ рѣки Оби, на

ствовавшихъ въ Персіи съ 226—651 г. Въ 1851 г. въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ былъ доставленъ кладъ изъ южной части Пермской губерніи, состоявшій изъ драгоцѣнныхъ вещей и монетъ скандинавскихъ, византійскихъ и индобактрійскихъ, начиная съ половины V вѣка и оканчивая началомъ VII вѣка. Найденныя въ томъ же году въ селѣ Ключахъ, Красноуфимскаго уѣзда, серебряныя блюда съ изображеніями какихъ-то животныхъ, по опредѣленію археологической коммиссіи, оказались произведеніемъ эпохи Сассанидскихъ царей: Эздегирда II, Кобода и Хосроя II (441—594 г.). Вблизи г. Устюга, Вологодской губ., былъ открытъ кладъ съ англо-саксонскими и нѣмецкими монетами X—XI вѣковъ. Вблизи г. Устьсысольска, той же губерніи, въ «чудскомъ городкѣ» или насыпи на довольно значительномъ пространствѣ, сажени въ $3^1/_2$ вышиной, въ числѣ другихъ археологическихъ находокъ, вырыты двѣ монеты: одна серебрянная, сассанидская, литая въ Бухарѣ въ половинѣ X в., другая изъ смѣси свинца и олова, вычеканенная въ Ташкентѣ въ концѣ X вѣка, тоже сассанидская. На берегу Оби, въ Самаровѣ, у Остяковъ, въ прошломъ столѣтіи, отыскано

правомъ ея берегу. Это была статуя, имѣвшая видъ безобразной старухи, на колѣняхъ она держала фигуру мальчика, котораго туземцы называли ея сыномъ, а другого, стоявшаго подлѣ,—внукомъ. Въ даръ этому божеству Зыряне приносили наловленныхъ звѣрей: соболей, куницъ, бѣлокъ, оленей, лисицъ. Кишки и мясо приносимыхъ животныхъ дѣлили на части и тутъ же съѣдали сырыми, а кровью и саломъ мазали ротъ и глаза Золотой Бабы. См. Sigismundi Herbersteini Rer. Moscoviticar. comment. Baselis, 1556 an. Itinerarium ad Peszoram jugariam, Obiusque fluvium, pag 56. Гваньини, кромѣ сего, говоритъ, что идолу Золотой Бабѣ, кромѣ Обдорцевъ, поклонялись Югры, Вогуличи и друг. сосѣдніе народы. Vid. Rerum Polonicarum, Guagnini. Libr. II, 205 pag. De idola aurea anus. Подр. см. ниже.

было металлическое зеркало съ арабскою надписью эпохи Халифата Аббассидовъ, X или XI в. *). Всѣ эти предметы убѣдительно доказываютъ сношеніе древнихъ Зырянъ и Пермяковъ съ Булгарами, потому что другими путями они не могли попасть въ Зырянскій край. Притомъ, разныя металлическія вещи домашняго употребленія: желѣзные топоры, желѣзная кольчуга, серебрянныя блюда, оловянныя чашки, серебрянныя ложки, золотыя запястья и серьги, находимыя въ Чудскихъ курганахъ и ямахъ, поддерживаютъ это убѣжденіе, потому что у Зырянъ тогда еще не было своихъ плавилень и мастерскихъ; не говоримъ уже о разныхъ Чудскихъ (мелкихъ) вещахъ, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Пермской и Вологодской губерній **). Наконецъ развалины древнихъ стѣнъ и рвовъ, могильныхъ насыпей, древнихъ укрѣпленій и валовъ, остатки древнихъ мостовъ, построенныхъ, по старинамъ сказаніямъ, древними Біармійцами для удобной доставки товаровъ, остатки прежнихъ зданій—все это доказываетъ оживленную торговлю, которая производилась въ этихъ странахъ. Академикъ Лепехинъ, съ которымъ мы вполнѣ согласны въ данномъ случаѣ, въ

---

*) См. журн. Мин. Внут. Д. 1852 г. № 7, стр. 122, 123, 164, 165, ст. Савельева.

**) Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ въ селѣ Княжъ-погостѣ (по преданію, столица Чуди, а потомъ Вымскихъ князей) въ 1853 г. были найдены Чудскія вещи: топорикъ, украшенный вдоль серебрянными насѣчками, промежутки покрыты золотомъ, мѣдная буса. Внизъ по р. Выми есть мѣсто, называемое «каръ» (городокъ) по преданію тутъ была крѣпостца. См. Вологод. губ. вѣд. 1853 г. № 46. Въ окрестностяхъ селеній Ижмы Устьсысольск. у., Вологодской губ., по рѣкамъ Печорѣ, Ижмѣ и ихъ притокамъ, до сихъ поръ находятъ желѣзные заступы, топоры, копачи, копья и другія орудія чрезвычайно странной формы, неизвѣстные въ Запечерьи.

своихъ «Дневныхъ запискахъ путешествія» т. IV, стр. 411—412 говоритъ: «въ странѣ Пермяковъ было издавна торговое мѣсто, гдѣ стекались для торговли разные народы: Шведы, Норвежцы, Датчане и др.; они пріѣзжали съ моря по Двинѣ. Сосѣдніе съ Пермяками Булгары доставляли имъ Персидскіе, Индійскіе, Греческіе и другихъ странъ товары. Отсюда и можно заключать о довольствѣ и богатствѣ Пермянъ. Объ этомъ же можно судить и изъ того, что у нихъ было много боговъ и кумировъ, разнаго достоинства и чести». Г. Фирсовъ доказываетъ *), что въ старину Финны вели торговлю даже съ Греками, имѣвшими свои колоніи на берегахъ Чернаго моря; послѣдніе получали отъ Финновъ продукты горной промышленности. Не смотря на это свидѣтельство древнихъ и новыхъ изслѣдователей,—о торговлѣ въ древнее время Біармійцевъ съ народами юга и сѣвера,—и научныя изысканія, подтверждающія эти свидѣтельства, являются попытки опровергнуть ихъ. Такъ г. Дмитріевъ въ книжкѣ «Пермская старина», (Пермь, 1889 г.) раздѣляетъ всѣхъ изслѣдователей на два противоположныхъ лагеря, называя однихъ «скептиками» Біарміи, а другихъ «апологетами» ея. Признавая себя «скептикомъ» древней Біарміи, онъ сильно вооружается противъ ея «апологетовъ», которыхъ—замѣтимъ — громадное большинство въ сравненіи съ «скептиками» и въ числѣ которыхъ такія лица, какъ Ломоносовъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ и друг. Стараясь, повидимому, доказать съ строго-историческою точностію, что древней Біарміи никогда не существовало, что это выдумка скандинав-

*) См. Положенія инородцевъ на сѣверо-востокѣ Россіи. Казань 1886 г. стр. 34.

скихъ путешественниковъ (напр. отчетъ Отера королю Альфреду о его путешествіи по сѣвернымъ странамъ во второй половинѣ IX в.), которую простодушно приняли наши историки за чистую правду, г. Дмитріевъ на стр. 31, въ объясненіе находимыхъ разныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и древнѣйшихъ Персидскихъ монетъ въ Пермской и Вологодской губ. (т. е. тамъ, гдѣ жили Пермь, Печора, Чудь, составлявшія Біармійскій народъ), говоритъ, что эти вещи наносныя, что онѣ, при переноскѣ съ юга на сѣверъ, «какимъ-то образомъ» остались въ Пермскихъ странахъ и потому теперь случайно открываются отъ времени до времени; но такъ какъ онѣ—продуктъ восточной торговли, то ничуть и не доказываютъ самобытной культурности древней Перми. Съ послѣднимъ выводомъ г. «скептика» Біарміи мы согласны. Древніе Біармійцы, т. е. Зыряне и Пермяки не имѣли у себя культуры, но у нихъ была сильно развита звѣроловная промышленность; Біармійскіе лѣса были наполнены разными пушными звѣрями, убивая которыхъ, Біармійцы пріобрѣтали себѣ богатство, состоящее изъ мягкой рухляди. Этихъ пушныхъ звѣрей они вымѣнивали на иностранные товары, золотыя и серебряныя монеты и вещи домашняго употребленія*). Иначе какъ же могли попасть въ руки Біармійцевъ старинныя Персидскія монеты, разные сосуды съ татарскою надписью и изображеніями разныхъ тропическихъ звѣрей и растеній, если у нихъ не существовало мѣновой торговли, если у нихъ не

---

*) У зырянъ собственнаго издѣлія вещей домашняго обихода въ старину не было. Доказательствомъ служитъ то, что на зырянскомъ языкѣ нѣтъ словъ для обозначенія самыхъ необходимыхъ вещей домашняго хозяйства, напр. горшокъ, ухватъ, поваренка, ковшъ и др.

было богатой промышленности—звѣроловства? Относясь критически — строго къ иностраннымъ сказаніямъ о древней Біарміи, г. Дмитріевъ спрашиваетъ историковъ—апологетовъ Біарміи, почему объ этой странѣ, такъ мало говорятъ наши лѣтописи. Онѣ—продолжаетъ г. Дмитріевъ—очень скромно говорятъ о «баснословныхъ» богатствахъ древней Біарміи, упоминаютъ, правда, о вывозѣ отсюда мягкой рухляди, вещей съ «узорочьями» *), даже о «какомъ-то» закамскомъ серебрѣ и только. Касаясь между прочимъ нашихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о естественныхъ богатствахъ сѣверныхъ странъ и приближаясь, по его мнѣнію, къ дѣйствительной исторіи Біарміи, г. Дмитріевъ единственно опирается на извѣстный лѣтописный разсказъ Гюряти Роговича о Югоріи. Мы ниже скажемъ, по какимъ причинамъ сложился у Новгородцевъ этотъ разсказъ, передаваемый въ лѣтописи, въ которомъ одномъ старается найти историческую правду г. Дмитріевъ, игнорируя всѣ послѣдующія свидѣтельства о Біарміи и ея естественныхъ богатствахъ. А такихъ свидѣтельствъ не мало. Что напр. привлекало тѣхъ же Новгородцевъ въ отдаленныя сѣверныя страны: Югорію, Заволочье, Пермь и Печору? Изъ-за чего враждовали великіе князья Московскіе съ Новгородскимъ Вѣче? А вотъ изъ-за чего. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1232 г. читаемъ: «Князь великій Иванъ пріиде изъ Орды и взъверже гнѣвъ на Новгородъ *прося у нихъ сребра закамскаго*» **). Ужели великіе князья Московскіе и Новгородское Вѣче, каждый претендуя на завладѣніе закамскимъ серебромъ и мягкою рухлядью, воевали такъ долго (до 1471 г.,

*) 1 Новгор. Лѣтоп. подъ 1193 г.

**) См. Карамз. Ист. Гос. Рос., т. IV, пр. 291; т. V, стр. 233.

когда Новгородъ подчинился власти Московскихъ государей) изъ-за какихъ-нибудь ничтожныхъ добычъ и мнимыхъ богатствъ Біарміи. Ужели всѣ тѣ трудные переходы по паршамъ (топкія равнины, покрытыя березнякомъ и соснами), болотамъ, лѣсистымъ мѣстамъ, стоившимъ иногда жизни сотни людей изъ войска, чтобы пробраться въ какую-нибудь Югорію, побѣдить ея жителей *), ужели все это совершалось для добыванія какихъ-то мнимыхъ богатствъ страны? Извѣстно далѣе, что всѣ сборы, налагаемые великими Князьями на Новгородъ, главнымъ образомъ падали на Заволочье. Такъ называемыя Печерскія дани переходили часто въ руки князей. Подъ 1132 г. Несторомъ сообщается извѣстіе, что Новгородцы «даша дани Печерскые» князю Изяславу для великаго князя Ярополка Владиміровича **). При Дмитріѣ Іоанновичѣ, когда Новгородцы должны были заплатить окупу (выкупъ) восемь тысячъ руб., то они со всѣхъ своихъ волостей и съ самаго Новгорода собрали только три тысячи, а Заволочье дало пять тысячъ. Въ 1472 г. Іоаннъ Васильевичъ III посылаетъ сильное войско подъ начальствомъ князя Пестраго, который разбиваетъ Пермскія войска и беретъ въ плѣнъ ея предводителей: Кача, Бурмана и Зырана. Ужели и этотъ походъ совершенъ изъ-за владѣній только мнимыми богатствами Перми, старинной Біарміи? Почтенный изслѣдователь древней Перми очевидно отрицаетъ ея древнія богатства потому, что не видитъ ихъ тамъ теперь. Правда, нѣтъ теперь въ Зырянскомъ и Пермскомъ

---

*) Такіе переходы Новгородскихъ войскъ для усмиренія отложившихся князей Югорскихъ въ сопровожденіи Зырянъ—знатоковъ дороги были совершены въ 1445 г.

**) Карамз., т. II, стр. 107 и прим. 260.

краѣ ни тѣхъ дорогихъ пушныхъ звѣрей, которые водились въ древности (напр. бобровъ, соболей, очень мало выдръ; причина понятна: повсемѣстное, почти безконтрольное истребленіе лѣсовъ въ краѣ); нѣтъ ни того закамскаго серебра, которымъ, по свидѣтельству лѣтописей, жители Біарміи платили дань Новгороду. Пусть въ настоящей бѣдной обстановкѣ Зырянъ и Пермяковъ—потомковъ древнихъ Біармійцевъ, ничто не напоминаетъ прежняго матеріальнаго благосостоянія; но развѣ отъ настоящаго быта извѣстнаго народа можно дѣлать заключенія о бытѣ древнѣйшемъ? Современное состояніе Зырянъ и Пермяковъ—слѣдствіе исторіи, а сохранившіеся преданія и памятники слишкомъ открыто говорятъ пытливымъ изслѣдователямъ (замѣтимъ кстати, что сообщая результаты научныхъ трудовъ г. Маліева, бывшаго профессора Казанскаго, а потомъ Томскаго университета, добросовѣстно изучавшаго въ 1886 г. Пермскій край и ея древнихъ обитателей «путемъ точныхъ краніологическихъ изысканій» и пришедшаго къ нежелательному для г. Дмитріева выводу, г. скептикъ Біарміи на стр. 23 своей «Пермской старины» говоритъ: «сужденія г. Маліева о славѣ древней Біарміи не самостоятельны, совершенно бездоказательны и странны тѣмъ болѣе, *что самъ же онъ при раскопкахъ могъ убѣдиться въ противномъ*» (!)) о нѣкогда бывшей, сравнительно высшей ступени матеріальнаго благосостоянія края, съ которой сошли или были сведены теперешніе потомки древнихъ Біармійцевъ, и о знаніи Біармійцами культурныхъ произведеній древнихъ народовъ Азіи *).

---

*) Дѣлаемъ весьма справедливую уступку «апологетамъ» Біарми. См. *Карамзина*, Ист. Гос. Рос. т. III, 449 стр. *Булыгина*, «Исто-

Кромѣ Булгаръ, древніе Зыряне и Пермяки имѣли торговыя сношенія съ Скандинавцами. Смѣлые скандинавскіе мореходцы уже въ IX в., т. е. со времени посѣщенія Отеромъ береговъ Сѣверной Двины—производили торговлю съ Біарміей. Съ начала XI в. древняя Пермь, а впослѣдствіи Чердынь, были главнымъ мѣстомъ торговли. Сюда привозились отъ Булгаръ серебро и золото Азіи, персидскіе и индійскіе товары и обмѣнивались на мягкую рухлядь, на бѣличьи мѣха и другіе товары, доставляемые съ дальняго сѣвера; послѣдними звѣньями въ этой цѣпи торговыхъ сношеній далѣе къ Ледовитому морю были торговыя мѣста при устьяхъ рѣкъ Печоры и Двины *). Эта торговля со Скандинавцами продолжалась до 1222 г., когда они мечемъ й огнемъ опустошили часть Біарміи и пріобрѣли богатую добычу, состоявшую изъ серебра и дорогихъ мѣховъ. Съ этого времени прекратилось всякое сообщеніе черезъ Бѣлое море. Болѣе трехъ вѣковъ этотъ торговый путь оставался неизвѣстнымъ, пока возстановилъ его Ричардъ Ченслеръ въ 1553 году и сдѣлалъ Архангельскъ доступнымъ для

рическ. воспоминанія на пути изъ Саратова въ Астрахань. Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836 года. Ч. 12-я, стр. 51—53.

*) Извѣстны два водныхъ пути для торговыхъ сношеній сѣвера съ югомъ: *одинъ*—Волга, ея судоходный притокъ Кама, изъ которой по Вишерѣ, Колвѣ и Вышуркѣ плыли въ Вогульку, а оттуда черезъ горный кряжъ, называемый Печорскимъ волокомъ, длиною около 4-хъ верстъ, въ Печору, впадающую въ Сѣверный океанъ, соединяющійся такимъ образомъ съ Каспійскимъ моремъ; *другой* водный путь—частію тѣми же рѣками, также Камою и Вычегдою, соединялъ Каму съ Двиною, впадающею въ Бѣлое море у Архангельска, сухимъ путемъ переѣздъ съ ½ версты. На этихъ рѣкахъ между Бѣлымъ моремъ, Волгою и Уральскимъ хребтомъ лежала Пермская страна или Біармія, славившаяся богатствомъ и торговлею.

Англійской торговли; но еще за 700 лѣтъ до него этотъ путь открытъ былъ Скандинавцами и почти четыре вѣка направлялись по нему ихъ торговыя и военныя суда.

Знаменитые въ древней Россіи обширною торговлею и грабежомъ Новгородцы не замедлили явиться въ Біармію. Въ первой половинѣ XI вѣка, черезъ Бѣлозерскую область, Новгородцы производили уже торговлю съ сѣверо-восточными народами, покорили Біармію, обложили данью жителей ея, окрестности Печоры и Югоріи или Угоріи. Пріѣзжая сюда, Новгородскіе купцы пользовались правомъ безпошлинной торговли и обогащались размѣномъ товаровъ, по преимуществу звѣроловныхъ снарядовъ и желѣзныхъ издѣлій: топоровъ, ножей, луковъ и стрѣлъ на дорогіе мѣха и шкуры пушныхъ звѣрей. Здѣсь же Новгородскіе купцы встрѣчались и съ иностранными купцами и съ ними заводили коммерческія связи. Какъ первые изъ русскихъ, открывшіе отдаленныя сѣверныя страны—Пермь, Печору и Югорію и узнавшіе о туземныхъ народахъ и богатой наживѣ отъ нихъ, Новгородцы боялись лишиться своихъ выгодъ отъ участія въ торговлѣ другихъ русскихъ купцовъ. Эта боязнь заставляла ихъ пускаться на выдумки, изобрѣтать саги о странахъ, ими навѣщаемыхъ, и о народахъ, тамъ живущихъ. Вотъ одинъ изъ такихъ вымышленныхъ разсказовъ Гюряти (Георгія) Роговича—о народахъ, запертыхъ въ горахъ «зайдуче Лукоморья», помѣщенный у Нестора подъ 1092 г. «Се хощу сказати, говоритъ Несторъ, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печору, людіе, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдятъ съ

самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «дивьно находихомъ мы чюдо, его же нѣ-есми слышали преже сихъ лѣтъ; се же третьее лѣто *) поча быти, суть горы зайдуче Лукоморья **), имъ же высота ако до небесе и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и еще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою ***) противу. Есть же путь до горъ тѣхъ не проходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощію». Мнѣ же рекшю къ Гюрятѣ: «си суть людье заклепенніи Александромъ Македоньскымъ царемъ» ****).

Обманывая подобными разсказами другихъ русскихъ торговцевъ, сами Новгородцы благополучно ѣздили къ Югрямъ и скупали у нихъ «серебро, соболи и ина узо-

---

*) 1089 г.

**) Или «луку моря».

***) Т. е. шкурою.

****) Несторъ по Лаврентьевскому списку. См. Полн. Собр. Русс. Лѣтописей, т. I, стр. 107. Югра, какъ видно изъ разсказовъ Гюряты Роговича, съ одной стороны граничила съ народомъ Печорой, который жилъ по рѣкѣ того же имени, съ другой стороны доходила до Уральскихъ горъ; словомъ занимала весь нынѣшній Запечорскій край. Безъ сомнѣнія, горы, лежавшія за Югрой и «лукоморьей» были Уральскія, путь къ которымъ, по причинѣ снѣговъ, пропастей и лѣса, былъ непроходимъ. Лукоморьей или лукой морской, а по выраженію Карамзина, «морскимъ излучистымъ берегомъ, имѣющимъ видъ лука яли дуги», могла быть Хайпутырская губа, оканчивающаяся Югорскимъ шаромъ.

Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1114 годомъ, передается другой разсказъ о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ, представлявшихся очевидцамъ «за Югрой и за самоѣдью».

рочья», пока, въ 1324 году, Устюжане, открывъ обманъ Новгородцевъ, первые устремились по ихъ слѣдамъ въ эту богатую, по туземной промышленности, страну. За это оспариваніе Устюжанами у Новгородцевъ выгодъ въ Югріи, нѣсколько лѣтъ происходили раздоры между ними, окончившіеся тѣмъ, что Новгородцы силою прекратили Устюжанамъ доступъ въ Югорскую землю.

Въ періодъ этого господства Новгорода надъ Пермью, въ концѣ XIII вѣка, по сосѣдству съ Пермяками, въ нынѣшней Вятской губерніи образовалась Хлыновская область, которая также производила торговлю съ Пермью, находясь къ ней ближе, чѣмъ Новгородъ.

Въ XIV вѣкѣ возникло новое и опасное соперничество для новгородской торговли на сѣверо-востокѣ Россіи. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита, зная, какъ много закамскаго серебра и дорогихъ мѣховъ каждогодно привозилось въ Новгородъ съ сѣверо-востока, пожелалъ присоединить Пермскую страну къ своимъ владѣніямъ, и съ этою цѣлію прежде всего были заведены съ нею непосредственныя торговыя сношенія. Преемники Калиты учреждали въ Пермской странѣ торговыя конторы и дѣлали также много попытокъ къ подчиненію ея своей власти. Но всѣ эти попытки не имѣли успѣха и ограничивались лишь завладѣніемъ, и то непостояннымъ, нѣкоторыхъ Пермскихъ земель. Правда, Новгородъ дѣлился съ Москвой выгодами Перми, но часть ихъ, въ сравненіи съ цѣлымъ, казалась слишкомъ ничтожною Московскимъ государямъ,—и это тѣмъ болѣе, что государственная казна, по тогдашнему бѣдственному состоянію Россіи, далеко не покрывала расходовъ князей въ корыстолюбивой ордѣ, и Московскіе государи могли расчитывать на вѣрныя средства своему благосостоянію отъ обширныхъ статей доходовъ, собираемыхъ Новго-

родомъ въ Перми *). Такимъ образомъ около двухъ вѣковъ Пермь, вмѣстѣ съ другими Новгородскими владѣніямн на сѣверо-востокѣ была предметомъ споровъ Москвы и Новгорода. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ первой шло постепенное присоединеніе Новгородскихъ владѣній къ Московской державѣ. Дмитрій Іоанновичъ Донской принудилъ Новгородъ уступить часть владѣній Вычегодской или *Малой Перми* **). А Василій

---

*) Произведенія, которыя получали Новгородцы изъ Заволочья, Двинской земли и Пермской страны, во время своего владѣнія этими землями, составляли: 1) дань, извѣстная подъ именемъ *Печерской*, которая состояла въ шкурахъ пушныхъ звѣрей (о ней упоминается въ первый разъ подъ 1134 г. въ Новгор. Лѣтоп.); 2) тѣже звѣринныя шкуры подъ названіемъ *рухляди*, вымѣнивавшіяся на нѣмецкія сукна и покупавшіяся на деньги (см. 1 Новгор. лѣтоп. подъ 1193 г.); 3) *закамское серебро*, получавшееся въ размѣнъ на тѣ же предметы. Оно пріобрѣталось Пермскими жителями черезъ мѣну съ Югорскими народами,—а эти послѣдніе получали его черезъ сосѣдей отъ жителей алтайскихъ горъ. Это серебро и теперь находятъ въ Вологодской и Пермской губерніяхъ въ видѣ прутьевъ, колецъ и другихъ вещей (о закамскомъ серебрѣ упоминается въ Новгор. Лѣтоп. подъ 1232 г.). *Рубль* по-зырянски и пермяцки и теперь называется *шатъ*, т. е. прутъ, а копѣйка—*уръ*, т. е. бѣлка.

**) Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Великими князьями Тверскими и Московскими извѣстно лишь одно общее названіе: Перемь, Перьмь. См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. IX т. 2 и 4 стр. (остальныя владѣнія Новгорода называются: Волокъ, Заволочье, Чудь, Печора, Югра). Въ концѣ XIV вѣка Епифаній, жизнеописатель Св. Стефана, еп. Пермскаго, въ перечисленіи странъ и народовъ сѣверо-востока Россіи упоминаетъ о «Перми Великой, глаголемой Чусовой» (Памятн. старин. Рус. Литер. вып. IV стр. 123). Что это за *Пермь Великая* и гдѣ ея границы? *Карамзинъ* опредѣляетъ границы Перми Великой слишкомъ обще: «Великая Пермія занимала весь сѣверо-восточный уголъ Европейской Россіи, т. е. нынѣшнія губерніи: Вятскую, Пермскую и восточную половину Вологодской и Архангельской губ. (Ист. Карамз. 1, 22 стр. изд. Эйнерлинга). *Прот. Евг. Поповъ*

II Темный (1425—1462) отправилъ къ Пермякамъ

(«Житіе Св. Стефана, еп. Перм.» Пермь 1888 г. стр. 77): «Великая Пермь лежала по рѣкамъ: Удорѣ, Печорѣ, Камѣ и Чусовой». Г. *Лыткинъ* («Зырянскій край и зыр. языкъ» Спб. 1889 г. стр. 20) изъ даннаго Епифаніемъ Великой Перми эпитета «Чусовая» опредѣляетъ ея границы между рѣками: Вишерой, Чусовой и Камой. Г. *Дмитріевъ* («Пермская старина», Пермь 1889 г. стр. 66) подъ вліяніемъ г. Лыткина: «Пермь Великая, глаголемая Чусовая, лежала между рѣкой Чусовой и ея притоками и озеромъ Чусовскимъ преимущественно по Камѣ, Нижней Вишерѣ и Колвѣ, на западъ до Колвы, на востокъ до Уральскаго хребта. Г. Лыткинъ къ своему опредѣленію еще прибавляетъ, что по обширности занимаемаго мѣста Пермь названа Великой, и она не была просвѣщена Св. Стефаномъ. Такимъ образомъ, относительно опредѣленія границъ Перми Великой согласны и прот. Евгеній Поповъ, и г. Лыткинъ и г. Дмитріевъ. Интереснымъ, далѣе, является то, что названіе «Великая Пермь» въ разное время усвоялось и разнымъ областямъ. Такъ, по свидѣтельству г. Пушкарева («Описаніе Вологод. губ.» Вологда 1846 г. стр. 34—35) и за нимъ архим. Макарія («Сказаніе о жизни и трудахъ Св. Стефана, еп. Перм. Спб. 1856 г. стр. 37), со времени учрежденія въ г. Устьвымѣ епископіи, Великою Пермью стала называться Устьвымская область, а прежняя Великая Пермь (Чердынская область) стала именоваться «Старою Пермью» («по причинѣ обитавшаго въ ней нѣкогда древняго народа—Перми»). Почти одновременно образовалась «Малая Пермь» или Пермца, въ въ отличіе отъ Великой Перми, и заключалась въ одной зырянской волости Сольвычегодскаго уѣзда (Дмитріевъ, 57 стр.). Названіе «Великіе Перми» за Устьвымскою областью удерживалось до тѣхъ поръ, пока послѣдняя находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а потомъ это названіе опять перешло къ Чердынской области, а названіе «Старая Пермь» пріучилось къ Зырянской области по берегамъ рѣкъ: Вычегды, Выми, Сысолы и Лузы (Евгеній Поповъ, 77 стр.), т. е. тамъ, гдѣ до того времени была Великая (Устьвымская) и Малая (Вычегодская) Пермь. Г. Лыткинъ напротивъ утверждаетъ, что названіе «Великой Перми» удерживалось за указанными имъ границами и послѣ учрежденія въ Устьвымѣ епископской каѳедры, что епископы до 1580 г. титуловались не «Велико-Пермскими», (какъ думаютъ Архим. Макарій, г. Савваитовъ и г. Шестаковъ), а просто «Пермскими», и что епископы стали титуловаться Великопермскими съ—1850 г., вслѣдствіе упадка Вычегодской Перми въ

намѣстника, котораго однако Новгородцы прогнали *). Въ 1470 году Новгородцы опять выгнали Московскаго намѣстника изъ Пермской страны, сожгли его резиденцію—Керголь **) и присвоили всѣ земли, уже принадлежавшія Москвѣ ***). Но въ слѣдующемъ 1471 г. самъ Новгородъ палъ передъ Москвою, и владѣнія его мало по малу подчинились Московскому княже-

---

матеріальномъ отношеніи и возвышенія Вишерско-Чусовой Перми или Великой (см. стр. 21 «Зырян. край и зыр. языкъ»). Не смѣемъ принимать утвердительно ни мнѣніе Архим. Макарія, ни г. Пушкарева и др., ни мнѣніе г. Лыткина. Быть можетъ, вслѣдствіе историческихъ перемѣнъ, названія мѣстностей мѣнялись: та, которая называлась Великою Пермью, стала называться Старою Пермью, а со временемъ опять Великою, тогда какъ прежняя Великая Пермь (Устьвымская область) была названа Старою. Но, кажется, вѣрнѣе взглядъ г. Лыткина, потому что епископы живя въ Устьвымѣ, не назывались «Велико-Пермскими». Пермскіе князья, живя въ г. Чердыни, титуловались «Велико-Пермскими» и просто «Пермскии». По писцовымъ книгамъ XVI и XVII вв. Чердынская область называлась Великою Пермью: «Пермь Великая—Чердынь» (см. Дмитріева, Перм. старина» 73—5 стр.). Въ книгѣ «Большому Чертежу» за 1627 г. стр. 150, 199 и 201 мѣсто около Устьвыма, средоточія Зырянъ, названо городомъ—«Старою Пермью», а Великая Пермь опредѣляется около г. Чердыня (Пермской губ.). Съ достовѣрностью извѣстно лишь то, что часть Вычегодской Перми, самой богатой (соболями, бобрами и куницами), называвшаяся въ мѣстныхъ Московскихъ документахъ «Малою Пермью», по рѣкамъ Вычегдѣ, Сысолѣ и Лузѣ, при Димитріѣ Донскомъ принадлежала Московскому княжеству; св. Стефанъ, Просвѣтитель Вычегодскихъ Зырянъ, въ 1379 г. получилъ охранную грамоту отъ великаго князя Московскаго. Въ это же время въ Вычегодской области жили разные Московскіе чиновники: тивуны, доводчики и приставники, что видно изъ рѣчей Памы-язычника къ Зырянамъ и св. Стефану. (См. Памятники Старинной Русской Литературы, изд. Кушелева-Безбородко, выпускъ IV, стр. 138 и 141 и Акты Археографической Экспедиціи СПБ. 1836 г. т. I, стр. 72—75).

*) См. Акты Историческіе, т. I, № 258, стр. 487.

**) Керъ,—*кар*—городъ, *голь* или *гэлг*—бѣдный.

***) См. Акты Археографич. Экспедиціи, т. I, № 94, стр. 74—5.

ству *). Въ это время въ Пермской странѣ, по рѣкамъ: Камѣ и Колвѣ, въ нынѣшней Пермской губерніи, были города: Великая Пермь или Чердынь, Изкаръ, Урэсъ и Покча.

Кромѣ описанныхъ нами торговыхъ сношеній Зырянъ съ Булгарами, Скандинавцами, Новгородцами, Вяткою и Москвою, древніе Зыряне и Пермяки съ давняго времени производили торговлю съ Югорскими народами, вымѣнивая отъ нихъ закамское серебро на произведенія, получавшіяся отъ Новгородцевъ.

Какъ скоро древніе Зыряне и Пермяки стали вести осѣдлую жизнь, стали знакомиться съ прибывавшими къ нимъ иностранцами, завели съ ними торговлю, мѣняя единственное свое богатство—шкуры звѣрей прежде всего на предметы, необходимые въ домашнемъ быту,—не замедлили появиться у нихъ земледѣліе и скотоводство. Исторія находитъ ихъ земледѣльцами уже при первомъ съ ними знакомствѣ. Такъ, извѣстный мореплаватель Отеръ во второй половинѣ IX вѣка нашелъ у Біармійцевъ довольно обработанную землю и населенныя ими мѣста. Тоже самое, и еще въ большей степени, свидѣтельствуютъ коренныя зырянскія слова,

---

*) Въ 1472 г. Іоаннъ III, покоряя Пермскіе народы, послалъ къ нимъ князя Ѳедора Пестраго и Гаврилу Нелидова, которые близь городка Изкара (*изъ* камень, *кар*—городъ—каменный городокъ. Изкаръ и теперь существуетъ вблизи извѣстнаго городища того же имени, къ югу отъ села *Ныробъ* и къ востоку отъ рѣки Колвы), разбили Пермское койско и взяли въ плѣнъ его предводителей: *Кача* (прозвище, значитъ сорока), *Бурмата* (буртод,—бурмот—лицетворецъ; или бур—добрый, мат, мортъ—человѣкъ), *Мичкана* (украшенный, мича—красивый, кань—котъ) и *Зыпра* (зын—зон—парень). См. «Русс. лѣтоп. по Никонову списку» изд. Академіи Наукъ, СПБ. 1790 г. Ч. VI, стр. 37, 44—45. Полн. Собр. Русс. Лѣтоп. т. VI, стр. 194 и т. VIII, стр. 169.

обозначающія земледѣльческіе предметы, орудія и работы, таковы напримѣръ:

Идъ—ячмень, *зэръ*—овесъ, *тусь*—хлѣбное зерно, *сю*—рожь, *шабды*—ленъ, *кэнтусь*—конопля, *шепъ*—колосъ, *чарла*—серпъ, *вундыны*—жать, *идчасъ*—солома, *пиня*—борона, *вартны*—молотить, *кольта*—снопъ, *рынышъ*—овинъ, *изны*—молоть, *гэръ*—соха, *кэдчьны*—сѣять и т. д.

Совмѣстно съ земледѣліемъ, появилось и скотоводство, доказательствомъ служатъ тоже коренныя зырянскія слова для названія домашнихъ животныхъ, получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ и работъ для добыванія корма:

Вэвъ—лошадь, *мегэ*—баранъ, *рысь*—творогъ, *Эшь*—быкъ, *норсь*—свинья *), *вый*—масло, *мэсъ*—корова, *яй*—мясо, *чипанъ*—курица, *ыжъ*—овца, *йевъ*—молоко, *колькъ*—яйцо, *видчь*—пожня, *турынъ*—сѣно, *ычкыны*—косить и т. д.

Изъ произведеній огородничества давно извѣстны въ зырянскомъ краѣ:

Тагъ—хмель, *кушманъ*—рѣдька, *сёртни*—рѣпа, *анькычъ*—горохъ.

Лукъ и картофель появились недавно.

Такимъ образомъ, главныя занятія осѣдлости—земледѣліе и скотоводство были извѣстны Зырянамъ уже въ IX столѣтіи. Быть можетъ—да это и вѣроятнѣе всего—они впервые узнали объ этихъ занятіяхъ отъ Булгаръ, какъ извѣстно, давно занимавшихся, вмѣстѣ съ обширною торговлею, воздѣлываніемъ полей и раз-

---

*) Свиньи, отличающіяся тучностію и длиною ушей, и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зырянскаго края извѣстные подъ именемъ «чудскихъ».

множеніемъ домашнихъ животныхъ *); съ теченіемъ времени обѣ эти крупныя отрасли сельскаго хозяйства усвоились Зырянами въ такой степени, что онѣ остались принадлежностью крестьянъ и по основаніи городовъ.

Обращаемся къ семейному быту древнихъ Зырянъ. Весьма интересными являются заключенія брачныхъ союзовъ, извѣстныя въ старину у Славянъ подъ названіемъ «умыканія невѣстъ», существовавшія у Зырянъ въ язычествѣ и сохранившіяся даже до настоящаго времени. Зырянское «умыканіе невѣстъ» много напоминаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ и дополняетъ сказаніе Нестора о бракахъ у древнихъ Славянъ. Лѣтописецъ говоритъ: «А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху вся нечиста, и брака у нихъ не бываше; но умыкаху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху; живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечиста, срамословіе въ нихъ предъ отцы й предъ снохами; браци не бываху въ нихъ; но игрищи межю селы. Схожахусь на игрища и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщашеся; имѣяху по двѣ и по три жены» **).

У Зырянъ умыканіе подготовляется также на игрищахъ ***). Если молодому «зону» (парню) нравится дѣвица, но онъ по чему нибудь не можетъ расчитывать на согласіе родителей ея отдать ее за него, то на

---

*) Карамзинъ, I т., 207 стр., 395 прим.

**) Полн, Собр. Лѣтоп., т. I, стр. 6. Ср. «Несторъ» Шлецера, I ч. 220—221 стр.

***) Мы передаемъ, какъ оно дѣлается теперь, но несомнѣнно такъ оно было и въ язычествѣ у Зырянъ.

игрищѣ срываетъ съ нея платокъ и уноситъ съ собою. Если послѣ этого дѣвица, имѣя случай просить о возвращеніи платка, не проситъ,—это считается согласіемъ съ ея стороны, во что бы то ни стало, отдать свою руку. Въ такомъ случаѣ влюбленные вѣнчаются тайно отъ родителей невѣсты. Послѣ вѣнчанія новобрачные выбираютъ посредника—какого-нибудь кума, свата или просто пріятеля родителей невѣсты, который и отправляется къ послѣднимъ, запасшись виномъ. Отецъ молодой, конечно зная уже въ чемъ дѣло, сначала горячится, но потомъ, послѣ хорошаго угощенія, уступаетъ убѣжденіямъ посредника и даетъ обѣщаніе простить виновныхъ. Послѣдніе сейчасъ же являются, падаютъ въ ноги и получаютъ прощеніе.

У Зырянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще теперь бываютъ случаи покупки невѣстъ, что какъ будто соотвѣтствуетъ древне-русскому «вѣно». Такимъ образомъ оба способа заключенія брачныхъ союзовъ, существовавшіе у Славянъ, по Нестору, каждый отдѣльно, въ разныхъ мѣстностяхъ,—у Зырянъ встрѣчаются вмѣстѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Бракъ посредствомъ «умыканья»—бракъ по страсти, а бракъ за «вѣно»—бракъ по расчету: оба вида не исключаютъ другъ друга, а напротивъ даже существованіе одного вида (напр. бракъ за вѣно) предполагаетъ существованіе другаго и еще скорѣе наоборотъ: иначе «умыканье« не имѣло бы смысла. Не существовали ли оба способа брачныхъ союзовъ совмѣстно и у древнихъ Славянъ? *).

---

*) Въ своей исторіи проф. Соловьевъ происхожденіе того и другаго обычая объясняетъ родовымъ бытомъ Славянъ. Отдавая все вниманіе этому мнѣнію, замѣтимъ, что и тотъ и другой способы брачныхъ союзовъ, можетъ быть, и у Славянъ не исключалъ другъ друга.

Особенности семейнаго быта Пермскаго народа въ концѣ XV вѣка поражали современниковъ. Такъ митрополитъ Симонъ въ грамотѣ Велико-Пермскому князю Матѳею Михайловичу *) обращается къ Пермякамъ съ такимъ увѣщаніемъ: «женитвъ незаконныхъ не чините Богумерзскихъ, якоже слышу о васъ, что деи у васъ поимаются въ племени по ветхому и по татарскому обычаю: хто у васъ умретъ, а втъры, деи его братъ жену его поимаетъ, а третьи деи братъ его такожде творитъ, а жены деи ваши ходятъ простовласы, непокровенными главами. Ино то чините не по закону христіанскому... и вы бы отъ сихъ мѣстъ напредъ такъ не чинили, какъ невѣрніи чинятъ» **).

Указанное здѣсь митрополитомъ Симономъ обыкновеніе жениться на вдовахъ братьевъ какъ будто напоминаетъ еврейское ужичество. Но нельзя не думать, что тамъ и здѣсь разныя причины вызвали существованіе его: у евреевъ ужичество установлено для продолженія родовой крови, чѣмъ и объясняется удиви-

---

*) «Благословеніе Симона митрополита всея Руси, въ отчину Великаго Государя, Царя Русскаго, о Святѣмъ Дусѣ возлюбленнаго Господина и сына нашего смиренія, благороднаго и благовѣрнаго и христолюбиваго Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Руси Самодержца въ Великую Пермь, сына моего Великаго Князя слузѣ, князю Матѳею Михайловичу Пермьскому, да и всѣмъ Пермичемъ, большимъ людемъ и меньшимъ, мужамъ и женамъ, юношамъ и младенцамъ всѣмъ Православнымъ Христіанамъ, новопросвѣщеннымъ Господнимъ людемъ всея области Пермьскія земли».

**) ...«А писана на Москвѣ, лѣта 7009 (1501) Августа въ 22 день». См. «Посланія Россійскихъ митрополитовъ», Акты Археографическіе, изд. Археографическ. комм., СПБ, 1841 г., т. I. Историческіе Акты, т. I, № 112. Подъ этимъ № извѣстно другое посланіе митрополита Симона «въ Великую Пермь и во всея Пермскія области, игуменамъ и попамъ и діаконамъ»; написано одновременно.

тельная живость еврейскихъ родовыхъ преданій и генеалогіи, тогда какъ у Зырянъ преданій сохранилось очень немного; по типу нынѣшнихъ евреевъ мы узнаемъ предковъ ихъ въ изображеніяхъ древней египетской живописи, между тѣмъ какъ наружность Зырянъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ напоминаетъ выходцевъ изъ Пріалтайскаго края. Итакъ, описываемый митрополитомъ Симономъ обычай установился у древнихъ пермяковъ скорѣе вслѣдствіе хозяйственныхъ расчетовъ и хладнокровнаго, исключительно матеріальнаго воззрѣнія на отношеніе мужчины къ женщинѣ *).

Говоря о древнемъ семейномъ бытѣ Зырянъ и Пермяковъ, г. Михайловъ **), основываясь, по его словамъ, на народномъ преданіи, разсказываетъ между прочимъ слѣдующее: «Зыряне идолопоклонники, любя проводить жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не считали этой страсти порокомъ; побочныя дѣти ихъ росли и множились и такимъ образомъ составили особенное племя, бывшее однакожъ въ общемъ народномъ презрѣніи: подобно паріямъ, оно лишено было гражданскихъ правъ, довольствуясь самымъ грубымъ содержаніемъ и служило рабами Зырянамъ. Угнетаемое Зырянами, оно, въ глубокой древности, бѣжало отъ нихъ и составило особый народъ съ прозвищемъ Вогуличей, т. е. «незаконнорожденныхъ». Вогуличей или Вогуловъ (*вэгул*, *лэгул*—зырянскія слова: злой, свирѣпый)

---

*) У язычниковъ Остяковъ еще недавно существовалъ этотъ обычай: если Остякъ умиралъ, то мужемъ вдовы дѣлался его старшій братъ, къ которому она немедленно переходила вмѣстѣ съ дѣтьми. Имущество умершаго считалось принадлежностью дѣтей; а если не было ихъ, то доставалось родственникамъ, вдова получала домашнюю утварь (См. Тобол. губ. вѣд., 1861 г. № 16).

**) Въ ст. «Устьвымъ», Волог. губ. вѣд. 1850 г. № 5.

мы признаемъ народомъ родственнымъ по племени Зырянамъ, вмѣстѣ съ Остяками, но разсказъ г. Михайлова объ ихъ происхожденіи считаемъ вымысломъ автора *). Этотъ разскаэъ не лишенъ значенія въ другомъ отношеніи, именно: онъ вѣрно выражаетъ взглядъ автора на чувственныя наклонности предковъ Зырянъ. Что этотъ племенной порокъ существовалъ у древнихъ Зырянъ, – въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Даже и теперь изъ всѣхъ уѣздовъ Вологодской губерніи большее число незаконнорожденныхъ падаетъ на Устьсысольскій уѣздъ, который сплошь заселенъ Зырянами. Такъ, въ 1890 г. тамъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 17 законнорожденныхъ. За Устьсысольскимъ уѣздомъ слѣдуетъ Яренскій, часть котораго уже обрусѣла; здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на $18^{1}/_{2}$ законнорожденныхъ. За Яренскимъ—Сольвычегодскій уѣздъ, обрусѣвшій послѣ всѣхъ остальныхъ уѣздовъ; здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на $20^{3}/_{4}$ законнорожденныхъ. За Сольвычегодскимъ нѣсколько ранѣе обрусѣвшіе Вельскій и Никольскій уѣзды; въ первомъ—одинъ незаконнорожденный пришелся на 27 законнорожденныхъ, а въ послѣднемъ—на 29 **). Отсюда видимъ, что чѣмъ чище (Чудская) кровь, тѣмъ выше процентъ незаконныхъ рожденій,—и это теперь, когда христіанская нравственность и новые обычаи имѣ-

---

*) Такъ какъ Вогулы въ исторіи появляются не ранѣе 1385 года, когда они въ первый разъ дѣлали нападеніе на Зырянъ, то, думаемъ, не ошибемся, если предположимъ, что Вогулы—это Зыряне, бѣжавшіе за Уралъ къ Югрямъ отъ проповѣди св. Стефана. Возненавидѣвъ своихъ соотчичей за измѣну вѣрѣ предковъ, они долго и жестоко мстили Зырянамъ, за что отъ послѣднихъ и были прозваны Вогулами, т. е. злыми, ненавистными, презрѣнными.

**) См. Памятную книжку Вологод. губ., таблица: «число рожденій».

ютъ сильное вліяніе на Зырянъ. Что-же было въ древности?

Изъ старинныхъ языческихъ обрядовъ въ быту Зырянъ извѣстенъ обрядъ похоронный. Вырывали яму, глубиною до полъ-аршина; тѣло покойника на особомъ вблизи отъ ямы мѣстѣ обкладывали дровами и сожигали. Потомъ пепелъ покойниковъ собирали въ глиняные или мѣдные сосуды, которые и ставили на срединѣ ямы, заваливая послѣднюю землею *). Есть свидѣтельства, что пепелъ богатыхъ покойниковъ собирался въ серебрянные и даже золотые сосуды. «Эти сосуды привлекали вниманіе иноземцевъ, которые производили при своихъ набѣгахъ грабежи» **).

Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что древній бытъ Зырянъ былъ родовой, патріархальный, и въ доказательство своего мнѣнія указываютъ на то, что въ Зырянскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ словъ для выраженія понятій, всегда существующихъ въ гражданскихъ обществахъ: а) о различныхъ отношеніяхъ власти къ подчиненнымъ, каковы: царь, князь, господинъ, рабъ, милость и другія; б) о законности, дисциплинѣ, приличіяхъ и другихъ условіяхъ жизни въ обществѣ, какъ-то: законъ, судъ, казнь, честь, порядокъ, свобода, неволя, уваженіе, благодарность; в) о движеніяхъ и

---

*) Сравн. свидѣтел. Нестора: «И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ... Аще кто умряше, твориху тризну надъ нимъ, и посемъ твориху кладу велику, и въ зложахуть и на кладу мертвеца сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ». (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 6. Объясненіе въ «Филог. Зап.» за 1889 г., № 5).

**) «Дневныя Записки Путешествій» академ. Ив. Ленехина, С.П.Б., 1770 г., т. IV, стр. 410—411; «Путешествіе на Печору» Латкина, С.П.Б., 1853 г., ч. I, стр. 49.

потребностяхъ ума и души, напримѣръ: думать, любить и г) о наукахъ, искусствахъ, торговлѣ и ремеслахъ, кромѣ самыхъ простыхъ *). Мы выше доказали, что торговыя сношенія съ разными народами существовали у Зырянъ въ самую отдаленную пору ихъ существованія на сѣверѣ, что раскопки въ курганахъ и чудскихъ ямахъ и находимыя въ нихъ древнѣйшія персидскія монеты (226—651 г. отъ Р. Х.) и другія вещи весьма убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ же. Есть и коренныя зырянскія слова для выраженія понятій мѣны, купли, продажи: *вежны*—мѣнять. *ньобны*—покупать, *вузавны*—продавать, *арталны*—считать, *артасьны*—разсчитаться, *вузасемъ*—торговля. Академикъ Лепехинъ, ссылаясь на историка Странделенберга, говоритъ, что Булгары въ 1218 г. вели войну съ Пермами и Сирянами, что послѣднимъ стоило большаго труда защищаться отъ Булгаръ, «кои, прошедъ оттуда къ Устюгу, а изъ Устюга въ Унжу, много бѣдствія причинили» **). У Зырянъ и Пермянъ были и древнѣйшіе города: Чендынь, Урэсъ, Изкаръ, Покча, Йемдынъ (Усть-вымь *Іем*—игла, *дын*—край, устье, *Іемдынъ*—устье р. Іем—отъ *Іем* — русское *вымъ* ***). Существованіе го-

---

*) См. напр. Вологодскія Губерн. Вѣдом. за 1865 г., № 23 ст. «Зырянскій языкъ».

**) «Дневныя Записки Путешествія» академика Лепехина, ч. IV, стр. 379. Базилевскій (Арх. г. вѣд. 1851 г. № 22) говоритъ, что вблизи Холмогоръ, въ Курискомъ селеніи есть деревня Побоище, на мѣстѣ коей, по народному преданію, была въ XI вѣкѣ битва Чуди съ Новгородцами послѣ того, какъ они ограбили кладбище Чуди и похитили украшеніе главнаго божества Йомалы.

***) Послѣдніе 4 города стали извѣстны въ XIV вѣкѣ, а первый гораздо ранѣе, около половины XIII в. Отеръ въ IX в. нашелъ на устьѣ Сѣверной Двины городокъ; принимая во вниманіе это свидѣтельство, Ломоносовъ («Древн. Росс. Ист.», С.П.Б.,

родовъ, торговли и войнъ,—все свидѣтельствуетъ о томъ, что у древнихъ Зырянъ и Пермянъ было гражданское устройство. Изъ отсутствія въ зырянскомъ языкѣ коренныхъ словъ для выраженія понятій о гражданскомъ устройствѣ можно заключать лишь о низкой степени гражданскаго развитія Зырянъ, но не болѣе. Кромѣ того, наше мнѣніе находитъ сильную поддержку въ свидѣтельствахъ ученыхъ и историковъ. Такъ, Миллеръ утверждаетъ, что Біармія, простиравшаяся отъ рѣки Вишеры и Печоры къ западу до Финляндіи, имѣла своихъ князей еще до Рюрика *). Академикъ Лепехинъ говоритъ, что древніе Біармійцы были сначала опасными сосѣдями для Новгородцевъ, «почему, когда Рюрикъ съ братьями пришелъ на княженіе въ Новгородъ, то Синеусъ поселился на Бѣлѣ Озерѣ и построилъ тамъ городъ противъ Біярмцевъ такъ, какъ и Труворъ свой Изборскъ противъ Лифляндцевъ **). Шлецеръ въ своемъ «Несторѣ» признаетъ Пермянъ «нѣкогда самобытнымъ, великимъ, долгое время свободнымъ и несовсѣмъ непросвѣщеннымъ народомъ» ***). Костомаровъ свидѣтельствуетъ, что въ

1766 г., гл. 6., стр. 32—33) и Лепехинъ (Дн. Зап.», ч. IV, стр. 383). первый утвердительно, а второй, опираясь на Ломоносова, говорятъ, что главный торговый пунктъ на сѣверѣ въ древнѣйшія времена былъ около нынѣшнихъ Холмогоръ или Колмогоръ, какъ пишется въ старинныхъ памятникахъ и какъ до сихъ поръ выговаривается народомъ. Самое слово *Колмогоръ* нужно производить отъ чудскаго слова *Кольме*, что значитъ третій, *горт*ъ—домъ. Хотя возможно и такое объясненіе: *келми-горт*ъ (*келмыны*-молиться, просить и *горт*ъ-домъ)—домъ моленій. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, нѣтъ основанія искать корня этого слова въ норвежскихъ словахъ *гольмъ—гардъ*, какъ дѣлали нѣкоторые ученые.

*) Географическій Лексиконъ, С. П. Б., 1773 г., стр. 246—247.

**) «Дневн. Записки Пут.», ч. IV, стр. 380.

***) «Несторъ», часть I, стр. 37.

глубокой древности Пермь, подобно Югрѣ, управлялась независимо своими князьями *). Дмитріевъ, опираясь на свидѣтельство Костомарова и другихъ первоклассныхъ историковъ, говоритъ: «по аналогіи съ Югрой и на основаніи мѣстныхъ пермяцкихъ и русскихъ преданій, связанныхъ съ разными мѣстностями, можно заключить, что въ Перми Вычегодской и Чусовой туземные князья существовали съ древнѣйшихъ временъ» **). Но между тѣмъ, какъ о Югорскихъ князьяхъ упоминается въ 1 Новгородской лѣтописи еще подъ 1193 г. ***), о Пермскихъ князьяхъ лѣтописи молчатъ очень долго. Въ первый разъ упоминается о чудскихъ князькахъ въ Архангельской лѣтописи подъ 1315 годомъ, по слѣдующему поводу. Двинскій посадникъ, предокъ преподобнаго Варлаама Важескаго, Василій Матѳѣевичъ Своеземцевъ купилъ въ 1315 году у Важскихъ Чудскихъ князьковъ всѣ земли отъ рѣки Ваймуги до Суланды и Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ за 20.000 бѣлокъ и 10 рублей. Въ покупной или купчей грамотѣ на эти земли говорится о четырехъ Важскихъ князькахъ или старостахъ: Азикѣ, Харагинцѣ, Ровдѣ и Игнатцѣ ****). Кромѣ этихъ князьковъ

---

*) «Сѣверно-русскія народоправства», т. I, стр. 412.

**) «Пермская Старина», С.П.Б., 1889 г., стр. 158.

***) Полн. Собр. Русск. лѣтоп., т. III, стр. 21—22.

****) Вотъ эта грамота: «Се би чоломъ Азика и Харагинецъ, и Ровда, и Игнатецъ, пріѣхавъ отъ своей братьи князю Ѳѳонасью, на Василья на Матѳѣева; а на ставилѣ подвойскіе, и неидучѣ къ суду и урядилися рядомъ; а болѣ: Шенкурскій погостъ, и земли Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ до Ваймуги, вверхъ до Яноозера, а отъ Яноозера прямо въ Пѣзу, а тыя земли Василью и въ вѣки; А взялѣ Азика съ своею братьею у Василья двадцать тысячъ бѣлки на тыхъ земяхъ, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста. А заводъ тымъ землямъ по Семенгу рѣку, а по другую сторону Вагѣ выше Паденгѣ, по вытеклый рудей; и Паденга рѣка съ Устья

лѣтописи не сохранили намъ ни одного имени князей Чудскихъ или Біармскихъ, и мы не находимъ о нихъ никакого свидѣтельства вплоть до послѣдней четверти XIV вѣка.

Въ 1380 году св. Стефанъ находитъ нѣкоего Пама правителемъ всей земли Пермской. Его резиденція находится въ Княжъ-погостѣ; къ нему Зыряне обращаются въ исключительныхъ случаяхъ. Въ рѣчи своей къ Зырянамъ Памъ или Панъ говоритъ: «Отъ Москвы можетъ ли что добро быти? не отътуду-ли намъ тяжести быша, и дани тяжкія и насильства, и тивуни, и довотчици, и приставници?» *).

Изъ краткихъ данныхъ о древне-чудскихъ и зырянскихъ князькахъ видно, что они имѣли въ своихъ владѣніяхъ особыя права. Такъ, мы видимъ, что Азика, Ровда, Карагинецъ имѣли право отчуждать огромныя пространства земли, какова Важеская область, какъ собственность, на частномъ правѣ, что не совмѣстно съ предѣлами власти князей въ томъ смыслѣ, какой вообще усвоенъ у насъ этому слову.

по обѣ сторонѣ въ верхъ до Сулонской межи, по Великой камень (Уралъ); а Шенга рѣка съ Устья по обѣ стороны въ верхъ до Розмовой; а Понце рѣка по обѣ сторонѣ. А кто будетъ вкупится въ ту землю въ томъ заводѣ, а тѣ знаютъ своихъ продавчовъ, въ тыхъ кунахъ. А что Шенкургскаго погоста, и земли, и воды, и лѣсы лѣшніи, и рѣки лѣшніи и мхи и озера, и соколья гнѣзда, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста, то все Василью собѣ и своимъ дѣтямъ въ вѣки. А пополонка далъ Василей десять рублей». (См. Записки Имп. Географ. Общ. за 1853 г., кн. VIII, стр. 104. Ср. Памятн. кн. Арханг. губ., за 1864 г., стр. 2). Въ настоящее время противъ самого г. Шенкурска находится деревня Харгала. Далѣе въ 50 верстахъ есть приходъ Ровдинскій и еще далѣе станція Игнатовская. По всей вѣроятности, эти названія указываютъ на мѣста, гдѣ жили Хараганецъ, Родва и Игнатецъ.

*) Памятники Старинной Русской Литературы, ч. IV, стр. 138.

Академикъ Лепехинъ, ссылаясь на Татищева, полагаетъ, что Зыряне не имѣли наслѣдственныхъ правителей или владѣтелей, а управлялись избираемыми князьями, которые при томъ же были и главными жрецами, какъ это было и у другихъ народовъ *). Мнѣніе Татищева и Лепехина сильнѣе всего подтверждается свидѣтельствомъ Епифанія, жизнеописателя св. Стефана, епископа Пермскаго. О Памѣ Епифаній между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Сотникъ бо бяше въ странѣ той. Сего же древле Пермяне некрещенніи чтяху паче всѣхъ прочихъ чаровніковъ, наставника и правителя нарицающе себѣ, и глаголаху о немъ, яко того влъшвеніемъ управленнѣ быти Прьмстѣй земли, и яко того утвержденіемъ утверждается идольская вѣра» **).

Изъ этого свидѣтельства ясно, что въ рукахъ Пама одновременно сосредоточивались двѣ власти — гражданская и духовная ***). Что это было такъ, о томъ сви-

---

*) «Записки Днев. Путеш.» С.П.Б., 1779 г., ч. IV, стр. 106—107.

**) «См. Памятники Старин. Русск. Литературы», 1862 г., вып. IV. «Повѣсть о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ», стр. 138 (о «прѣніи влъхва»).

***) Кстати замѣтимъ, что какъ имя Ровда, такъ Памъ или Панъ, едва ли не были нарицательными именами, обозначающими какой нибудь титулъ, потому что и Ровдъ и Пановъ было много. Такъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ, именно въ той части, которая была пріобрѣтена Своеземцевымъ, существуетъ въ настоящее время Ровдинское общество. Въ обрусѣвшихъ уже частяхъ Вологодской, Архангельской и Пермской губерній многія мѣста носятъ имя Ровды. Напримѣръ въ Вельскомъ уѣздѣ деревня Ровдино, въ Устюжскомъ—Ровдинскій станъ (волость); на одномъ изъ острововъ, находящемся въ низовьяхъ Сѣверной Двины, есть Ровдина гора; въ Пермской губерніи—Ровдинскій заводъ. Кромѣ зырянскаго Пана, мы также знаемъ пановъ въ разныхъ частяхъ бывшей Чудской территоріи. Такъ, близь г. Вельска (Вологодской губерніи) указываютъ по рѣкѣ Вели мѣста осѣдлости какихъ то пановъ и

дѣтельствуетъ и дальнѣйшая исторія Зырянъ. По удаленіи Пама изъ Пермской страны, что случилось съ введеніемъ христіанства, Зыряне, вмѣстѣ съ языческою духовною властью, утратили и гражданскую власть. Мы видимъ, что, съ принятіемъ христіанства, во всей исторіи Зырянъ администраторами и политическими дѣятелями являются православные епископы; при всѣхъ бѣдствіяхъ Зырянъ, во время нападенія Вогуловъ, Вятчанъ и Новгородской вольницы, мѣры къ защитѣ и умиротворенію края принимаютъ только Устьвымскіе епископы, о дѣятельности же князей (собственныхъ Зырянскихъ) въ лѣтописяхъ не говорится ни слова. Такимъ образомъ, въ язычествѣ Зыряне управлялись своими панами-князьями, которые имѣли и религіозное значеніе, исполняя обязанности главныхъ жрецовъ.

Со второй половины XV вѣка въ лѣтописяхъ, грамотахъ и другихъ старинныхъ памятникахъ мы находимъ имена Пермскихъ князей и княгинь, Вымскихъ

устроенныя будто бы ими для рыболовства подводныя сооруженія. Въ статьѣ г. Мельникова «Очерки Мордвы» («Русскій Вѣстникъ» за 1867 г., кн. 6) мы нашли извѣстіе, что въ разныхъ частяхъ мордовской земли сохранились преданія о древне-чудскихъ князькахъ, называемыхъ «панками». Въ Архангельск. губ. на притокѣ рѣки Пци, впадающей въ Вагу, есть гористая мѣстность, называемая «Паново». Самыя слова: панъ, Ровда, Асыка или Азика нелегко передать буквально по-русски. Есть зырянскій глаголъ: «панны» (Вот. поныны, пуныны) значитъ основать, положить основу, дѣлать начало, завязывать и потомъ распутывать; быть можетъ, самое слово «панъ» произошло отъ этого глагола. Ровда по фински Ranta означаетъ желѣзо; Асыка, «Асыкъ» значитъ обручъ, «асыкавны»—класть обручъ, стягивать и т. под. Быть можетъ, наши лѣтописцы затруднялись передать значеніе этихъ словъ, опредѣляющихъ зырянскія власти, и называли ихъ то князьями, то сотниками, то старшинами или старостами.

князей; но это уже князья—христіане. Въ 1462—1463 годахъ Великая Пермь, «глаголамая Чусовая», была обращена въ христіанскую вѣру пятымъ епископомъ Пермскимъ, св. Іоною; принялъ св. крещеніе и князь ея, нареченный Михаиломъ. Спустя десять лѣтъ послѣ этого, Великая Пермь лишилась своей политической независимости, и князь ея Михаилъ, хотя и носилъ титулъ князя, но уже былъ данникомъ и «слугой» Московскаго князя; его резиденція находилась уже не въ главномъ городѣ Великой Перми—Чердыни, а въ Покчѣ, въ 5 верстахъ отъ него, по назначенію князя Ѳеодора Пестраго, покорителя Великой Перми. Князь Михаилъ Пермскій былъ убитъ Вогулами, неизвѣстно когда.

Слѣдующіе по времени извѣстны князья Вымскіе: Ермолай, Василій и Ѳедоръ. Князь Василій Ермолаевичъ участвовалъ въ походѣ въ Югорскую землю въ 1465 г. вмѣстѣ съ Устюжскимъ атаманомъ Василіемъ Скрябою въ качествѣ добровольца. Подъ 1485 г. въ лѣтописяхъ упоминается еще одинъ Вымскій князь Петръ, современникъ Ѳедора; оба они участвовали въ походѣ противъ Югровъ, которыхъ и покорили подъ власть московскаго князя *).

Изъ князей Пермскихъ послѣ Михаила извѣстенъ Матѳей Михайловичъ, которому митрополитъ Симонъ въ 1501 г. послалъ свою увѣщательную грамоту. Этотъ князь былъ сведенъ съ Великой Перми въ

**) Соловьевъ, ист., т. V., стр. 94—95. Но такъ какъ о Вымскихъ князьяхъ въ лѣтописяхъ не упоминается ни ранѣе 1465 г., ни послѣ 1485 г., то имѣемъ основаніе сомнѣваться въ нихъ, какъ *собственныхъ* Зырянскихъ князьяхъ.

1505 г. и замѣщенъ русскимъ намѣстникомъ Василіемъ Андреевымъ Ковромъ *). Затѣмъ извѣстны слѣдующіе князья Пермскіе: Владиміръ, Іоаннъ, Іоаннъ, убитый Вогулами, Дмитрій и Константинъ; Великопермскій князь и княгини: Андрей, Анна, Ксенія и Анастасія **).

---

*) Архангельс. Лѣтоп., стр. 210; Карамзинъ, т. VI, стр. 57; Соловьевъ, т. V, стр. 94.

**) Списокъ поименованныхъ нами Пермскихъ князей и княгинь помѣщенъ г. Поповымъ въ «Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи» за 1804 г., т. II, 265 стр. въ прим.; г. Берхомъ въ «Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ», СПБ, 1821 г., стр. 74. Берхъ, между прочимъ, передъ перечисленіемъ именъ Пермскихъ князей и княгинь говоритъ: «мнѣ показывали записку, найденную въ Чердынскомъ архивѣ, въ ней были означены Пермскіе князья, не упоминая долго-ли, и въ какіе годы владѣли они сею страною» (стр. 84). Дмитріевъ говоритъ, что этотъ списокъ есть копія древнѣйшаго синодика Іоанно-Богословскаго монастыря въ Чердыни, найденная въ Богоявленской церкви г. Чердыни, что подлинникъ, вмѣстѣ съ другими документами, изъ архива Чердынскаго магистрата, по Высочайшему повелѣнію, въ 1786 г., былъ отправленъ въ Петербургъ. Пропсхожденіе этого списка, по почерку и хронологической датѣ, на первой страницѣ г. Дмитріевъ относитъ къ началу XV вѣка. По внѣшнему виду копія синодика напоминаетъ старинную богослужебную книгу большаго формата; въ немъ помѣщены вмѣстѣ съ именами князей имена монашествующихъ лицъ и Чердынскихъ гражданъ. Синодикъ начинается такими словмми: «Богоспасаемаго града Чердыня, обители Вознесенія Господня, Іоанна Богослова общежитія монастыря, монастырскіе быша начальники, лѣта 6985 (1477) генваря 6 числа. Помяни Господи души преставльшихся: архимандритъ Діонисій, игумены и строители; помяни Господи души князей великопермскихъ и княгинь: князя Михаила Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей, князя Владиміра Пермскаго... князя Іоанна Пермскаго... княгини Ксеніи, княгини Анастасіи Великопермскія». (Пермская Старина, 159 стр.).

На вопросъ, почему всѣ князья въ синодикѣ объединяются подъ общимъ названіемъ Великопермскихъ, г. Дмитріевъ говоритъ: «мы полагаемъ, что это указываетъ на одну княжескую

Въ какое время жили эти князья и по сколько годовъ управляли Великою Пермью, осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ г. Дмитріевъ опредѣляетъ время ихъ княженія съ средины XV до начала XVI вѣка (между 1462—1505 гг.) *). Но невѣроятно, чтобы всѣ одиннадцать Пермскихъ князей и княгинь жили въ этотъ короткій срокъ **). Карамзинъ считаетъ князя Матѳея Михаиловича ***) сыномъ перваго князя Пермскаго Михаила ****); въ такомъ случаѣ остальныхъ въ спискѣ князей нужно отнести уже ко времени послѣ 1505 г., когда былъ отставленъ князь Матѳей Михаиловичъ. Это предположеніе тѣмъ справедливѣе, что родъ Великопермскихъ князей дѣйствительно не прекращался и послѣ Матѳея Михаиловича. Такъ, по актамъ извѣстно, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича одинъ изъ нихъ Матѳей же былъ сосланъ изъ Москвы въ Верхотурье въ 1641 году *****).

Такимъ образомъ, общественный и политическій бытъ древней Біарміи въ концѣ XIV вѣка измѣнился

фамилію или родъ, къ которому принадлежали всѣ князья (Пермскіе и Вымскіе) и княгини (Великопермскія), такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, главнымъ мѣстомъ ихъ жительства былъ городъ Пермь Великая—Чердынь, гдѣ находилась и ихъ родовая усыпальница (въ Іоанно-Богословскомъ монастырѣ), то всѣ они въ этомъ смыслѣ и объединялись въ одномъ наименованіи Великопермскихъ князей» (Перм. Старина, стр. 164).

*) Перм. Стар., стр. 158.

**) Г. Дмитріевъ полагаетъ годъ смерти перваго князя Пермскаго Михаила 1481 г.; въ такомъ случаѣ до 1505 г. остается около 24 лѣтъ, которые и падаютъ на княженіе остальныхъ десяти князей Великопермскихъ.

***) Десятаго по списку въ синодикѣ.

****) Истор. Госуд. Росс. т. VI, стр. 57.

*****) Акты историческіе, т. III, № 218, стр. 376—377.

въ ея частяхъ. Одна часть—Вычегодская Пермь, потерявши гражданскую власть въ лицѣ своихъ пановъ, стала управляться и въ гражданскихъ дѣлахъ своею церковною властію,—а другая часть—Пермь Чусовая продолжала еще управляться своими князьями (съ 1463 года христіанскими) съ ограниченіями и перерывами приблизительно до 1641 года.

II.

Лѣтописи и старинные памятники Русской литературы даютъ намъ скудныя свѣдѣнія о древней языческой религіи Зырянъ. Такъ, инокъ Епифаній, современникъ св. Стефана Пермскаго,—просвѣтителя Зырянъ,—и авторъ его житія даже не называетъ по имени языческихъ боговъ у Зырянъ и говоритъ только, что боговъ-кумировъ у нихъ было очень много, одни изъ нихъ побольше, другіе поменьше или средніе, одни болѣе знаменитые, другіе менѣе *).

Въ лѣтописяхъ находимъ указаніе на предметы поклоненія Зырянъ. «Стефанъ, Божій человѣкъ, живяше посреди невѣрныхъ человѣкъ, молящихся идоломъ, огню, водѣ, каменію и Златой Бабѣ, и кудесникомъ и волхвомъ **). Никоновская лѣтопись добавляетъ:.. «молящихся солнцу, древію, воломъ и козамъ» ***). Изъ этихъ лѣтописныхъ данныхъ можно видѣть только то, что первобытная религія Зырянъ состояла въ грубомъ

---

*) «Бяху бо въ Перми кумири разноличніи, овіи большіи и меньшіи, друзіи же средніе, а иніи нарочитіи и словутніи, і иніи мнози, и никто можетъ исчести ихъ». Рукопись изъ сборника XVI в. Синодальной библіотеки «Повѣсть о Стефанѣ, еп. Пермскомъ». Ср. сборн. Софійской библ. и рукоп. сборн. XV и XVI вв. изъ библіот. П. И. Савваитова.

**) Полное собраніе лѣтописей, т. V, стр. 250.

***) Томъ IV, стр. 267.

обожаніи неодушевленныхъ и одушевленныхъ предметовъ и стихій природы.

Принимая во вниманіе постепенное развитіе религіи финскихъ народовъ, языческую религію Зырянъ мы дѣлимъ на три періода.

Въ первомъ періодѣ боготворились ближайшіе къ человѣку предметы природы: горы, камни, деревья (фетишизмъ) и животныя (зоолатрія); во второмъ періодѣ эти предметы и стихіи природы: вода, вѣтеръ, огонь (молнія) обожились чрезъ присутствіе въ нихъ невидимыхъ существъ—духовъ природы (демонизмъ); наконецъ, въ третьемъ періодѣ религіи Зырянъ явились идолы, какъ символы стихій и духовъ природы *).

Кромѣ свидѣтельства лѣтописей, что Зыряне—язычники боготворили камни, мы находимъ позднѣе свидѣ-

---

*) Что такое дѣленіе правильно, мы сошлемся на историческій фактъ развитія языческой религіи финскихъ народовъ. Извѣстно, что у Вотяковъ и Вогуловъ, родственныхъ по племени Зырянамъ, до послѣдняго времени не было идоловъ. Теологическія понятія ихъ были крайне скудны. Вещественные знаки въ ихъ религіозной жизни ограничивались одними «воршудами» (талисманы изъ нѣкоторыхъ частей животныхъ). Не вездѣ и не всегда они имѣли даже жреца, и вообще у нихъ признаки общественнаго богослуженія едва были замѣтны. (Первухинъ «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда Вят. губ.». Вятка, 1888 г.). Если это извѣстно относительно Вотяковъ, то безъ всякаго сомнѣнія и у Зырянъ первоначальная религія стояла на той же низкой ступени развитія, какъ у Вотяковъ. Только позднѣе у Зырянъ религіозныя понятія развились полнѣе; появилясь идолы, для которыхъ были устроены кумирницы или храмы. Въ честь идоловъ стали совершаться жертвоприношенія, отправляться тризны. При идолахъ появились Волхвы, чародѣи, обоянники (*туны, тэдыси* — глаголъ «тэдны», значитъ знать таинственное, чары), у которыхъ былъ главный начальникъ или старшина (князь), котораго народъ признавалъ отцомъ и учителемъ и вѣрилъ, что его волшебствомъ управляется вся Зырянская страна. Такое развитіе религіозной жизни у Зырянъ нашелъ св. Стефанъ въ XIV вѣкѣ.

тельство у Герберштейна. Онъ говоритъ, что Поморы въ XVI вѣкѣ чтили большой камень и приносили ему жертвы, что Финны и Лопари также боготворили скалы и камни *). Извѣстно также, что Вогулы покланялись, при рѣкахъ: Лосвѣ, Тавдѣ и Иртышѣ, скалѣ, по формѣ напоминающей оленя **), что Зыряне и Остяки чтили Шаманскую гору, лежащую на восточной сторонѣ отъ *Байкала* ***). Наконецъ, есть весьма основательное предположеніе, что нынѣшняя Брусяная гора въ Усть-сысольскомъ уѣздѣ, Вологодск. губ., нѣкогда была въ большомъ почтеніи у Зырянъ, что они боялись пользоваться ею ****).

Кромѣ камней и каменныхъ горъ, идолопоклонство Зырянъ проявлялось въ боготвореніи деревьевъ; изъ нихъ въ особенномъ почитаніи были: береза, сосна и ель. Извѣстно, что горные Черемисы Казанскаго края въ періодъ фетишизма обожали березу *****). Вотяки тоже боготворили ее ******). Инокъ Епифаній свидѣтельствуетъ, что св. Стефанъ нашелъ у Зырянъ огромной величины березу, бывшую въ особенномъ обожаніи *******).

---

*) Замысловскій, «Герберштейнъ и его историко-геогр. извѣстія о Россіи», Спб., 1884, стр. 105—106.

**) Миллеръ, «Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ Государствѣ обитающихъ народовъ», Спб., 1776 г. Ч. I, стр. 74.

***) Ibidem, стр. 119.

****) Академ. Лепехинъ, «Дневн. записки путеш.», ч. IV, стр. 408. Спб., 1791 г. Подробнѣе объ этомъ скажемъ ниже.

*****) Ст. П. Знаменскаго, «Вѣстникъ Европы» 1867 г., Декабрь, стр. 35.

******) Первухинъ «Эскизы преданій инородцевъ Вят. губ.» 1888 г.

*******) Св. Стефанъ разрубилъ ее, сжегъ и пепелъ развѣялъ. Нельзя не замѣтить, что береза вообще пользовалась благоговѣйнымъ почитаніемъ у всѣхъ народовъ финскаго племени, быть можетъ, потому, что она была самымъ полезнымъ деревомъ въ быту Финна: ею онъ освѣщалъ избу, топилъ печь приготов-

Позднѣе св. Стефана, преп. Трифонъ Вятскій нашелъ у Остяковъ заповѣдное дерево, въ особенности чтимое ими. Св. Трифонъ срубилъ это дерево къ удивленію туземнаго князя Амбалы и всего Остяцкаго народа *). Вогулы въ XVI вѣкѣ, какъ и сосѣди ихъ Остяки, боготворили деревья **). Утверждаютъ, что къ сѣверовостоку отъ Новгорода на Бѣло-озерѣ туземцы боготворили сосну, которую разбило громомъ, при основаніи церкви, послѣ распространенія христіанской вѣры***).

По свидѣтельству Кастрена, слѣды поклоненія дереву обнаруживались еще въ прошломъ столѣтіи ****). Въ «Псковскихъ губерн. вѣдомостяхъ» за 1864 г. № 224 мы нашли сообщеніе о поклоненіи соснѣ, извлеченное изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія *****). Въ 1783 г. Священникъ Никита Яковлевъ донесъ Консисторіи, что въ *Зачеренскомъ* погостѣ, въ церковной оградѣ близь храма, за часовнею, лежитъ большая упавшая сосна, которой народъ воздаетъ особенное почтеніе; многіе сходятся къ ней на Ильинскую пятницу и приносятъ шерсть, сыръ, мясо, свѣчи; послѣднія прикрѣпляютъ къ соснѣ и зажигаютъ.

лялъ посуду и т. д. У Зырянъ была въ почитаніи *ель*, быть можетъ, потому, что молодые отпрыски ели часто поступали въ пищу, особенно въ голодные годы.

*) Арх. Макарій, «Распростр. христ. вѣры въ Перм. еп.» «Ж. М. Н. Пр.» 1857, ч. 93, стр. 247.

**) «Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ» за 1843 г. Декабрь, стр. 420 и 421.

***) «О мирномъ распростр. христіанства въ Россіи». Прибавл. къ Твор. св. отцовъ за 1845 г., ч. III, стр. 273.

****) Castren, «Finische Mythologie», 1862 г., стр. 81—82, 86, 12—13.

*****) Хотя въ Псковской губ. теперь и не живутъ Зыряне, но въ древности Псков. губ. входила въ территорію Зырянскаго края.

Свидѣтельство о боготвореніи животныхъ Финскими народами находимъ у Герберштейна, именно, что Пермь, Черемисы, Югра и Корела въ XVI вѣкѣ почитали: луну, звѣзды, лѣсныхъ животныхъ и «все, что случится» *). По однимъ извѣстіямъ Остяки **), а по другимъ и всѣ сѣверные и сѣверо-восточные народы ***) въ язычествѣ боготворили изъ животныхъ медвѣдя, который былъ страшенъ тѣмъ, что опустошалъ стада домашнихъ животныхъ и склады кедровыхъ орѣховъ ****). Наконецъ извѣстно, что еще въ недавнее

---

*) Замысловскій, «Герберштейнъ и его историко-геогр. изв.», Спб., 1884 г., стр. 374,

**) «Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Обдорскихъ инородцахъ», Тобольскія губернскія Вѣдомости» 1861 г. № 16. Абрамовъ, «Описаніе Березовскаго края», въ XII книгѣ Записокъ Географическаго Общества.

***) Миллеръ, «Описаніе въ Россійскомъ Государствѣ обитающихъ народовъ». Ч. I, стр. 22. Спб. 1776 г.

****) Кедровые орѣхи служатъ пищей бѣлокъ. Сами Зыряне ихъ употребляютъ мало Остяки и другіе сѣверные народы медвѣдя считали представителемъ злаго духа и радовались, когда имъ удавалось убить этого звѣря; устраивался особый пиръ, танцы, причемъ мясо медвѣдя съѣдалось, а лапы жертвовались идолу. (Майковъ «Угорскіе народы». «Истор. Вѣстникъ» 1884 г., Апрѣль, 175 стр.). Какіе еще звѣри, кромѣ медвѣдя, или домашнія животныя были боготворимы финскими народами, намъ неизвѣстно, помимо разныхъ догадокъ. Извѣстіе Никоновской лѣтописи (IV т., 267 стр.), собств. прибавку противъ другихъ лѣтописей,—что Зыряне молились «воломъ и козамъ» считаемъ невѣрнымъ; потому что воловъ съ южнымъ назначеніемъ у Зырянъ нѣтъ и не было; а козы появились совсѣмъ недавно. Относительно этой прибавки въ Никоновской лѣтописи справедливо замѣчаетъ г. Лыткинъ (вообще отрицающій, безъ всякихъ доказательствъ, языческія божества у древнихъ Зырянъ): «Никоновская лѣтопись притащила въ Зырянскій край даже козъ; это значитъ тоже, что тащить львовъ на жительство въ Пargоловскіе лѣса». («Зырянскій край и Зырянск. языкъ». Спб., 1889 г., стр. 53, примѣч. 1).

время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зырянскаго края жители питали особое уваженіе къ рыбамъ. Такъ, крестьяне за селомъ Усть-куломомъ (Усть-сысольскаго уѣзда, Вологод. губ.) по дорогѣ къ Печорѣ, еще въ 1856 г. приписывали необыкновенное цѣлебное свойство щукѣ, которая ловилась въ небольшомъ озерѣ Кадомскомъ; самое озеро и вся рыба въ немъ считались святынею *).

---

*) Интересенъ разсказъ «заѣзжаго» въ Зырянскій край о ловлѣ обожаемой рыбы. «По разсказамъ мѣстныхъ жителей, говоритъ заѣзжій, озеро Кадомское во время сильнаго вѣтра бываетъ иногда чрезвычайно тихо и, наоборотъ, въ тихую погоду бурливо. Крестьяне говорятъ, что въ это время играютъ злые духи и ни одинъ не рѣшится переѣхать черезъ озеро. Когда же буря стихаетъ, то на другой день поутру, при восходѣ солнца прибрежные жители приходятъ на это озеро, молятся тамъ, а иногда даже по прежнимъ своимъ языческимъ обычаямъ, приносятъ, на тощакъ. жертву водянымъ богамъ и усаживаются на берегу ловить рыбу, Тутъ они закидываютъ невода и сидятъ въ молчаніи на большомъ разстояніи одинъ отъ другого съ часъ времени, выжидая знаменитую щуку, которая, говорятъ, бываетъ большой величины и вѣситъ съ ½ пуда и болѣе. Голова щуки довольно велика и толста, хвостъ чрезвычайно длиненъ и широкъ, такъ что разстояніе между головой и хвостомъ весьма незначительное. Когда рыболовы достигаютъ своей цѣли, то съ большимъ тріумфомъ несутъ ее къ себѣ въ избу и кладутъ въ сухую, чистую кадку, покрытую сверху холстомъ. Рыбу эту держатъ до перваго предстоящаго праздника, въ который вярятъ ее и ѣдятъ натощакъ, какъ великую святыню... Мясо этой же щуки крестьяне употребляютъ, какъ цѣлительное средство отъ многихъ болѣзней и, по ихъ словамъ, болѣзнь страждущаго принимаетъ тотчасъ же хорошій оборотъ. Быть можетъ, добавляетъ отъ себя авторъ замѣтокъ, больной выздоравливалъ скорѣе, вслѣдствіе своей крѣпкой комплекціи, а Зыряне, видя это выздоровленіе, приписываютъ его свойствамъ щуки.» («Изъ замѣтокъ и воспоминаній заѣзжаго о Зырянахъ», *Вятскія* губерн. вѣдом. 1857 г. № 30). Въ настоящее время нѣтъ ни описываемаго языческаго обряда,—ловли необыкновенной щуки, ни вѣры въ ея цѣлебность въ указанной мѣстно-

Второй періодъ языческой религіи Зырянъ характеризуется тѣмъ, что неодушевленные и одушевленные предметы природы уступаютъ мѣсто невидимымъ духамъ—божествамъ, обитающимъ въ горахъ, лѣсахъ, водахъ, въ землѣ и другихъ окружающихъ предметахъ. Предъ изложеніемъ этого періода считаемъ нужнымъ замѣтить, что духи-обитатели лѣсовъ, водъ и проч. явились въ языческомъ міросозерцаніи Зырянъ не вдругъ и не вмѣстѣ, а постепенно,—подъ вліяніемъ разныхъ условій ихъ жизни. Такъ, во время кочеваго состоянія Зырянъ, были у нихъ божества-духи: 1) *Вэрса* (лѣсной, лѣшій), 2) *Куль* (водяной, подземный богъ) и 3) *Ортъ* (земляной духъ). Когда затѣмъ образовалась осѣдлость у Зырянъ, произошли духи: 1) *Олысь* (домовой), 2) *Пэлудъ-Айка* (богъ васильковъ), 3) *Рынышса* (овинный), 4) *Пывсянса* (банный), 5) *Гажтэмъ* (печальный духъ), 6) *Шева* (порча) и 7) *Титимэра* (кикимора). Наконецъ, съ распространеніемъ христіанства, явились у Зырянъ слѣдующія понятія: 1) *Йенъ* (Богъ), 2) *Лёкъ* или *Омэль* (злой духъ, чортъ) и 3) *Вежа-войса*, *Куття-войса* или *Куття-дадда* (нечистые духи) *).

сти; но мы не имѣемъ права сомнѣваться въ справедливости показаній автора замѣтокъ. Если Зыряне были такъ недалеки отъ грубыхъ языческихъ суевѣрій еще такъ недавно, когда уже прошло 500 лѣтъ, какъ брошены первыя сѣмена христіанства,—то что же было у нихъ во времена язычества? Вотъ почему мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ первомъ періодѣ языческой религіи Зырянъ былъ грубѣйшій фетишизмъ. Окружающіе предметы природы: горы, камни, деревья, животныя почитались за самыя божества, а не какъ только мѣстопребываніе, жилище божествъ. (Касторскій, «Начертаніе Славянской миѳологіи», стр. 132—135). Послѣднее значеніе получили горы, лѣса, воды во второмъ періодѣ языческой религіи.

*) Всѣ эти божества-духи существуютъ у Зырянъ и теперь.

Вэрса *)

Это—духъ, населяющій дремучіе лѣса. Зыряне-кочевники считали его помощникомъ въ звѣриной ловлѣ и приносили ему въ жертву шкуры изловленныхъ звѣрей, которыя развѣшивали на сучьяхъ большихъ деревьевъ. Современные Зыряне представляютъ его то стихійнымъ существомъ, признавая его присутствіе и дѣйствіе въ свистѣ и воѣ вѣтра, въ кружащемся вихрѣ, превращающемъ лѣса и горы въ груды развалинъ, то приписываютъ ему искаженныя человѣческія черты, представляя его въ образѣ великана, равняющагося ростомъ высокой соснѣ, безъ бровей и рѣсницъ, съ однимъ на лбу глазомъ и одной ногой навыворотъ. По мнѣнію Зырянъ, каждый лѣсъ имѣетъ своего *Вэрса*, гдѣ онъ живетъ со своимъ семействомъ въ просторныхъ избахъ, со всѣми необходимыми принадлежностями хозяйства.

Зыряне убѣждены, что они часто видятъ *Вэрса* и слышатъ его голосъ. Особенно же онъ кажется тому, кто выходитъ изъ дому не перекрестясь **), или кто произнесетъ его имя въ лѣсу. Видавшіе *Вэрса* увѣряютъ, что онъ, желая потѣшиться надъ кѣмъ-либо, принимаетъ на себя видъ его знакомаго, вступаетъ въ разговоръ, угощаетъ иногда табакомъ и между разговорами наводитъ на Зырянина затмѣніе и заводитъ его въ глушь лѣса или уводитъ туда, гдѣ послѣдній вовсе не располагалъ быть, напр. на прорубь, на берегъ рѣки и т. п.; обманъ, обыкновенно, проходитъ, какъ

---

*) Отъ слова *вэръ*—лѣсъ, а послѣднее произошло отъ глагола *вэрны* шевелиться, двигаться.

**) Позднѣйшая прибавка къ характеристикѣ *Вэрса* — со веденіемъ христіанства.

скоро Зырянинъ, догадавшись, что надъ нимъ подшучиваетъ *Вэрса*, произнесетъ имя Божіе или перекрестится. Тогда *Вэрса*, хохоча и стуча въ ладоши, его оставляетъ, принимаетъ ростъ выше лѣса и говоритъ Зырянину: «а гэгэръ-воинъ!» *). Иногда *Вэрса* переставляетъ съ одного мѣста на другое дорожные знаки («пасы»), или самъ превращается точь въ точь въ такое дерево, какое служитъ въ лѣсу для Зырянина примѣтой: въ ель, сосну, и становится въ сторонѣ отъ настоящей дороги. *Вэрса* уноситъ новорожденныхъ дѣтей, когда матери или не благословляютъ ихъ или въ сердцахъ выбранятъ; взамѣнъ настоящаго ребенка *Вэрса* оставляетъ другого, большеголоваго, уродливаго; такія дѣти называются «вежемаясъ» **).

Вэрса особенно издѣвается надъ людьми по вѣрованіямъ Зырянъ, въ Воздвиженьевъ день; тогда они ходятъ толпами.

У *Вэрса*, какъ и у Зырянъ, бываютъ свадьбы. На другой день молодые ходятъ въ баню; и если въ это время случится пройти какому-нибудь «зону» ***), то *Вэрса* непремѣнно окатятъ его съ головы до ногъ тою водою, которою они мылись, и Зырянинъ непремѣнно заразится болѣзнью «лёкъ висемъ» ****).

Подобно Зырянамъ, *Вэрса* занимаются звѣроловствомъ. На ночлегъ они приходятъ въ какой нибудь

---

*) *Гэгэръ*—кругомъ, *воны*—приходить, соб. «кругомъ прошелъ» или догадался, понялъ.

**) «вежэмъ»—обмѣнъ, вежэмъ—обмѣнный, отъ гл. «вежны»—мѣнять, обмѣнивать,—«ясъ»—окончаніе множ. числа.

***) «Зонъ» значитъ мужчина, парень.

****) «лёкъ»—дурной, злой, «висемъ»—болѣзнь; «лёкъ висемъ»—венерическая болѣзнь. Она распространена среди Пермяковъ въ Перм. губ.

«пывсянъ» *), построенный Зырянами-охотниками въ лѣсу, и по утру назначаютъ мѣсто будущаго своего ночлега. Если же избранную ими лѣсную избушку займутъ запоздавшіе Зыряне-охотники, то *Вэрса* стараются ихъ выпроводить: они то вихремъ пронесутся надъ избушкой и пошатнутъ ея кровлю, то распахнутъ дверь, то тряхнутъ ближайшими деревьями и поднимутъ такой шумъ, какого бѣднымъ промышленникамъ и не слыхивать-бы вѣкъ. Если при этомъ Зыряне останутся въ избушкѣ, то они спасены и *Вэрса*, вдоволь натѣшившись надъ охотниками и видя свое желаніе выгнать ихъ изъ избы несбывшимся, раздосадованные отправляются искать ночлегъ въ другой избушкѣ; если же смѣлые охотники захотятъ оставить избушку, то непремѣнно или заблудятся или утонутъ.

Предъ отправкою на звѣриную ловлю или на охоту, Зыряне приносятъ что-нибудь въ подарокъ «Вэрсалы», чтобы ловъ былъ удаченъ, и чтобы хозяинъ лѣса не заморилъ въ дебряхъ звѣролововъ; обыкновеннымъ подаркомъ бываетъ краюшка хлѣба, посыпанная солью поверху, которую кладутъ на пень. Зыряне Пермской губ. ежегодно приносятъ въ даръ *Вэрсалы* пачку листоваго табаку, до котораго онъ будто-бы сильно охочъ. Въ Архангельской губ. Зыряне думаютъ, что *Вэрса* пасетъ стада, если его задобрить. Жители Олонецкой губ. убѣждены, что каждый пастухъ долженъ подарить лѣшему корову, нето онъ озлобится и перепортитъ все стадо.

Вэрса ведутъ частыя войны съ подобными имъ лѣсными духами, живущими «мэдъ муынъ»**). На сра-

---

*) «Пывсянъ»—соб. баня; также (лѣсная) избушкау промышленниковъ Зырянъ.

**) «Мэдъ»—иной, другой «му»—земля; «мэдъ—му» соб. иная земля, а также чужое царство.

женіяхъ они не употребляютъ пороха и не имѣютъ вовсе ружей, но ломятъ другъ друга толстыми деревьями *).

Куль **).

Судя по словопроизводству, мы думаемъ, что это былъ богъ смерти у древнихъ Зырянъ-язычниковъ. Причина, по которой народное преданіе въ глубокую старину назначило ему мѣстомъ пребыванія водную стихію,—заключается въ томъ, что предки Зырянъ, кочуя, хоронили трупы своихъ родственниковъ и соплеменниковъ въ водѣ, отдавая ихъ *Кулю* ***). Въ позднѣйшее время, съ введеніемъ христіанства, *Куль* сталъ тождественъ съ сатаной, властителемъ ада, и его обиталище уже не въ водѣ, а въ преисподней, подъ водой ****). Прежній же *Куль*, властитель водъ, переиме-

---

*) По другой редакціи: *Вэрса,* принимая сторону «нашихъ» сражаются съ непріятельскимъ войскомъ.

**) Отъ глагола «кулны», умереть.

***) Умершіе по Зырянски «кулэлъ—йезъ», буквально: кулевые люди, т. е. живущіе въ царствѣ смерти, у *Куля.*

****) По Зырянски «вакрамежъ». Въ одной старинной Зырянской пѣснѣ, подъ названіемъ «Зонъ», *Куль* имѣетъ именно христіанское значеніе нечистаго духа—чорта. Вотъ эта замѣчательная по *содержанію* и по *мелодіи* Зырянская народная пѣсня:

«Онъ тэдъ на тэ онъ,
«Мича, авъя зонъ,
«Селэмтэ, олэмтэ
«Асъ ыджидъ донъ;
«Бурлунтэ, шудлунтэ,
«Онъ тэдъ, тэ онъ!
«Регыдъ морт-ыдъ томъ!
«Ичетъ оланъ комъ!
«Выныдлы, мывкыдъ-ыдъ
«Пуктасъ медъ домъ!
«Мунэны лунвой-ыдъ...

Ты еще не знаешь,
Прекрасный, добрый юноша,
Что за шутка жизнь;
Ни цѣны своей,
Ни счастья своего
Ты не знаешь, нѣтъ!
Не долго человѣкъ молодъ!
Да и вся то жизнь недолга!
Пусть на силы твои
Разумъ надѣнетъ узду!
Время — улетучивающаяся отъ насъ вещь...

новался у нынѣшнихъ Зырянъ въ *Васа* или *Вакулъ* *),

«Регыдъ мортъ томъ!
«Этнасъ мортъ-джынъ мортъ,

«Ангелъ, *Кулъ* да *Ортъ* (см. о немъ ниже).
«Эткэмъ медъ оласны!
«Лэседъ, зонъ, гортъ!

«Лэседъ кэть мусук-тэ!

«Этнадъ-джынъ-мортъ!

«Онъ казявъ, онъ кывъ...
«Рытывъ быдъ рамъ нывъ
«Яндысе, ыла все:
«Кодъ тэ-ысь вывъ?
«Долыдъ-тэ, мэлы тэ!
«Немъ тэ онъ кывъ!
«Эмичъ ва-кодь виръ!
«Шонды яй-лы пыръ!
«Нылыслэнъ тыдалэ!
«Вешшерэ дыръ
«Чужемасъ ворслывлэ
«Эмичь ва виръ!
«Юрсисэ сетэма
«Нылыслы мой!
Долыдмасъ лунъ сыкэдъ,
«Дженьдамасъ вой!
«Кувны и пэрысенъ
«Эштамэ тай...
«Нывкэдъ зонъ шудало.
«Йезлы абу могъ,
«Йязлы абу шогъ!
«Медъ вэлы наялы
«Шань оласногъ...

«Нывкэдъ, зонъ, шудало!
«Йезлы мый могъ!

Недолго человѣкъ молодъ!
Человѣкъ въ одиночествѣ — полчеловѣка,
Ангелъ, Чортъ да Ортъ

Пусть живутъ одинокіе!
Ты молодецъ обзаведись настоящимъ домомъ,
По крайней мѣрѣ найди, кого было бы любить.
Человѣкъ въ одиночествѣ — полчеловѣка!

Не замѣчаешь, не видишь...
Цѣлый вечеръ скромная дѣвушка
Смущается, проговаривается:
Кто лучше его?
И веселъ то онъ, и ласковъ то онъ!
Ничего не замѣчаешь!
У ней малиновая кровь!
Солнце сквозь тѣло и косточки
Постоянно просвѣчиваетъ у ней!
Напрасно такъ долго
Зажигается на этомъ личикѣ
Малиновая кровь!
Волосы далъ
Дѣвушкѣ бобръ!
Веселъ, свѣтелъ съ ней день,
Коротко съ нею время.
Умереть и въ старости
Непремѣнно успѣешь...
Юноша будь счастливъ съ дѣвой.
Людямъ нѣтъ дѣла до тебя!
Людямъ нѣтъ дѣла до любви!
Имъ была бы
Строго чинная жизнь
Имъ нужны платье да наружность),
Юноша! будь счастливъ съ дѣвой!
Людямъ нѣтъ вѣдь дѣла.

Вотъ обращикъ Зырянской поэзіи.

*) *Васа* (отъ «ва» — вода) букв. водяной-«Вумурту» («ваа — гэна»—водяной, мохнатый человѣкъ) Вотяковъ.

и въ ихъ воззрѣніи утратилъ черту духовности, невидимости, какъ и *Вэрса*. По представленіямъ современныхъ Зырянъ, *Васа* или *Вакулъ* имѣетъ видъ нагаго человѣка, съ длинными и влажными волосами, длинными ногтями на рукахъ и ногахъ, большими глазами и громадными грудями (у *Васа* женскаго пола), которыми душитъ людей, втискивая въ ротъ.

Онъ живетъ въ мельничныхъ прудахъ, въ лѣсныхъ озерахъ, въ рѣчныхъ глубокихъ и темныхъ омутахъ, топкихъ болотахъ. *Васа* выходитъ изъ воды на берега рѣкъ и озеръ по вечерамъ и, сидя на берегу, расчесываетъ волосы большимъ гребнемъ. Увидавши человѣка, онъ старается приманить къ себѣ, чтобы утащить въ воду. Голосъ *Васа* грубый, непріятный для слуха.

Васа живутъ въ водѣ семействами и хозяйствомъ; они имѣютъ подводные дома, коровъ и проч. Новорожденныя дѣти *Васа* имѣютъ неопредѣленную, безжизненную, мохнатую фигуру, которая получаетъ жизнь, принимаетъ опредѣленный видъ и форму постепенно, по мѣрѣ роста. Коровы *Васа* пасутся на берегу по вечерамъ и ночью; онѣ очень жирны, молочны и всѣ комолыя *). Обыкновенной пищей *Васа* служатъ рыбы.

Васа большой другъ мельниковъ, усердный ихъ помощникъ и оберегатель мельницъ. По вѣрованію Зырянъ, у каждаго «изыся» **) есть хоть одинъ *Васа*, который находится въ его распоряженіи. Черный, мохнатый, онъ, съежившись, сидитъ на зубцѣ мельничнаго колеса и бережетъ мельницу. «Изысь», отдавшій свою душу *Васа*, предъ смертью мучится, а на мельницѣ въ это время что-то страшно шумитъ, стучитъ и кричитъ: это

---

*) Т. е. безъ рогъ, какъ и коровы у всѣхъ Зырянъ.

**) «Изны»—молоть; «изысь»—мельникъ.

потѣшается *Васа*, радуясь, что «изысь» попался къ нему въ руки.

Васа злѣе *Вэрса* и никогда не упускаетъ случая погубить человѣка или животное *). Чтобы избѣжать опасности быть схваченнымъ и утопленнымъ, Зыряне, входя въ воду или плывя по водѣ, непремѣнно бросаютъ въ нее въ умилостивленіе *Васа* кусокъ хлѣба или камешекъ, щепку, палочку и т. п. Рыболовы, чтобы промыселъ былъ удаченъ, должны приносить *Васа-лы* пряники или хлѣбъ, но отнюдь не «чери-нянь» **). Большая же часть рыбаковъ жертвуетъ *Васа-лы* «тàбакъ и курыдъ юанъ» ***). Эти два подарка, по мнѣнію Зырянъ, могутъ окончательно задобрить *Васа*, и онъ сдѣлаетъ все, что угодно. Если же рыбаки забудутъ подарить *Васа*, то вмѣсто рыбы неводъ ихъ будетъ полонъ камней, палокъ, грязи и травы.

Гажтэмъ.

Въ демонологіи Зырянъ между *Вэрса* и *Васа* стоитъ несовсѣмъ опредѣленный духъ—*Гажтэмъ*. По словопроизводству («гажъ»—веселье, «гажа»—веселый, «тэмъ» въ сложеніи означаетъ отрицаніе—не). *Гажтэмъ* значитъ невеселый, мрачный духъ. Мѣстомъ обиталища

---

*) Въ военное время *Васа* отправляются на мѣста сраженій и принимаютъ сторону непріятелей. Передъ утопленникомъ на поверхности рѣки или озера всегда появляется *Васа*.

**) «Чери» — рыба, «нянь»—хлѣбъ; «чери—нянь» — рыбный пирогъ.

***) «Тàбакъ»—табакъ (всѣ Зырянскія слова имѣютъ удареніе на первомъ отъ начала слогѣ; поэтому и слова, заимствованныя Зырянами отъ Русскихъ, въ произношеніи подчинены этому же правилу); «курыдъ» — горькій, «юанъ» — питье, «курыдъ — юанъ» значитъ водка.

этого духа народное вѣрованіе признаетъ мельничные пруды и лѣсныя ямы. Дѣйствія *Гажтэма* очень неопредѣленны и часто заходятъ въ область то *Вэрса*, то *Васа* или стариннаго *Куля*. *Гажтэмъ* требуетъ себѣ въ даръ головы, но ему все равно, голова-ли человѣка, кошки или собаки. По этому Зыряне, стараясь задобрить *Гажтэма*, приносятъ ему голову одного изъ указанныхъ животныхъ.

Шумъ ручья признается игрой *Гажтэма*, которой онъ старается разогнать свою скуку. Когда этотъ духъ получилъ мѣсто въ системѣ языческаго вѣрованія Зырянъ,—сказать трудно. Да и врядъ-ли онъ существовалъ въ отдаленныя времена язычества Зырянъ отдѣльно отъ *Вэрса* или *Васа*, древнѣйшихъ языческихъ боговъ-духовъ. Думается, что это одинъ и тотъ-же духъ *Васа*, получившій впослѣдствіи (быть можетъ, въ періодъ осѣдлости Зырянъ) новыя черты и новое имя и такимъ образомъ отдѣлившійся въ воззрѣніи Зырянъ отъ прежняго *Васа* или стариннаго *Куля*.

Служеніе духамъ (демонолатрія) Зырянъ и ограничивается описанными божествами; слѣдующимъ духамъ они не оказываютъ этого служенія: имъ не приносятъ никакихъ жертвъ.

Ортъ.

Населивъ лѣсъ и воду божествами-духами, язычники-Зыряне и воздушное пространство, окружавшее ихъ, сдѣлали мѣстомъ обиталища особыхъ божествъ-духовъ, названныхъ *Ортами*. Опредѣлить филологически значеніе этого духа можно лишь изъ сопоставленія имени *Ортъ* съ другимъ Зырянскимъ словомъ «мортъ». Извѣстно, что слово «мортъ» *) состоитъ

*) Человѣкъ.

изъ «му»—земля и «ортъ»—духъ *); такимъ образомъ, «мортъ»—человѣкъ-земляной духъ или духъ, облеченный въ тѣло, а «ортъ»—душа человѣка, лишившаяся тѣла и пребывающая въ воздушномъ пространствѣ.

Такое филологическое опредѣленіе *Орта* оправдывается и понятіемъ о немъ Зырянъ послѣ смерти того человѣка, къ которому былъ приставленъ *Ортъ* **); именно, тогда *Ортъ* перебываетъ всюду, гдѣ только былъ человѣкъ въ продолженіе всей своей жизни. Вѣря въ это странствованіе *Орта*, послѣ своей смерти, Зыряне, побывавшіе въ разныхъ мѣстахъ вдали отъ родины, обыкновенно говорятъ своимъ соотчичамъ: «мыйкэ ме *Ортъ* туй-тэ тали-же» ***). Такимъ образомъ, *Ортъ*, по понятію Зырянъ, гробовой духъ или осужденная душа, скитающаяся въ мірѣ послѣ разлученія съ тѣломъ. Въ этомъ представленіи заключается, по нашему мнѣнію, философское значеніе *Орта* ****).

Ортъ, по вѣрованію Зырянъ, еще при жизни человѣка такъ или иначе обнаруживаетъ свое присутствіе; тогда онъ является предвѣстникомъ смерти того лица, къ которому онъ приставленъ. Въ большинствѣ случаевъ *Ортъ* обнаруживаетъ свое присутсвіе не самому лицу, которое должно умереть, а кому-либо изъ его родствен-

---

*) Существованіе у Зырянъ слова «мортъ» для опредѣленія человѣка даетъ намъ основаніе предполагать предковъ Зырянъ выходцами изъ Азіи, потому что это именно понятіе о происхожденіи человѣка распространено на всемъ Востокѣ.

**) Къ каждому Зырянину приставляется спеціальный *Ортъ* со дня его рожденія.

***) Т. е, «сдѣлалъ же я дорогу для Орта».

****) Не лишено основанія то мнѣніе, что Зыряне подъ *Ортомъ* почитали души умершихъ своихъ предковъ. Быть можетъ, на своихъ языческихъ кладбищахъ они какъ нибудь и изображали *Орта* и приносили ему жертвы.

никовъ, друзей и знакомыхъ. Способъ явленій *Орта* различенъ, но всегда можно угадавать, кого онъ вызываетъ на тотъ свѣтъ: мужчину-ли, женщину или дитя. Такъ, явленіе *Орта* рубящимъ дрова, обтесывающимъ бревна, стучащимъ ружьемъ, силками съ капканомъ *), принимается за предсказаніе смерти хозяина дома; если же дѣятельность *Орта* обращена на прялку, ухватъ, лопаты, сковородникъ, кочергу или горшки, или неожиданно зашипитъ веретено, то умретъ женщина—хозяйка дома; если же *Ортъ* качаетъ колыбель или рѣзвится, то умретъ дитя **). Вообще способъ предсказаній *Орта* всегда соотвѣтствуетъ роду занятій умирающаго.

Къ разнообразнымъ появленіямъ Орта особенно чутки старики—Зыряне. Упадаетъ-ли, что-нибудь въ избѣ, стукнетъ-ли около печи, или какой нибудь шорохъ нарушитъ тишину ночи, старикъ—Зырянинъ робко и тревожно прислушивается, оглядывается и шепчетъ: «тае *Ортъ*, дертъ, кодъ—кэ куласъ» ***).

Въ одной старинной бытовой Зырянской пѣснѣ, подъ названіемъ «Пэрысь», Зырянинъ — старикъ, жалуясь на свою тяжелую старческую долю, между прочимъ говоритъ:

«Та вой лэсасисъ-нинъ йона *Ортъ*;
Прошедшую ночь я слышалъ сильный стукъ *Орта*,

---

*) Снарядъ для ловли зайцевъ.

**) Нужно замѣтить, что, являясь большею частію ночью, *Ортъ* имѣетъ при себѣ синій огонекъ, который вспыхиваетъ по его слѣдамъ. Это единственный признакъ видимости *Орта*. Вообще же нужно сказать, что изъ всѣхъ древнихъ божествъ — духовъ одинъ только *Ортъ* до сихъ поръ сохранилъ у Зырянъ, въ сравненіи съ другими духами (*Вэрса*, *Кулъ* или *Васа*), черты своей духовности: самъ онъ никогда не видимъ.

***) Т. е. «это *Ортъ;* вѣрно, кто-нибудь умретъ».

«Тэданъ, вэзъе-нинъ мемъ дона гортъ!
«Мычасянъ, да гуэ усянъ понъ
«Перна пассэ чевтасъ гусенъ зонъ! *)

Знаешь, вѣдь онъ ужъ сулитъ мнѣ гробъ!
Вотъ споткнешься и упадешь въ яму, какъ собака,
А любезный сынъ за угломъ осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ.

---

*) Такъ какъ въ этой пѣснѣ весьма характерно изображается семейная жизнь Зырянъ, отношенія сына и невѣстки къ старику-отцу, то считаемъ не лишнимъ привести и начало пѣсни:

«Ой, ой, мый-нэ сыдчи ола дыръ!
«Кулэмысь огъ, піись пола пыръ!
«Ме-пэ быдцэнъ сьои сылысь нянь;
«Огъ нинъ казявъ пызанъ вылысь пянь!
«Тырысъ эм-буръ дасьтлы сылы, овъ!
«Сылысь корны дэмасъ—вылэ повъ!
«Дуръ понъ» выль нимъ пуктысъ сые мемъ...
«Кыдчь-нэ арталы ме, піе, нэмъ?
«Мый ме йезъ-мозъ мортъ-ловъ сетлы тэдъ?
«Бара и монь... но сые-петлэ, медъ!
«Озъ пэ гэгэрво, вэдъ, быдса йей!
«Огъ тэдъ, воштысьны таськытче, вой!
«*Иенъ* *) видчь! норасьны медъ муна, шогъ!
«Вины ачимэсъ? да кыла: мыжъ!

Какъ длинна человѣческая жизнь!
Не боюсь я смерти, а боюсь сына!
Весь хлѣбъ, говорятъ, я у него съѣлъ;
За столомъ мнѣ забываютъ ложку подать!
При жизни своей, я оставилъ ему наслѣдство: живи—не жалуйся.
А теперь страшно попросить у него на заплату!
«Бѣшеная собака» — это новое далъ мнѣ имя сынокъ...
Какъ-же я думалъ сынокъ?
Что я тебѣ, какъ и люди, давалъ человѣческую душу?
Опять и невѣстка... но ужъ та, пускай, чужая!
«Ничего», говорятъ они (про меня) «не понимаетъ: изъ ума выжилъ»!
Не знаю, куда мнѣ дѣться: теперь ночь!
Сохрани меня *Иенъ*, чтобъ я пошелъ на нихъ жаловаться!
Убить себя? да слышу: неладно!

---

*) См. о немъ ниже.

Наконецъ, если у Зырянина, набродившагося съ недѣлю по лѣсамъ, болотамъ и кочьямъ и получившаго отъ корней и вѣтвей деревъ множество непримѣтныхъ сгоряча толчковъ и ушибовъ, окажется неожиданно гдѣ нибудь на тѣлѣ синее пятно,—это, значитъ, укусилъ *Ортъ*.

Таковы многоразличныя проявленія *Орта* въ домашней и охотничьей жизни Зырянъ. При всемъ томъ нужно замѣтить, что *Ортъ* спеціальное Зырянское божество—духъ; его нѣтъ даже у родственныхъ Зырянамъ народовъ—Пермяковъ и Вотяковъ, живущихъ въ Пермской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ. *Ортъ*—единственный безвредный, даже добрый духъ, не требующій отъ Зырянъ никакихъ жертвъ, ни какихъ видивъ служенія.

Олысь.

Олысь или Олыся, отъ Зырянскаго глагола «олны»—жить,—духъ, обитающій въ домахъ Зырянъ. Появленіе этого духа въ сознаніи Зырянъ нужно отнести къ началу ихъ осѣдлой жизни. Дѣятельность *Олыся* иногда проявляется въ предсказаніи счастливыхъ или несчастныхъ обстоятельствъ въ жизни Зырянъ. Въ послѣднемъ случаѣ способъ его явленія всегда одинаковъ: онъ ложится на грудь соннаго хозяина или хозяйки и душитъ. Кромѣ предсказаній, на обязанности *Олыся* лежитъ попеченіе о домашнихъ животныхъ: коровахъ, лошадяхъ. Но *Олысь* любитъ только одного цвѣта животныхъ; любимымъ лошадямъ онъ вьетъ гривы, чиститъ ихъ, поитъ и кор-

---

«Кыдчь-кэ пуртъ тай аслыдъ вылэ ныжъ! Да и ножъ то весь тупъ, какъ ни точи его на себя!

«Та вой лэсасисъ нинъ йона *Ортъ*... Прошедшую ночь я слышалъ сильный стукъ *Орта* и проч.

митъ, перетаскиваетъ кормъ отъ другихъ, даже изъ чужихъ хлѣвовъ и конюшенъ; не любимыхъ же животныхъ мучитъ: гоняетъ по двору, полститъ шерсть, отнимаетъ кормъ, забиваетъ подъ ясли, а иногда изнуряетъ до смерти. Зная эти проказы *Олыся*, современные Зыряне при покупкѣ скота, обращаютъ прежде всего вниманіе на цвѣтъ его шерсти. Когда же замѣчаютъ, что то или другое животное, безъ всякой видимой причины, чахнетъ, стараются сбыть его въ другія руки, и покупатели не боятся пріобрѣсти его на томъ основаніи, что если се- «лэмвылэ эзъ во этикъ Олысь-лы, гашкэ воасъ мэдлы»*). *Олысь*, недовольный чемъ-либо хозяевами, потѣшается надъ ними: стащитъ одно, припрячетъ другое, поссоритъ хозяина съ хозяйкой и проч.

При переходѣ въ новый домъ, хозяева переводятъ съ собой и *Олыся*, если онъ благоволитъ имъ; въ противномъ случаѣ или его оставляютъ въ старомъ домѣ или выгоняютъ «бэрданъ—турынэнъ» **).

Зыряне представляютъ *Олыся* маленькимъ, горбатымъ и слѣпымъ старикомъ, съ сѣдою бородою, или небольшимъ мохнатымъ животнымъ.

Въ доказательство существованія *Олысей*, Зыряне приводятъ многочисленные разсказы, слышанные ими отъ своихъ же, и случаи, въ которыхъ они сами были или дѣйствующими лицами или очевидцами.

Пэлудь—Айка.

«Ай» значитъ отецъ***), «айка»—свекоръ; «пэлудь» василекъ, отсюда «*Пэлудь — Айка*» буквально значитъ

---

*) Т. е. «если животное не пришлось по сердцу одному *Олысю*, то можетъ понравиться другому».

**) Трава—плакунъ.

***) У животныхъ самецъ.

отецъ васильковъ,—богъ васильковъ. Относительно времени появленія этого божества у Зырянъ нужно думать, что оно возникло въ воззрѣніи ихъ на природу, вмѣстѣ съ появленіемъ у нихъ хлѣбопашества или вообще осѣдлаго быта.

Современные Зыряне 20 Іюля страшатся выходить на свои поля, чтобы *Пэлудь — Айка*, берегущій засѣянный тамъ хлѣбъ, не повредилъ его.

Рынышса.

«Рынышъ» значитъ овинъ; *Рынышса*—овинный духъ. Онъ, по мнѣнію Зырянъ, стережетъ хлѣбъ въ овинахъ. Забравшихся ночью въ овинъ, особенно въ святки (*вежа дырьи*), или просто, подслушивающихъ въ это время подлѣ овина, *Рынышса* пугаетъ. Этому особенно подвергаются Зырянскія «нывъясъ» *), пожелавшія въ святки подслушать что-нибудь, опредѣляющее ихъ судьбу. *Рынышса*, какъ и *Пэлудь—Айка*, появился у Зырянъ, вмѣстѣ съ происхожденіемъ у нихъ землѣдія.

Пывсянса **).

Въ предыдущей главѣ мы сказали, что Зыряне въ глубокую старину, при кочевомъ состояніи, занимаясь по преимуществу звѣриною ловлею, для прикрытія себя отъ холода и непогоды, устраивали земляные шалаши ***); съ теченіемъ времени, шалаши устраивались на поверхности земли, деревянные; они служили и домомъ и баней, въ нашемъ смыслѣ. Еще позднѣе, когда Зыряне уже прочно устроили свои жилища,

---

*) См. I гл. стр. 20—23.

**) «Нывъ» значитъ дѣвица; «ясъ»—оконъ мн. числа.

***) «Пывсины» значитъ мыться, «пывсянъ» — баня, отсюда «*Пывсянса*»—банный духъ, обитающій въ баняхъ.

то эти «пывсяны» были отдѣлены отъ настоящихъ жилищъ и лишь въ лѣсу, въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ селъ и деревень, сохранили прежнее свое назначеніе *). По вѣрованію Зырянъ, какъ въ первыхъ «пывсянахъ»— вблизи жилищъ, такъ и въ другихъ лѣсныхъ «пывсянахъ» обитаютъ злые духи—«*Пывсянса*». Они не пропускаютъ удобнаго случая сдѣлать человѣку зло, напр. напугать и даже убить, если Зырянинъ не вовремя ночью или поздно вечеромъ, рѣшится идти одинъ въ «пывсянъ» и не благословясь. Тогда *Пывсянса* запариваетъ его до смерти или запихиваетъ въ печку и подъ банные пары.

Современные Зыряне не ходятъ въ баню въ третій паръ **), потому-что третій паръ всегда назначаетъ себѣ *Пывсянса*; для него оставляется вода и вѣникъ.

Противъ *Пывсянса* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ призываютъ на помощь *Рынышса*, какъ менѣе злаго. У Зырянъ Архангельской губерніи существуетъ слѣдующее суевѣріе: чтобы увидѣть *Пывсянса*, нужно зайти

---

*) Во время «полѣсованія» (вэрэ ветлэдлэмъ), т. е. ловли звѣрей, стрѣлянья бѣлокъ и рябчиковъ и др. птицъ, которое происходитъ осенью, съ конца Сентября до половины Декабря и зимой—съ половины Января до половины Марта, Зыряне живутъ въ лѣсу въ «пывсянахъ». Это—бревенчатыя избушки въ 5—6 рядовъ, покрытыя досками на одинъ скатъ; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ, по стѣнамъ, у самаго потолка, устраиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ, «пывсяны» служатъ и мѣстомъ жилья и банею. Въ нихъ такъ тепло, что охотники спятъ, раздѣвшись до нага, въ то время, какъ просушивается намокшая одежда. Такіе «пывсяны» разсѣяны почти по всему Зырянскому краю, на разстояніи 20, 30 и 40 верстъ одинъ отъ другого.

**) Т. е. послѣ двухъ разъ мытья.

ночью въ баню и, заступивъ ногою за порогъ, скинуть съ шеи крестъ и положить его подъ пяту ноги, при этомъ непремѣнно проговорить: «отрекаюсь отъ Христа и отдаю себя дьяволамъ» *) *Пывсянса* Зыряне представляютъ въ видѣ человѣка въ красной шапочкѣ съ огненными глазами.

Шева.

Шева значитъ порча; «шева лэчны» значитъ портить, напустить порчу на людей, — свойство, приписываемое Зырянами исключительно колдунамъ и знахарямъ («чыкэдчисьяслы»). Помимо этого, *Шева*, по вѣрованію Зырянъ, существуетъ еще и какъ особая субстанція, олицетворенная въ образѣ бабочекъ изъ породы жуковъ, летающихъ въ воздухѣ и входящихъ въ людей.

Шева, поселившись въ человѣкѣ, мучаетъ его разными внутренними болѣзнями, припадками, заставляетъ его биться, кричать, лаять по собачьи, ругаться, ломать разныя вещи и проч. Она разсказываетъ о своемъ происхожденіи, о причинѣ своего появленія въ человѣкѣ и отвѣчаетъ на всѣ вопросы спрашивающихъ **). Иногда *Шева* входитъ и въ животныхъ: коровъ, лошадей, собакъ; они испытываютъ одинаковыя съ людьми послѣдствія отъ присутствія *Шевы*.

Что касается времени появленія этого духа въ миѳологіи Зырянъ, то онъ существовалъ издавна, такъ

---

*) См. Памят. книж. Архангельской губ. на 1864 г., ст. Ефименко, «Суевѣрія жителей Архангельской губ.

**) Въ Арханг. губ. *Шева* извѣстна подъ именемъ «икоты».

какъ теперешніе «Чыкэдчиси, тэдыси, туны» и проч. *)— прямые преемники Шамановъ—Памовъ, которые, будучи народными правителями и жрецами, обладали силой волхованія и напусканія на людей разныхъ недуговъ **).

Титимэра.

Появленіе этого духа въ Зырянской миѳологіи сравнительно позднее и, по всей вѣроятности, онъ заимствованъ у Русскихъ. Послѣднее доказывается тѣмъ, что во 1-хъ въ Зырянскомъ языкѣ самаго слова «титимэра» не существуетъ, нѣтъ и сколько-нибудь подобнаго корня, отъ котораго могло бы произойти это названіе; во 2-хъ извѣстно, что въ русской демонологіи

---

*) «Чыкэдчись»—колдунъ, еретикъ, «тэдысь»—знахарь, «тунъ»—главный колдунъ. У Зырянъ Пермской губ. существуетъ особый классъ колдуновъ, такъ называемые «чэръ-эшлысьясъ»—буквально—топоро-вѣшатели, потому что они объясняютъ причину несчастій или предсказываютъ будущее посредствомъ топора. Обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ: «чэръ-эшлысь» беретъ часть соли и воска, хранящихся въ божницѣ (съ иконами) и бросаетъ на горящіе уголья. Затѣмъ вѣшаетъ топоръ на шейномъ гайтанѣ (на которомъ носитъ крестъ) и держа такимъ образомъ топоръ, молится, странно перечисляя имена извѣстныхъ ему святыхъ и умершихъ родственниковъ. Если, во время этой переклички, топоръ придетъ въ движеніе при чьемъ либо имени,—это значитъ, что такой-то святой или умершій родственникъ «нашелъ на домъ», т. е. причинилъ несчастіе. Тогда Пермякъ идетъ просить Священника отслужить обѣдню или панихиду по умершемъ, или молебенъ извѣстному Святому. Колдунами у Зырянъ чаще всего бываютъ: мельники, пастухи, коновалы, конюхи, отставные кавалеристы, банщики, цирульники, костоправы, повивальныя бабки, отставные фельдшера, странствующіе торговцы косметическими товарами и разными составами и проч.

**) О древнихъ Памахъ—жрецахъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

существуетъ духъ «кикимора» *). Ясно, что Зырянское названіе «титимэра»—искаженное русское «кикимора».

Титимэра, по вѣрованію Зырянъ, имѣетъ мѣстомъ обиталища по преимуществу старые, развалившіеся и покинутые людьми дома; но иногда этотъ духъ вселяется и въ новые дома, построенные недовольными на хозяина плотниками. Присутствіе *Титимэры* проявляется въ жалобныхъ стонахъ въ домахъ, въ подвалахъ, подпольяхъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ, во внезапномъ крикѣ и хохотѣ разныхъ голосовъ, по ночамъ въ безпричинномъ паденіи домашней посуды: горшковъ, тарелокъ и проч., въ стаскиваніи одѣялъ со спящихъ, въ звукѣ шаговъ и т. п. Зыряне — хозяева, убѣдившіеся въ присутствіи въ своемъ домѣ *Титимэры* и утратившіе надежду избавиться отъ нихъ, иногда даже оставляютъ безпокойный домъ и переселяются въ новый **). Вѣря въ существованіе *Титимэръ* и страшась нажить эту бѣду, Зыряне при постройкѣ дома стараются быть въ дружбѣ съ плотниками и угощаютъ ихъ въ каждый праздничный день водкой и пивомъ ***).

По представленію Русскихъ, кикиморы принимаютъ видъ безобразныхъ старухъ или молодыхъ дѣвицъ ****),

---

*) Чубинскій. «Ученыя экспедиціи по юго-западу Россіи». СПБ. 1872 г., томъ I. Забылинъ, «Русскій народъ въ обрядахъ и повѣрьяхъ». М. 1880 г.

**) Впрочемъ, по мнѣнію Зырянъ, хорошіе колдуны и знахари могутъ прогнать *Титимэръ* изъ жилищъ посредствомъ куреній, нашептываній и т. п.

***) *Титимэръ* иногда вселяютъ и колдуны («чыкэдчиси») въ отмщеніе-ли хозяевамъ за оскорбленіе, или по зависти, или простопо недоброжелательству.

****) Забылинъ «Русскій народъ въ обрядахъ и повѣрьяхъ» стр. 248—54.

а по представленію Зырянъ, *Титимэры* имѣютъ видъ большой, мохнатой и уродливой куклы съ каррикатурной физіономіей, а иногда видъ кошекъ и свиней.

Обращаемся къ объясненію словъ, относящихся у Зырянъ къ наименованію существъ духовнаго міра и образовавшихся уже подъ вліяніемъ христіанства:

Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ *Йенъ* *). Это имя Бога христіанскаго, которому покланяются Зыряне со времени просвѣщенія ихъ св. Стефаномъ, Епископомъ Пермскимъ.

Не смотря на то, что ни одна изъ языческихъ религій не могла возвыситься до признанія Единаго Высочайшаго Духа, Творца неба и земли, тѣмъ не менѣе существуютъ попытки доказать, что Единый Богъ-Духъ существовалъ въ древнеязыческой миѳологіи Зырянъ, хотя и представлялся ими неясно. Такъ, въ статьѣ неизвѣстнаго автора «Пермяки» читаемъ: «Пермяки имѣли какое то понятіе о Единомъ Великомъ Духѣ, Создателѣ неба и земли» **). Въ статьѣ г. Михайлова «Устьвымъ» выражено уже болѣе полно представленіе древнихъ Зырянъ о Единомъ Верховномъ Духѣ. Г. Михайловъ говоритъ:

«Несмотря на многобожіе, Зыряне вѣрили въ невидимое, недостижимое Божество, которое называли «*Енъ*». Зыряне думали, что это верховное Божество живетъ на небесахъ и печется только о надзвѣздномъ мірѣ, и люди недостойны возсылать къ Нему молитвы, не должны обременять Его своими прошеніями, но должны обращаться съ ними къ чадамъ Его—духамъ и идоламъ, управляющимъ землею... Такъ какъ это Божество без-

---

*) Отъ прилаг. «Йонъ»—сильный, крѣпкій.

**) См. Журналъ «Москвитянинъ» за 1847 г., № 1.

тѣлесно, то не смѣли ни изображать Его, ни посвящать въ честь Его кумирницъ» *). Эти же самыя мысли, даже выраженія, повторены Архимандритомъ Макаріемъ, авторомъ «Сказанія о жизни и трудахъ святаго Стефана, Епископа Пермскаго» **). Въ статьѣ г. Н. Рогова «Матеріалы для описанія быта Пермяковъ» читаемъ о древней ихъ религіи: «*Енъ*—богъ добра, *Куль*—зла; послѣдній живетъ въ преисподней. *Енъ* будетъ судить «на томъ свѣтѣ» и праведники будутъ поселены въ раю, а грѣшники въ аду, къ *Кулю*, для мученія» ***). Цитируя это мѣсто изъ статьи г. Рогова, г. Пеннъ, авторъ статьи «Матеріалы для исторіи Пермскаго края», дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о языческой религіи Пермяковъ: «отсюда (т. е. изъ выдержки изъ статьи г. Рогова)—говоритъ онъ—видно, что *Енъ* и *Куль*, получившіе нынѣ значеніе въ *христіанской* религіи, были въ понятіяхъ Пермяковъ съ давняго времени и составляли высшее существо ихъ *языческой религіи*» (!) ****). Наконецъ, мы не можемъ обойти позднѣйшее мнѣніе объ этомъ предметѣ г. Шестакова, изучавшаго древній быть Зырянъ. Въ статьѣ «Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій» онъ говоритъ слѣдующее о древней языческой религіи Зырянъ: «Судя по нѣкоторымъ даннымъ (?) нельзя не признать, что Зыряне имѣли нѣкоторыя понятія о Единомъ Великомъ Духѣ, Создателѣ неба и земли. Этотъ древнѣйшій Духъ — *Ѣнъ*, Творецъ міра и человѣка и Управитель вселенной, считался у Зырянъ-язычниковъ благимъ существомъ, покровителемъ и защитникомъ добрыхъ... Въ кругъ его

---

*) См. Вологод. губерн. вѣдом. за 1850 г., № 3.
**) СПБ. 1856 г., стр. 49, примѣч. 30.
***) См. «Журн. М. Внутр. Дѣлъ» за 1858 г. Мартъ, стр. 61—62
****) См. «Памятн. кн. Перм. губ.» за 1863 г., стр. 35.

попеченій не входилъ видимый міръ, управленіе которымъ онъ ввѣрилъ разнымъ духамъ, своимъ чадамъ *)...»

Такимъ образомъ, указанные нами изслѣдователи языческаго культа древнихъ Зырянъ, съ одной стороны, согласно другъ съ другомъ, признаютъ въ немъ грубое идолопоклонство,—съ другой стороны, также единогласно увѣряютъ насъ въ томъ, что и среди этого грубаго идолопоклонства Зыряне признавали существованіе Единаго Верховнаго Божества-Духа, близкаго по понятіямъ къ христіанскому Богу. Между тѣмъ, наши лѣтописи въ приведенныхъ уже нами мѣстахъ прямо говорятъ, что религія язычниковъ - Зырянъ ничѣмъ не отличалась отъ религіи дикихъ народовъ, что св. Стефанъ засталъ между ними грубое идолопоклонство **)... Инокъ Епифаній, первый авторитетъ для насъ послѣ лѣтописей, говоря о языческой религіи и о богахъ Зырянъ, ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, что у Зырянъ до св. Стефана было понятіе о какомъ-то высшемъ существѣ—Единомъ Духѣ. Епифаній положительно говоритъ: «Бяху бо въ Перми человѣци *всегда жруще глухимъ кумиромъ*, и бѣсомъ моляхуся, влъшвеніемъ обдержими суще, вѣрующе въ бѣсованіе, и въ чарованіе и въ кудесы» ***). Наши церковные историки, напримѣръ Митрополитъ Платонъ, въ томъ же духѣ и рѣшительно говоритъ о древней религіи Пермяковъ:

«Пермяне прежде были идолопоклонники, служили солнцу, огню, водѣ, камню, древамъ, скотамъ, птицамъ и

---

*) См. «Учен. Зап. Казан. Универс.» за 1868 г. Апр., стр. 40.

**) См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. V т. 249—50 стр. Никон. Лѣт. Т. IV, 267 стр.

***) См. «Повѣсть о Стефанѣ, Еп. Пермскомъ». Изъ Сборника XVI в. Синодал. Библіот. и въ Памятн. Старин. Русс. Литер. изд. 1862 г., вып. IV, стр. 122—4.

рыбамъ, а паче какой-то бабѣ златой подъ руководствомъ обманщиковъ волхвовъ или ворожей *).

Всѣ вышеприведенныя свидѣтельства историковъ и ученыхъ (Герберштейна, Миллера, Кастрена и др.) тоже нисколько не мирятся съ показаніями гг. Михайлова, Рогова, Пенна, Шестакова относительно существованія у Зырянъ-язычниковъ божества *Йенъ*, съ понятіями о немъ, близкими къ христіанскому. Всѣ эти данныя заставляютъ насъ сильно сомнѣваться въ точности означенныхъ показаній гг. этнографовъ Зырянъ, и тѣмъ болѣе, что никто изъ нихъ не указываетъ на прямой источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ свѣдѣнія о божествѣ *Йенъ, ни одинъ изъ нихъ не ссылается на лѣтописи или другой какой-нибудь старинный памятникъ, а ссылаются другъ на друга, безъ всякой внутренней повѣрки* **). Въ показаніи г. Шестакова для насъ важна лишь одна ссылка, именно на зырянскій переводъ литургіи св. Іоанна Златоустаго, сдѣланный св. Стефаномъ и найденный Академикомъ Лепехинымъ въ 1771 г. въ селѣ Подкиберскомъ (Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской

---

*) «Сокращен. Росс. Церков. Истор.» СПБ., 1805 г., т. I, гл. 35, стр. 243.

**) Такъ, Архимандритъ Макарій ссылается на статью «Пермяки» въ «Москвитянинѣ», на ст. г. Михайлова въ Волог. губ. вѣд. за 1850 г. и на ст.» Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ Вѣстникѣ Имп. Русс. Географ. Общ. за 1855 г., кн. IV, стр. 167—190, въ которой—кстати скажемъ—ровно ничего нѣтъ о древней языческой религіи Зырянъ или Пермянъ. Далѣе г. Пеннъ дѣлаетъ ссылку на г. Рогова, г. Шестаковъ на Архим. Макарія и г. Пенна... Всѣ эти ссылки мы сличили и нашли, что послѣдній изъ нихъ—г. Шестаковъ, какъ и слѣдовало ожидать, сказалъ то, что сказалъ первый авторъ въ «Москвитянинѣ», разумѣется, уже отъ себя, безъ ссылки... Основного источника этихъ ссылокъ мы, такимъ образомъ, не нашли.

губ.), при путешествіи его по Зырянскому краю *). Въ этой литургіи св. Стефанъ перевелъ слово — Богъ Зырянскимъ «*Енъ*», Божій—«*Енлэнъ*» **), что даетъ г. Шестакову поводъ утверждать, что это названіе Бога «*Енъ*» было уже знакомо древнимъ Зырянамъ-язычникамъ: подъ этимъ именемъ у нихъ было извѣстно верховное божество ***). Мы не можемъ согласиться и съ этимъ предположеніемъ г. Шестакова. Кажется, что г. Шестаковъ смѣшиваетъ это позднѣйшее зырянское имя Бога—*Йенъ* съ названіемъ языческаго божества «*Йомала*» или «*Йома*» ****); имя же «*Йенъ*» мы признаемъ изобрѣтеннымъ св. Стефаномъ отъ зырянскаго слова «*йонъ*»—сильный, могущественный,—свойство, всегда присущее христіанскому Богу. Такимъ образомъ мы считаемъ это названіе новымъ для Зырянъ, неизвѣстнымъ имъ до св. Стефана, подобно тому, какъ до него не были имъ извѣстны названія церковныхъ таинствъ, обрядовъ и священныхъ предметовъ: «*пыртчемъ*»—крещеніе, «*висьтасемъ*»—покаяніе; «*вичько*» — церковь «*бурвисьталэмъ*» евангеліе и др., безъ сомнѣнія также изобрѣтенныя св. Стефаномъ *****). Г. Михайловъ, вполнѣ основательно ссылаясь

---

*) См. «Продолж. дневныхъ записокъ путешествія» СПБ., 1780 г. Часть Ш, стр. 241 и далѣе.

**) «Святый Боже»—«Вежа *Енлэ*» (зват. пад.); «Сынъ Божій»—«Пи *Енлэнъ*». См. тамъ-же стр. 242 и 246. Писать вѣрнѣе не «*Енъ*» (Михайловъ) и не «*Ёнъ*» (Шестаковъ), а *Иенъ*, какъ и произносятъ Зыряне. Г. Савваитовъ пишетъ это слово съ j: «J e n» (См. его брош. «О Зырянскихъ Календаряхъ», М. 1873 г., стр. 8).

***) См. Учен. Зап. Казан. Универс., за 1868 г., Апр., стр. 41.

****) Рѣчь о немъ будетъ ниже. Не счелъ-ли г. Шестаковъ названія: «*Иенъ*» и «*йома*», сходныя по произношенію, за одно и тоже слово?

*****) *Пыртны*—вводить, *пыртчемъ* собственно введеніе (въ хри-

на Епифанія, въ противорѣчіе самому себѣ, говоритъ, что Зыряне, въ первые услыхавъ *новое* названіе Бога—*Йенъ*, съ любопытствомъ спѣшили въ устроенный св. Стефаномъ храмъ «*Енмэсъ видчедны*», т. е. посмотрѣть христіанскаго Бога, котораго Зыряне тогда не представляли духовнымъ существомъ *).

Признавая существованіе въ языческой религіи Зырянъ Единаго Верховнаго божества *Йенъ*—добраго начала, г. Шестаковъ допускаетъ существованіе въ ней и злаго начала—*Куль*, котораго зырянская миѳологія помѣстила въ преисподнюю (*вакрамежъ*) **). «Это

стіанство), *висьтасьны*—высказывать, признаваться, *вичько-вэчемъ*—строеніе храма, *бур-висьталэмъ*—благо-вѣствованіе.

*) См. Вологод. Губерн. Вѣд. за 1850 г., № 3, ст. «Устьвымъ». Епифаній, «Повѣсть о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ», Памятн. Русск. Литер., 1862, IV вып., стр. 133. Г. Куратовъ, желая оправдать мнѣніе о существованіи у язычниковъ-Зырянъ божества—*Йенъ* (производитъ также отъ прилагательнаго *йонъ*—сильный, великій), говоритъ, что такое имя могло быть дано Богу не среди бѣдной природы зырянскаго края, а тамъ, гдѣ природа дѣйствительно давала хорошо чувствовать свою силу и вліяніе на человѣка. Существуетъ также зырянскоо слово «*енногa*»—богоподобный; но мораль объ уподобленіи человѣка Богу принадлежитъ преимущественно азіатскому нравоученію». (См. Вологод. Губ. Вѣд., за 1865 г., № 37, ст. «Зырянскій языкъ»). Ни мало не несоглашаясь съ тѣмъ мнѣніемъ, что предки Зырянъ, Финны — выходцы изъ Азіи, родины первобытныхъ народовъ, мы однакожъ не согласны съ г. Куратовымъ въ томъ, что предки Зырянъ и по переходѣ изъ своей прародины на сѣверо-востокъ Европы, сохранили вѣрованіе въ Единаго Бога Духа, если это вѣрованіе они имѣли въ своей первобытной странѣ. Для насъ вполнѣ достаточно въ данномъ случаѣ свидѣтельство лѣтописей, которыя изображаютъ Зырянъ грубыми язычниками, и слѣдовательно для понятій *Йенъ* и *Йенногa* въ ихъ религіи не было мѣста.

**) Ссылка на ст. г. Пенна, Перм. Сборн. за 1863 г., стр. 35. Древнее существованіе *Куля* мы признали, но не съ тѣми чертами

злое существо, говоритъ г. Шестаковъ,—*кереметь* Черемисъ, который, по ихъ мнѣнію, такъ же вѣченъ, какъ *Юмо* (доброе начало), только меньшій его братъ *). Онъ **), при сотвореніи міра и человѣка, захотѣлъ сдѣлать тоже, что и старшій братъ, но, не будучи равенъ ему силами, исказилъ его твореніе.—Низшихъ духовъ, управляющихъ міромъ отъ имени великаго духа—*Йенъ*, было такое множество, что ими наполнены были воды, лѣса, камни и огонь» ***). Такими чертами описываетъ г. Шестаковъ — языческую религію Зырянъ. Но, во 1-хъ, это описаніе заключаетъ въ себѣ цѣлую миѳологическую систему съ послѣдовательной генеалогіей боговъ—духовъ и идоловъ, съ идеей подчиненности однихъ боговъ другимъ, какъ виновникамъ своего бытія; до всего этого конечно не могли додуматься даже зырянскіе жрецы—Памы. Во 2-хъ, Черемисская религія въ томъ видѣ, въ какомъ ее изображаетъ г. Шестаковъ—плодъ позднѣйшей обработки и слѣдовательно воспроизводить по ней во всѣхъ подробностяхъ языческую религію Зырянъ, существовавшую пять вѣковъ тому назадъ, нѣтъ основанія. Въ 3-хъ, въ Черемисской религіи, по позднѣйшей редакціи, признаются искони существующими два начала—доброе *(Юмо)* и злое *(Кереметь)*. Этотъ же дуализмъ хочется видѣть г. Шестакову и въ языческой религіи Зырянъ, но, какъ мы увидимъ ниже, Зыряне признавали не

какія даны ему Зырянами въ христіанствѣ, когда онъ сталъ тождественъ съ сатаною.

*) «Юмо» у Шестакова соотвѣтствуетъ зырянскому *Йенъ*.

**) Т. е. Черемисскій «*Кереметь*»—тождественный, по мнѣнію г. Шестакова, съ *Кулемъ*.

***) Учен. Зап. Казан. Универс. за 1868 г., № 4, стр. 42.

два начала, а *одно*. И въ этомъ состоитъ коренное отличіе языческой религіи Зырянъ *).

Что касается мнѣнія гг. Михайлова, Рогова и Шестакова о томъ, что язычники—Зыряне имѣли понятіе о безсмертіи душъ, о наградахъ и наказаніяхъ въ загробной жизни (что, по воззрѣнію помянутыхъ авторовъ, прямо вытекало изъ признанія Зырянами единаго и главнаго добраго начала—Йенъ), то, не отвергая этого мнѣнія, ограничиваемъ его тѣмъ, что язычники—Зыряне, почитая духовъ—*Ортовъ*, быть можетъ, признавали подъ ними души своихъ умершихъ предковъ **). Вѣра въ безсмертіе душъ существовала и у другихъ финскихъ народовъ. У Остяковъ сохранился слѣдующій обычай: жена покойнаго, оболванивъ дерево на подобіе мужа, одѣваетъ въ одежду мужа и ставитъ на то мѣсто, гдѣ послѣдній любилъ сидѣть; затѣмъ угощаетъ эту деревянную куклу любимымъ кушаньемъ мужа, кладетъ ее съ собою въ постель и цалуетъ, вѣря, что душа умершаго видитъ всѣ эти ласки. Иныя эту куклу держатъ съ годъ и болѣе, а потомъ зарываютъ въ

---

*) Впрочемъ по другимъ извѣстіямъ и въ Черемисской религіи нѣтъ точнаго дуализма: «добрые боги добры, пока ихъ ублажаютъ, но подъ этимъ условіемъ добры и злые». Можно сказать, говоритъ г. Знаменскій, что культъ *Кереметю* (богу зла) составляетъ сущность всей религіи Черемисъ». (См. «Горные Черемисы Казан. края». Вѣстникъ Европы за 1867 г., Декабрь, стр. 49—51).

**) Остяки, а по мнѣнію Миллера, и всѣ сѣверные народы вѣрятъ, что души умершихъ вселяются въ медвѣдей, по этому послѣдніе боготворились ими. (Ежевскій, «Замѣтки о Пермскихъ древностяхъ». См. Пермскій Сборникъ за 1859 г., т. I, стр. 140; «Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ», СПВ., 1776 г., стр. 22). «По убіеніи ихъ (медвѣдей), описываемые Миллеромъ народы поютъ извительныя пѣсни и оказываютъ повѣшеннымъ шкурамъ много учтивостей, чтобы они въ царствѣ тѣней не мстили». (Миллеръ, тамъ же, стр, 88).

землю съ глубокимъ сожалѣніемъ. По вѣрованію тѣхъ же Остяковъ, мертвецамъ назначено уходить послѣ смерти туда, гдѣ лѣса шумятъ отъ множества звѣрей, гдѣ рыбы сами выходятъ на берега и даются въ руки, гдѣ не нужно работать, платить *ясакъ* и проч. *). У Зырянъ и теперь существуетъ старинный обычай—класть въ могилу умершаго, вмѣстѣ съ его одеждой: сбрую, котелъ, чашку, ложку, топоръ, что заставляетъ насъ предполагать ихъ вѣру въ загробную жизнь умершихъ.

Вмѣстѣ съ понятіемъ о Высочайшемъ Существѣ—*Йенъ*, происшедшимъ у Зырянъ, только съ введеніемъ христіанства,—появились и подчиненные Ему духи—добрые и злые: *ангелъясъ* — посланники *Йена*, творящіе добро людямъ **) и *лькъясъ* или *омэльясъ*—злые духи, слуги *Куля* ***). Послѣдніе, по вѣрованію Зырянъ, постоянно вмѣшиваются въ жизнь и дѣла каждаго человѣка и нерѣдко сильно вредятъ ему, по волѣ Верховнаго Божества *Йенъ*.

Другая категорія Злыхъ духовъ извѣстна у Зырянъ подъ названіями: *Вежа-войса* и *Куття-войса* ****). Это нечистые духи—посланники *Васа*. Названіе свое они получили оттого, что выходятъ изъ воды и слоняются по землѣ во время святокъ (*вежа-дырьи*,—съ Рождества Христова до Крещенія) *****. Особенно злы бываютъ

---

*) См. Тобольск. губ. Вѣд. за 1858 г., № 2.

**) См. Зырян. пѣснь «Зонъ», на 69 стр., гл. 2.

***) Зырянское «лькъ» тождественно съ кореннымъ Скандинавскимъ «Loke»—духъ зла; зырянское «омэль» значитъ дурной, злой.

****) *Вежа* собственно значитъ святой, *вой*—ночь.

*****) Канунъ праздниковъ Рождества и Крещенія (сочельники), называется у Зырянъ *Куття—лунъ*, день кутьи, потому что въ этотъ день они употребляютъ въ пищу кутью—кашу изъ ячмен-

Куття-войсаясъ въ ночь на крещенскій сочельникъ *). Тогда они бродятъ по улицамъ зырянскихъ селъ и деревень, и если въ какомъ-нибудь домѣ услышатъ стукъ, то непремѣнно заходятъ туда, пугаютъ и душатъ шумящихъ. По этому никто изъ Зырянъ въ эту ночь не смѣетъ стучать и шумѣть, а Зырянки боятся даже прясть кудели; если же какая-нибудь изъ нихъ рѣшится прясть въ эту ночь и въ пряслицѣ останется хотя бы не много кудели, то *Куття—войсаясъ* въ ту же ночь натащятъ цѣлую ношу кудели и заставятъ все спрясть къ вечеру слѣдующаго дня; въ случаѣ же неисполненія этого наказа, пряхѣ не сдобровать. Съ этою же цѣлію, т. е. чтобы не привлечь къ себѣ *Куття-войясаясовъ*, Зырянки заранѣе приготовляютъ и крупу для кутьи къ сочельнику, такъ какъ толченіе крупы производитъ въ домѣ стукъ. При своихъ путешествіяхъ по селамъ и деревнямъ *Куття-войсаясъ* таскаютъ за собой саночки для перевозки въ воду попадающихъ имъ несчастныхъ жертвъ **).

Въ заключеніе описаннаго нами втораго періода религіознаго состоянія Зырянъ, скажемъ, что Зырянскіе этнографы, считающіе эту часть миѳологіи Зырянъ взятою цѣликомъ изъ Славянской языческой ми-

---

ной крупы съ сокомъ конопляннаго сѣмени; отсюда понятно и другое названіе духовъ «*куття—войса*»—около-крещенскіе духи.

*) Эта ночь Зырянами считается самою опасною.

**) Вѣра въ присутствіе всѣхъ этихъ нечистыхъ духовъ *Вежа-войсаясовъ* и *Куття-войсаясовъ* въ Зырянскихъ селеніяхъ въ святочные вечера и ночи служитъ между прочимъ самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ крикливости и шалости дѣтей. Вслѣдъ за произнесеніемъ старшими: «*чевъ, Куття войсаыдъ локтасъ*», т. е. перестань, не то придетъ *Кутявойса*,—дѣти тотчасъ же оставляютъ свои шалости и прячутся, кому куда случится.

ѳологіи, несправедливы. Мы не споримъ, что за немногимъ исключеніемъ, тѣ-же боги-духи существовали у язычниковъ-Славянъ, и у нихъ были лѣшіе, водяные, домовые, банные, кикиморы, сочельные духи; но это сходство еще не даетъ права съ положительною увѣренностію говорить о заимствованіи Зырянами языческихъ вѣрованій во всей цѣлости у древнихъ Славянъ. Историческія данныя увѣряютъ насъ въ томъ, что если Финны не древнѣе Славянъ, то и не моложе ихъ по происхожденію *). А въ такомъ случаѣ съ равнымъ основаніемъ можемъ допустить и обратное, т. е. что Славяне заимствовали боговъ-духовъ изъ религіи Финновъ, предковъ Зырянъ: выйдетъ одинаково справедливо. Если Славяне оказались народомъ болѣе культурнымъ, чѣмъ Финны, то это обстоятельство коснулось не существа языческой религіи послѣднихъ, а ея формы (изображенія боговъ), которую Зыряне и могли заимствовать у Славянъ, какъ народа болѣе культурнаго.

Мы допускаемъ самобытное существованіе боговъ-духовъ у язычниковъ Зырянъ на томъ основаніи, что природа, породившая этихъ боговъ, одинаково вліяла какъ на Славянъ, такъ и на Зырянъ. Къ этому прибавимъ еще и то, что языческія вѣрованія Зырянъ гораздо осязательнѣе, живѣе, чѣмъ Славянскія: у Зырянъ и теперь, даже подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанства, больше лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ, банныхъ; нечистые духи чаще являются имъ и имѣютъ на нихъ болѣе сильное вліяніе. Что же было у Зырянъ въ періодъ язычества?

Языческая религія Зырянъ не ограничивалась не-

---

*) См. объ этомъ мнѣніе Эйхвальда въ Зап. Импер. Археолог. Общ., 1856 г., т. IX, стр. 345, 269—70.

посредственнымъ обожаніемъ предметовъ, стихій и духовъ природы. Она успѣла достигнуть дальнѣйшей степени своего развитія, что составляетъ въ нашемъ изслѣдованіи третій періодъ языческой религіи Зырянъ, Существенная черта этого періода состоитъ въ появленіи въ религіи Зырянъ идоловъ, кумировъ, какъ боговъ личныхъ съ человѣческими изображеніями. Изъ такихъ боговъ-кумировъ лѣтописи сохранили имя только одного—«Золотой Бабы». Въ грамотѣ митрополита Симона къ Пермякамъ въ началѣ XVI вѣка упоминается объ идолѣ *Вопелъ*. Свидѣтельства писателей и иностранныхъ путешественниковъ даютъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ идолахъ древне-зырянскихъ; изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи третьяго божества едва-ли не самаго главнаго *Йомалы*.

Йомала.

Имя *Йомалы* или *Йомы* измѣнено изъ финскаго *Jumal* или *Juma*. Подъ этимъ названіемъ извѣстно древне-финское божество. Оно воспѣвается въ финскомъ народномъ эпосѣ *Калевала*. Здѣсь *Juma* изображается свѣтлыми чертами, называется отцемъ небеснымъ, жилище его въ свѣтлыхъ чертогахъ, къ нему обращаются люди въ крайнихъ случаяхъ, онъ—цѣлитель тѣлесъ, творецъ огня, онъ управляетъ силами природы, перемѣнами времени, въ рукахъ всемогущаго *Юмалы* находятся ключи судьбы людской **). Есть данныя ут-

---

*) См. «Калевала» въ перев. Грангстрема изд. 1884 г., гл. V, стр. 38—43; VIII, 74—76; XXIII, 210; XXIV, 223—224; XVIII, 160; XXI, 201—202. Думаемъ, что свѣтлыя черты божеству приданы впослѣдствіи; основаніе своему мнѣнію изложимъ ниже.

верждать, что это божество подъ разными нѣсколько измѣненными именами почиталось всѣми народами финскаго племенй. У Чухонцевъ оно называется также Юмала, у Эстонцевъ—Юммалъ, Корелъ—Юмала, Лопарей—Юмбалъ, Черемисъ—Юмо или Юму, Вотяковъ—Юмаръ или Инмаръ (значитъ мужской богъ), у Вогуловъ—Нума-Тырымъ (старшій богъ) *). Финское названіе божества—Юмала произошло отъ глагола jumal гремѣть, такъ какъ оно громомъ и молніей возвѣщало древнимъ Финнамъ о своемъ присутствіи въ заоблачномъ пространствѣ, на небѣ. Послѣднее Финнамъ представлялось зданіемъ со многими крышами, на которыхъ богъ почивалъ ночью. Солнце Финны считали головою Юмы. Когда оно заходило, думали, что Юма на ночь всходитъ на пеструю крышу неба; по утрамъ же онъ ходитъ по краю противоположной стороны, отворяетъ опять крышу и ходитъ по дневному своему пути **). Таково древне-финское представленіе о Юмалѣ.

Это же божество подъ измѣненнымъ названіемъ *Йомала* ***) существовало и у предковъ Зырянъ или Біармійцевъ, какъ называютъ древнихъ Зырянъ иностранные писатели въ своихъ извѣстіяхъ. Свидѣтельство о мѣстопребываніи этого идола и его описаніе мы находимъ у Стурлезона. Такъ какъ въ разсказѣ Стурлезона изображаются и бытовыя особенности древнихъ Біармійцевъ, сношенія ихъ

---

*) См. «Сравнительный Словарь всѣхъ языковъи нарѣчій», ч. I; подъ словомъ Богъ. Миллеръ, «Описаніе народовъ, СПБ., 1776 г.

**) «Древнія понятія Финновъ о божествѣ», см. Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ., за 1837 г., ч. 15, стр. 427—429.

***) Йомала отъ глагола *гымалны*—гремѣть, *гымъ*—громъ. Въ древности произносилось *гюмала* и *гюмъ*. См. Миллера «Описаніе народовъ», СПБ., 1791, стр. 82—83.

съ Скандинавцами, то мы приведемъ его въ главныхъ чертахъ: «Подобно Грекамъ древнѣйшаго времени, говоритъ Стурлезонъ, Скандинавцы вели сообща и торговлю и морскіе разбои: иногда отправлялись они въ морской набѣгъ, иногла въ торговое путешествіе, но нерѣдко въ одно и тоже время занимались тѣмъ и другимъ ремесломъ. Въ такомъ случаѣ было у нихъ въ обыкновеніи, на берегу, гдѣ приставали, сначала заключать перемиріе съ жителями для торга или обмѣна товаровъ, а по окончаніи сдѣлокъ и положеннаго для того срока, миръ прекращался и за торговлею слѣдовала война». Въ одно изъ такихъ путешествій, Скандинавцы прибыли въ Біармію (Пермію), вошли на судахъ въ Сѣверную Двину *) и пристали къ одному торговому городу Біармійцевъ. Началась торговля. Скандинавцы за деньги и привезенные товары получали достаточное количество туземныхъ произведеній. Когда время, опредѣленное для торговли, прошло, Скандинавцы съ полнымъ грузомъ бѣличьихъ, соболыхъ, бобровыхъ и другихъ мѣховъ, спустились къ своимъ судамъ въ рѣкѣ. Переплывши устье Сѣверной Двины для входа въ море, они съѣхались всѣ вмѣстѣ и совѣтовались о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Скандинавцы знали, что въ Біарміи существовалъ слѣдующій обычай: по смерти богатыхъ людей, ихъ деньги, драгоцѣнности и другое движимое имущество раздѣлялись между покойниками и ихъ наслѣдниками. Покойники получали половину или третью часть, иногда и меньше. Это имущество покойниковъ Біармійцы, предки Зырянъ и Пермяковъ, относили въ лѣсъ, гдѣ складывали его въ кучу, смѣшивали

*) Стурлезонъ называетъ ее Wina, какъ и Герберштейнъ. См. «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи», Замысловскаго, СПБ. 1884.

съ землею, а иногда строили надъ нимъ свои дома. Въ густомъ лѣсу, неподалеко отъ устья рѣки Двины стоялъ храмъ Біармійцевъ, гдѣ находилось много такихъ насыпей со спрятанными тамъ драгоцѣнностями. Сюда хотѣли проникнуть Скандинавцы и добыть эти сокровища. Позднимъ вечеромъ, какъ говоритъ Стурлезонъ, предъ наступленіемъ ночи, они пристали къ берегу: одни остались стеречь суда, а остальные пошли по равнинѣ къ лѣсу. Впереди шелъ нѣкто Тореръ Гундъ, лучше всѣхъ знавшій Біармійскую страну; за нимъ слѣдовали Карли и Гунстейнъ, подъ охраной отряда изъ 80 человѣкъ. Направляясь лѣсомъ, Скандинавцы, чтобы не сбиться съ дороги, на обратномъ пути сдирали бересто съ ближайшихъ къ дорогѣ деревьевъ. Съ наступленіемъ полуночи, они вышли на широкую поляну въ лѣсу; небольшое мѣсто на ней было огорожено тыномъ съ крѣпко заколоченными воротами: здѣсь былъ храмъ *Йомалы*, божества Біармійцевъ. Шестеро туземцевъ охраняли по ночамъ это укрѣпленное мѣсто, по двое на каждую треть ночи.

Случилось такъ, что по приходѣ Скандинавцевъ, люди, сторожившіе до тѣхъ поръ, ушли домой, и на мѣсто ихъ никто еще не являлся. Тореръ Гундъ немедленно бросился къ укрѣпленію, прицѣпилъ къ верху свою сѣкиру, всею силою руки поднялся на ней и такимъ образомъ перелѣзъ черезъ ворота съ одной стороны, между тѣмъ какъ Карли переправился съ другой съ такою же ловкостію и силою. Затѣмъ они сняли запоръ съ воротъ и отворили ихъ для товарищей. Въ земляныхъ кучахъ они нашли множество серебра и золота, и каждый бралъ столько, сколько могъ унести. По срединѣ двора храма сидѣлъ на тронѣ истуканъ *Йомалы**).

---

*) «Hoc sedeat quoque in aurea Deus Biarmiorum, Iomali dictus,

На колѣняхъ у него была серебрянная чаша, наполненная деньгами, а на шеѣ идола висѣла золотая цѣпь. Тореръ Гундъ взялъ себѣ чашу, а Карли, чтобы достать цѣпь, взмахнулъ топоромъ и перерубилъ ленту, посредствомъ которой цѣпь была завязана на затылкѣ идола. Ударъ былъ на столько сильный, что вмѣстѣ съ цѣпью слетѣла съ страшнымъ стукомъ и голова *Йомалы*. Въ тоже мгновеніе прибѣжали на поляну сторожа, и, увидѣвъ случившееся, затрубили въ рога. На звукъ ихъ тотчасъ отвѣчали другіе рога. Едва только Скандинавцы вошли съ награбленною добычею въ лѣсъ, какъ послышался шумъ. Они догадались, что жители проснулись и, спустя немного времени, замѣтили за собой погоню. Біармійцы бѣжали за ними съ страшнымъ крикомъ и въ короткое время были слышны вездѣ въ лѣсу. Однакожь Скандинавцы, не смотря на тяжесть захваченной добычи, убѣжали съ нею счастливо. «Спасеніе казалось такъ удивительнымъ, говоритъ Стурлезонъ, даже для самихъ Скандинавцевъ, что они приписали его чарамъ Торера Гунда, въ бытность свою въ Финнмаркѣ, научившагося тому у какого-то финна, опытнаго въ чародѣйствѣ» *).

Изъ этого разсказа Стурлезона мы узнаемъ, что храмъ идола *Йомалы*, божества Біармійцевъ, предковъ Зырянъ и Пермяковъ, находился близъ устья Сѣверной Двины, въ лѣсу, на полянѣ и былъ огороженъ тыномъ. Вокругъ него было множество кургановъ или насыпей, гдѣ зарывались богатыя сокровища Біармійцевъ, вмѣстѣ съ тѣлами покойниковъ. Идолъ *Йомала*

---

quem nemo adeafit audax, ut spoliet». Iter in Biarmiam, 119 p. Historia conscripta a Sturlae filio. Edit. 1778 an.

*) Historia Rerum Norvegicorum conscripta a Snorrio Sturlae filio. «Iter in Biarmiam». T. II, cap. CXLIII, 117—125 p. edit. 1778 an.

помѣщался на срединѣ кладбища. Онъ изображалъ собою истукана человѣческой фигуры, былъ украшенъ золотою цѣпью *). На колѣняхъ идолъ держалъ большую чашу для приношеній отъ туземцевъ. Разсказъ Стурлезона подтверждаютъ и дополняютъ Шлецеръ и Русскій Временникъ.

По Шлецеру, храмъ Пермскаго бога *Йомалы* былъ искусно построенъ изъ драгоцѣннаго дерева и кругомъ украшенъ золотомъ и дорогими камнями, «кои лучами своими освѣщали всю близъ лежащую землю». На головѣ *Йомалы* былъ золотой вѣнецъ, украшенный 12 дорогими камнями; золотая цѣпь или ожерелье стоило до 300 золотыхъ марокъ, а чаша **), находившаяся на колѣняхъ у идола, была такой величины, что четыре человѣка могли до сыта изъ нея напиться, и она была наполняема золотыми монетами. Одежда идола стоила дороже трехъ кораблей, нагруженныхъ богатѣйшимъ товаромъ и плававшихъ по Греческому морю ***).

Изъ богатства обстановки и украшеній этого божества можно судить о той почести, которую воздавали предки Зырянъ и Пермяковъ своему кумиру. Они приносили ему лучшую свою добычу—шкуры звѣрей, такъ дорого цѣнимыя иностранцами, золотыя и серебрянныя монеты, перешедшія къ нимъ отъ послѣднихъ. Къ этому-то идолу, по нашему мнѣнію, и нужно отнести слова монаха Епифанія: «Соуть же у нихъ (т. е.

---

*) Въ описаніи Стурлезономъ идола *Иомалы* не говорится, изъ какого матеріала былъ сдѣланъ идолъ, но судя по тому, что съ одного взмаха топоромъ слетѣла голова *Йомалы*, нужно думать, что онъ былъ сдѣланъ не изъ металла или камня, а скорѣе всего изъ дерева.

**) По Шлецеру тоже золотая.

***) «Несторъ», Шлецера, ч. I, стр. 76—77. СПБ., 1824. «Русскій Временникъ», стр. 52—54.

у Зырянъ или «Сырьянъ») стери кумири, къ нимьже издалеча прихожаху и отъ далнихъ мѣстъ помінки приношаху, и за три и за четыре и за недѣлю соущі, и съ всяцѣмъ тщаніемъ приносы и поминки присылаху» *). Нужно думать, что это божество почиталось всей сѣверо-западной половиной территоріи, занимаемой въ IX вѣкѣ Біармійскимъ народомъ, именно: отъ низовьевъ Сѣверной Двины до Бѣлаго моря къ сѣверу, до Ладожскаго озера и береговъ Финляндіи къ западу, и Булгарской страны къ югу **).

Воспоминаніе объ этомъ божествѣ, какъ грозной, карающей силѣ, хранится и теперь въ народѣ. «*Тэ Йома кодь льокъ*»—ты золъ, какъ Йома, говорятъ Зыряне злѣйшему врагу. На Удорѣ ***) родители пугаютъ малыхъ дѣтей: «*Энъ бэрдъ, Йома кыласъ, воасъ, сьоасъ тэнэ*»—не плачь, не то услышитъ Йома, придетъ и съѣстъ тебя».

Зарни Ань ****).

По свидѣтельству нашихъ лѣтописей, однимъ изъ

---

*) «Памятники Старинной Русской Литературы», вып. IV, «Повѣсть о Стефанѣ», стр. 123 и 136.

**) Periplus Otheri et Wulfstani. Script. rer. Danic. T. II. Hafniae. Ed. Langebeki. 1773 an. pag. 71.

Descriptio Jroenlandiae auctore Ivare Bardsonio (Antiquitate Americanae. Ed. Rafn. Hafniae. 1837 an. pag. 281—318).

Antiquités Russes d'après les monum. histor. des Islandais et des anc. Scandinaves. Vol. 1—11. Copenhagne 1850—1852.

Strahlenberg. Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730.

***) Правильное произношеніе «*Ул-дора*». *Улъ* (сысольское нарѣчіе) или *Увъ*—(вычегодское) значитъ *низъ* или *нижній*, *доръ* — край, конецъ; отсюда *Удора*—нижній край, конецъ. Такъ называется сѣверная часть Вологодской губерніи, смежная съ Архангельскою губерніею.

****) *Зарни*—золотой, *Ань* или *Энь*—женщина.

древнѣйшихъ языческихъ божествъ Зырянъ была «*Златая Баба*» *). Указанныя лѣтописныя сказанія подтверждаются и позднѣйшими свидѣтельствами. Такъ, Герберштейнъ, въ своихъ извѣстіяхъ о «Московіи», разсказываетъ, что въ Обдорской странѣ **) при устьѣ рѣки Оби, на правомъ ея берегу, находился идолъ—божество туземцевъ, которое сосѣдними народами называлось *Золотой Бабой* ***). Идолъ изображалъ изъ себя статую, имѣвшую видъ безобразной старухи. На колѣняхъ она держала фигуру мальчика, называвшагося ея сыномъ. а другаго, стоявшаго подлѣ, жители называли ея внукомъ. Въ даръ «*Золотой Бабѣ*» жители приносили наловленныхъ звѣрей:—соболей, куницъ, бѣлокъ, оленей, лисицъ. Кишки и мясо приносимыхъ животныхъ дѣлили на части и тутъ же съѣдали сырыми, а кровью и саломъ мазали ротъ и глаза «*Золотой Бабы*». Между тѣмъ жрецы спрашивали идола о судьбахъ пришедшихъ; въ это же время, вблизи статуи, въ горахъ, раздавались звуки, подобные трубному ****).

Гваньини, подтверждая сказанное Герберштейномъ о «*Золотой Бабѣ*» дополняетъ его разсказъ извѣстіемъ, что идолу «*Золотой Бабѣ*», кромѣ Обдорцевъ*****), покла-

---

*) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. V, стр. 250. Никон. Л., IV, 267. Ист. м. Платона, изд. 1805 г. стр. 243.

**) «Обдора» правильнѣе «*Иб-дора*» (*ыбъ*—гора)—значитъ горный предѣлъ.

***) «Zlata baba, id est Aurea anus, idolum est, ad Obi ostia, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm». Sigismundi Herbersteini Rerum Moscoviticarum commentarii. Baselis, 1556 an. Itinerarium ad Peczoram jugariam, et Obiusque fluvium, p. 56.

****) Ibidem., p. 56—58.

*****) Народъ финскаго племени, жившій по рѣкѣ Оби.

нялись Югры, Вогуличи и другіе сосѣдніе народы *). Звукъ, раздававшійся въ горахъ, вблизи статуи «*Золотой Бабы*», по мнѣнію Гваньини, происходилъ или отъ искусственныхъ орудій или отъ естественныхъ подземныхъ каналовъ и вѣтра **).

Академикъ Лепехинъ, цитируя въ своихъ запискахъ о путешествіи по Россіи историка Ник. Алодія, также утверждаетъ, что народы, жившіе около рѣки Оби ***), кромѣ другихъ боговъ, почитали *Золотую Бабу*. «Трудно опредѣлить, говоритъ Лепехинъ, кого обозначала у нихъ эта богиня, Евву-ли, общую всѣхъ людей мать, или землю, которая также есть древнѣйшая всѣхъ мать»****).

---

*) «In hac Obdoriae regione, ad ostia Obdi fluvii, est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moschovitis Zolota baba dicitur. Est autem similitudo mulieris vetulae, infantem in gremio tenentis, et alterum iuxta se infantem habentis, quem nepotem illius esse incolae dicunt. Hoc idolum ab Obdorianis, Iuhriciis et Voguluciis, aliisque conterminis gentibus cultu latriae veneratur». Vid. «Rerum Polonicarum Suagnini», libr. II. 205 pag. «De idola aurea anus».

**) «Hoc autem nigil aliud esse dicerem, nisi instrumenta quaedam illic antiqu; tus posita, vel canales subterraneos, sic natura ipsa effectos, qui ventorum perpetuo flatu sonum boalunque clangorem continuo efficiunt», Vid. Suagnini, Moscoviae Descriptionem edidit. de Starczeuscy. 15 pag. 1841 an.

***) Обдорцы—нынѣшніе Остяки,—по мнѣнію Лепехина, *тѣ же Зыряне*, выселившіеся изъ Вымской области въ концѣ XIV вѣка, по нежеланію принять крещеніе и христіанскую вѣру отъ св. Стефана. Значитъ, св. Стефанъ засталъ *у Зырянъ Золотую Бабу*. Преданіе объ этомъ переселеніи у теперешнихъ Остяковъ очень свѣжо (см. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. за 1851 г., Декабрь, стр. 12. Ср. Зап. Лепехина, IV ч., стр. 395—396, изд. 1779 г.).

****) Г. Саларевъ думаетъ, что *Золотая Баба*, изображавшаяся съ двумя младенцами, означала именно—землю, общую питательницу людей; одежды и покрывало на ея лицѣ указывали на то, что многія сокровища земли скрыты, а головной уборъ цвѣтами означалъ украшеніе земли (Вѣстн. Евр., 1815 г., 81 ч. № 10, стр. 129).

Отъ имени этого идола давались отвѣты и предсказанія вопрошавшимъ о будущемъ *).

У язычниковъ-Славянъ, какъ извѣстно, была богиня *Жива*, и полагаемъ, она соотвѣтствовала зырянской *Золотой Бабѣ*, хотя и въ противоположномъ значеніи. *Жива* Славянъ была символомъ природы, жизненнаго начала. Она изображала мать солнца въ его воплощеніи, была богиней любви, брака, веселья, красоты и всякаго благополучія; мать-питательница міра, подательница благъ **). Едва-ли *Золотая Баба* Зырянъ символизировала всѣ эти свойства ***). По преданію, это было

---

*) См. «Записки о путешествіи» академика Лепехина, ч. IV, стр. 375, изд. 1779 г. Ежемѣсячныя Сочиненія за 1790 г., ч. 50, ст. «О Зырянахъ», стр. 12. Есть мнѣніе, что *Золотую Бабу* почитали всѣ народы финскаго племени гораздо ранѣе появленія Славянъ, что эта сѣверная богиня соотвѣтствовала извѣстной у восточныхъ народовъ богинѣ Сирійской. Доказываютъ это тѣмъ, что Лукіаново описаніе храма Сирійской богини, находившагося въ Іераполисѣ, и его чрезмѣрныхъ богатствъ весьма сходно съ описаніемъ богатства храма *Золотой Бабы*. Истуканъ Сирійской богини, вырытый въ Прильвицѣ, вылитъ былъ изъ золота (подобно будто бы истукану *Золотой Бабы*). Въ храмѣ *Золотой Бабы* были скрыты многочисленные музыкальные инструменты, которыми жрецы производили шумъ, приписывая его самой богинѣ. Въ храмѣ Сирійской богини были также слышны подземные звуки. Всѣ эти сходные признаки свидѣтельствуютъ, будто бы о полнѣйшемъ соотвѣтствіи сѣверной богини *Золотой Бабы*—Сирійской богинѣ, которая со временемъ у культурныхъ народовъ превратилась въ Венеру (Саларевъ. Вѣстн. Европы, за 1815 г., № 10, стр. 128—129).

**) Костомаровъ, «Славянская Миѳологія», стр. 30—31. Г. Костомаровъ говоритъ, что *Золотая Баба*—божество финскихъ народовъ сходно съ славянскою богинею *Живою* и заимствовано ими у Славянъ.

***) У Черемисъ и Вотяковъ была богиня *Калдыни-Мумасъ*—мать *Ильмера* (Юмы) (Дневн. Записки Рычкова СПБ., 1770 г., т. I, 157 стр.), *Му-Кальцину*—мать *Инмара* (Сѣв. Пчела, 1847 г. № 83, ст. «Миѳологія Вотяковъ»); у Чувашъ *Тора-Амамъ*—мать *Тора*

грозное, свирѣпое божество, какъ и *Йомала*. По нашему разумѣнію, *Золотая Баба*, изображавшаяся въ видѣ безобразной старухи, олицетворяла зиму. Какъ на сѣверѣ зима свирѣпо-холодная и продолжительная, такъ и *Золотая Баба* у Зырянъ была божествомъ ужасающимъ, свирѣпымъ *). Фигуры младенцевъ на колѣняхъ *Золотой Бабы* и подлѣ нея — это жертвы хищницы зимы, или жертвы, которыя должны были приносить язычники-Зыряне въ умилостивленіе свирѣпой *Зарни-Ань* (*Золотой Бабы*).

Слѣдующій обрядъ, совершавшійся при моленіи *Золотой Бабѣ*, отчасти подтверждаетъ наше предположеніе. При наступленіи какого-нибудь бѣдствія, Зыряне спрашивали у идола о причинѣ его. Сначала всѣ предъ нимъ падали на землю и молились съ произнесеніемъ какихъ-то словъ. Затѣмъ на срединѣ ставили родъ барабана, на который клали серебрянную жабу или лягушку. Становившіеся по жребію нѣсколько человѣкъ вокругъ барабана ударяли въ него палочками, вслѣдствіе чего серебрянная лягушка приводилась въ движеніе, и противъ кого изъ окружающихъ она падала ближе и прямо головою, того били до тѣхъ поръ, пока не падалъ въ безчувствіи. Но затѣмъ онъ, какъ бы убитый, вдругъ оживалъ и объявлялъ причины постигшаго

(Журн. Мин. Госуд. Имущ. за 1844 г., ч. XI ст. Леонтьева «О религіи Чувашъ», стр. 13); у горныхъ Черемисъ Казанскаго края *Юмынъ-Авя*—мать *Юмы* (Вѣстн. Евр., 1867 г., Дек. стр 44).

*). Для насъ интересно то, что въ древне-славянскихъ рукописныхъ сказкахъ зима представляется подъ образомъ злой мачихи, скрадывающей съ неба дожди и губящей плодородіе: «Зима подобна есть женѣ мачесѣ, злѣ и неустроеннѣ, не жалостливѣ и арѣи (ярой) и немилостивой; егда добра, и тогда знобитъ; егда милуетъ, но и тогда казнитъ, знобитъ и гладомъ моритъ... Сицева есть зима, сицева и мачеха...» Сборн. Соловец. библ., № 860.

несчастія. Тогда божеству приносились жертвы и бѣдствіе прекращалось *).

Предложимъ теперь свое мнѣніе противъ отождествленія Зырянскими этнографамидвухъ описанныхъ нами божествъ *Йомы* или *Йомалы* и *Зарни-Анъ* или *Золотой Бабы.*

Г. Михайловъ въ «Описаніи Устьвыма», а за нимъ и К. Поповъ въ ст. «Зырянскій край» считаютъ *Йому* и *Зарни-Анъ* за одно божество, во-первыхъ, на основаніи сходства почитаній этихъ идоловъ, равносильныхъ имъ приношеній, во-вторыхъ, по сходству обстановки храма *Йомы* и *Зарни-Анъ:* какъ въ первомъ, такъ и во второмъ раздавались трубные звуки во время жертвоприношеній. Г. К. Поповъ находитъ разницу между ними только въ томъ, что идолъ *Йомы* находился въ низовьяхъ Сѣверной Двины, а идолъ *Зарни-Анъ* при устьѣ рѣки Оби, т. е. разница въ мѣстопребываніи идоловъ. Но и эта разница, по его мнѣнію, даетъ новый поводъ думать, что одно и тоже божество почиталось на всемъ пространствѣ, заключающемся между двумя названными рѣками. По нашему же мнѣнію, существенная разница заключается уже въ изображеніи идоловъ. Идолъ *Зарни-Анъ* (*Золотая Баба*), какъ намъ уже извѣстно, изображался въ видѣ некрасивой, неуклюжей старухи съ двумя мальчиками. *Это безспорно было божество женскаго пола.* Ничего подобнаго мы не находимъ въ описаніи статуи идола *Йомалы* или *Йомы.* Послѣдній держитъ на колѣняхъ чашу, наполненную деньгами, на головѣ его вѣнецъ, чего нѣтъ на идолѣ *Зарни-Анъ*; жемчужное ожерелье еще не есть признакъ женскаго божества. По описанію фигуры этого идола,

---

*) Лепехинъ «О Зырянахъ», Дневн. Зап., ч. IV, стр. 376—377.

можно съ большею вѣроятностію заключить, что *это было божество мужскаго пола,* и, слѣдовательно, никакъ не тождественно съ *Зарни-Ань*, изображеніемъ женскаго божества.

Въ доказательство приводимъ слѣдующія фактическія данныя:

Въ 1771 году были найдены два Остякскихъ идола на западной сторонѣ Обскаго залива, въ 70 верстахъ ниже Обдорска, въ лѣсу *). Одинъ изъ нихъ представлялъ мужскую фигуру, а другой—женскую. Каждый изъ нихъ стоялъ въ отдѣльномъ шалашѣ, прислоненный къ дереву, былъ толсто одѣтъ сукномъ и мягкою рухлядью, обвѣшенъ жестяными фигурами съ изображеніемъ людей, звѣрей, птицъ, рыбъ. Вокругъ идоловъ лежали котлы, чашки и другія вещи домашней утвари. На ближайшихъ деревьяхъ висѣли шкуры оленей и луки. Идолу *мужской* фигуры поклонялись мужчины, а *женской* статуѣ—женщины **).

У язычниковъ—Самоѣдовъ на сѣверномъ концѣ Вайгача былъ главный идолъ женскаго пола *Хадáко****). Онъ представлялъ собою «лицо земли»*****), въ жертву идолу приносились олени и ввѣрялись на сохраненіе разные промыслы. Другой идолъ *Весáко* ******) представлялъ фигуру мужскаго пола. Это былъ деревянный, трехгранный, въ два аршина, болванъ. На самой

---

*) Остяки или Кондорцы переселились съ р. Конды. Въ древности они ничѣмъ не отличались отъ Зырянъ (см. Миллера «Описаніе народовъ», СПБ., 1776 г., I ч., стр. 77—78. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1836 г., ч. 11, стр. 629—630, ст. Руднева).

**) Миллеръ, «Описаніе всѣхъ въ Росс. Госуд. обитающихъ народовъ», СПБ., 1776 г., ч. I; стр. 87.

***) Значитъ бабушка.

****) Какъ, по однимъ, и *Золотая Баба*.

*****) Т. е. старикъ.

оконечности Болванскаго мыса, близъ идола *Весáко*, находилась большая, длинная и высокая пещера, изъ конца которой выходило на поверхность мыса продолговатое отверстіе въ окружности около 6 саженъ. «Одинъ взглядъ на эту трущобу сверху вселяетъ невольный страхъ — по разсказу очевидца — высокія, каменныя, перпендикулярныя скалы идутъ въ ней до самой воды саженей на 15». Вой и гулъ, раздававшіеся въ пещерѣ, во врсмя сильныхъ вѣтровъ, внушали Самоѣдамъ страхъ и особое почтеніе къ этому утесу; они повергали въ пещеру своихъ жертвенныхъ оленей *).

Изъ соотвѣтствія идоловъ *Йомалы* и *Зарни-Анъ* идоламъ остякскимъ и самоѣдскимъ можно безошибочно заключить, что у древнихъ Зырянъ *Йомала* считался божествомъ мужскаго пола, а *Зарни-Анъ* — женскаго. Одинаковая обстановка храмовъ, трубные звуки и прочее еще не есть доказательство тождества самыхъ божествъ, а изъ равносильныхъ почестей обоимъ идоламъ можно вывести лишь то убѣжденіе, что оба божества признавались грозными, кровожадными, и Зыряне умилостивляли ихъ одинаково дорогими приношеніями, быть можетъ, даже при одинаковыхъ обрядахъ. Кромѣ того еще извѣстно, что идолъ *Зарни-Анъ* былъ оракуломъ, чего неизвѣстно относительно идола *Иомы* или *Йомалы*.

Войтэлъ.

О существованіи этого божества у Пермянъ и Зырянъ имѣемъ только одно свидѣтельство въ грамотѣ

---

*) См. архим. Веніамина: «Языкъ и вѣра некрещенныхъ Самоѣдовъ». Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1855 г., кн. III.

митрополита Симона къ Пермскому народу 1501 года. Кромѣ этого свидѣтельства о *Войтэлѣ* мы не нашли нигдѣ. Въ народномъ преданіи сохранились смутныя воспоминанія объ этомъ божествѣ.

Митрополитъ Симонъ въ своей грамотѣ къ Пермякамъ, обличая ихъ въ несоблюденіи постовъ, въ безнравственной жизни, въ соблюденіи языческихъ обрядовъ, между прочимъ говоритъ слѣдующее: «А кумиромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не прииимали, ни *Войпелю* болвану не молитеся по древнему обычаю, и всѣхъ Богу ненавидимыхъ тризницъ не творите идоламъ« *). Изъ этого посланія митрополита Симона видно, что у Пермянъ, жителей Великой Перміи **), просвѣщенныхъ христіанствомъ, почти на столѣтіе позже Зырянъ, именно въ 1462—1463 г., въ 1501 году еще сохранялись идолы, которымъ совершались жертвоприношенія, какъ и прежде. Между прочими идолами-кумирами митр. Симонъ отличаетъ «*Войпеля болвана*». Трудно сказать, когда появилось это божество въ Зырянской миѳологіи. Быть можетъ, оно было древнѣйшее, древнѣе *Йомалы* и *Зарни-Ань*, а потому и наиболѣе чтимое жителями Чусовской Перми. Быть не можетъ, если бы Пермичи воздавали бо́льшія почести или даже равныя другому какому-нибудь йдолу, чтобы митрополитъ Симонъ не упомянулъ о нихъ въ своей грамотѣ. Можетъ быть, оттого и не сохранили извѣстій о «*Войпелѣ*» ни наши лѣтописи, ни сказанія иностранцевъ, что оно было древнѣйшее, неизвѣстное имъ божество. Недаромъ митрополитъ Симонъ, указываетъ на древній обычай моленія этому идолу.

Что же было за божество *Войпель*?

---

*) Акты историческіе, т. I, № 112.

**) См. I гл., стр. 37, примѣч. 2.

Разбирая это названіе этимологически, получимъ: «*вой*—ночь» *), «*пель*»—ухо. Такъ какъ по правилу зырянской рѣчи, имя существительное, стоящее впереди другаго существительнаго, получаетъ значеніе прилагательнаго, то «*вой*» въ соединеніи съ «*пель*» значитъ ночное или сѣверное ухо. Изъ этого словопроизводства и значенія словъ—«*вой*» и «*пель*» и выводятъ весь смыслъ и значеніе этого зырянскаго божества.

Г. Михайловъ въ своей статьѣ «Устьвымъ» приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно этого божества: «думаемъ, что этотъ истуканъ почитался неусыпнымъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ, защитникомъ народа» **). Съ этимъ толкованіемъ согласны и другіе изслѣдователи быта Зырянъ: гг. Пеннъ, К. Поповъ и Роговъ. Въ основу такого толкованія приводятъ слова волхва Пама, обращенныя къ св. Стефану: «Наша вѣра лучши есть (т. е. вашей, Стефановской): вѣсті у насъ вскорѣ бываютъ; еже бо что сдѣется на далнѣй странѣ, на иномъ градѣ, на девятой земли, сего дни доспѣлося что, а сего дни въ томѣ часѣ вѣсті у насъ уплъные обрѣтаются, его же вы христьяне неудобь возможете увѣдати, во многи дни и во многа времена не увѣдаете» ***). Такимъ образомъ *Войпель*, будучи неусыпнымъ стражемъ, передавалъ черезъ жрецовъ вѣсти изъ чужихъ странъ. Изображеніе этого идола соотвѣтствовало его служебному назначенію: онъ имѣлъ фигуру человѣка, сидящаго верхомъ на конѣ и трубящаго въ рогъ ****).

---

*) А по отношенію къ странѣ—сѣверъ.

**) Вологод. Губ. Вѣдом., 1850 г., № 2.

***) Памятн. Старин. Русск. Лит., вып. IV, стр. 142.

****) Такія фигуры, вылитыя изъ мѣди съ вызолоченнымъ лицомъ, бородой и руками были найдены въ 1836 г. въ имѣніи графовъ Строгановыхъ.

Какъ неосновательны эти догадки и подтвержденія изслѣдователей относительно характера божества *Войпель*, тѣмъ не менѣе правильность опредѣленія его намъ представляется сомнительнымъ и тѣмъ болѣе, что ни въ преданіи, ни въ сказкахъ Зырянъ нѣтъ и помину о *Войпель*, какъ неусыпномъ стражѣ. Намъ кажется правдоподобнѣе происхожденіе этого божества ставить въ связь съ другими языческими божествами и производить изъ явленій природы.

Если *Йомала* былъ богъ грозы, грома и молніи, *Зарни-Ань*—богиня суровой сѣверной зимы, то *Войпель* (загадочное божество), по нашему мнѣнію, былъ богъ холоднаго, сѣвернаго вѣтра. Такое мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ преданіи Зырянъ и въ существованіи подобныхъ боговъ у сосѣднихъ, родственныхъ Зырянамъ народовъ. У Зырянъ сохранилась слѣдующая отрывочная присказка: «Тэлэ, тэлэ! кэнъ тэнадъ пэчидъ»?—Вѣтеръ, вѣтеръ! скажи, гдѣ твоя бабушка? Или: «Тэлэ, тэлэ! пэчидъ кулы»—Вѣтеръ, вѣтеръ! твоя бабушка умерла. Такимъ образомъ въ сознаніи народномъ предполагается существованіе у «*тэла*» (вѣтра—отца, матери, бабушки) *).

У Черемисъ, былъ богъ *Тулъ-Юма*, управлявшій вѣтромъ **). Вотяки и теперь еще имѣютъ божество, называемое *Тэлъ-Пери*—вѣтеръ, несущій повѣтріе. Припомнимъ, что въ Обдорскомъ краѣ сѣверный вѣтеръ часто предвѣщаетъ сильные морозы, а за нимъ слѣду-

---

*) Замѣчательно, что у Зырянъ и вѣтеръ называется *тэлъ* и зима тоже *тэлъ*. Сходство названій заставляетъ насъ предполагать о сродствѣ этихъ явленій природы въ созерцаніи Зырянъ. Быть можетъ, *Зарни-Ань* (*тэлъ-ань*) приходилась бабушкой вѣтру (*Войтэлу*).

**) Знаменскій, «Горн. Черем. Казан. Края», Вѣстн. Евр., 1867 г., Дек., стр. 43.

ютъ снѣгъ и вьюга и что сѣверные вѣтры приносятъ большую гибель народу въ Зырянскомъ краѣ. Зимою они заносятъ снѣгами цѣлыя селенія, проѣзжающихъ въ дорогѣ засыпаютъ снѣгомъ и нерѣдко хоронятъ ихъ на поляхъ на вѣки; весной—затопляютъ поля и лишаютъ такимъ образомъ жителей хлѣба. Мурманскіе Поморяне и теперь обращаются съ мольбою къ вѣтру*). У язычниковъ-Славянъ былъ *Стрибогъ*—богъ вѣтра**). Такимъ образомъ и природа Зырянскаго края, и преданіе, и существованіе бога-вѣтра у родственныхъ Зырянамъ народовъ убѣждаютъ насъ признать и у Зырянъ божество съ такимъ же характеромъ. Догадываемся, что въ грамотѣ митрополита Симона вкралась ошибка въ начертаніи имени божества: вмѣсто *Войтэлъ* написано «*Войпель*» ***). Ошибка въ буквѣ *п* вмѣсто *т* ****). Эта-то ощибка и дала поводъ изслѣдователямъ Зырянскаго быта заключать и разъяснять существованіе какого-то таинственнаго божества у Зырянъ: *Войпеля*—ночнаго уха. Не зная утвердительно, въ какомъ видѣ изображался у Зырянъ *Войтэлъ*, замѣтимъ только то, что на Печорѣ, въ центрѣ Зырянскаго края, есть гора подъ названіемъ *Вой*, съ ручьемъ того же имени. Изъ этой горы съ XVII вѣка добывается превосходный брусъ. Съ одной стороны—принимая во вниманіе названіе этой горы, съ другой—особое почитаніе язычниками Зырянами горъ

---

*) Русскій Вѣстникъ 1888 г., Ноябрь, «О моленіи вѣтру Мурманскихъ Поморянъ».

**) «Слово о полку Игоревѣ». Вѣтры въ Словѣ называются «Стрибожьими внуками». Зырянскій богъ *Войтэлъ* былъ тоже внукомъ: у него была бабушка.

***) *Вой-тэлъ*—значитъ сѣверный вѣтеръ.

****) Точнѣе: къ *п* не достаетъ черты справа или слѣва. Русскій переписчикъ не досмотрѣлъ и допустилъ эту ошибку въ грамотѣ митрополита Симона.

и въ частности именно этой горы *), думаемъ, что эта гора **) признавалась мѣстопребываніемъ *Войтэла*. А изъ того, что Вогуличи, какъ и Самоѣды, поклонялись при рѣкѣ Лосвѣ горѣ, похожей на оленя, можно думать, что и древними Зырянами, поклонниками горъ, богъ вѣтра представлялся въ видѣ горы, напоминающей чѣмъ-нибудь это животное ***).

Мы представляли по возможности полное очертаніе Зырянскихъ боговъ. Намъ не извѣстно, были ли еще какія нибудь языческія божества у Зырянъ. Монахъ Епифаній, изображая язычество Зырянъ въ XIV вѣкѣ, говоритъ, что боговъ-идоловъ у нихъ было очень много. Князекъ Зырянскій Памъ въ защиту своей вѣры говорилъ св. Стефану: «Вѣра наша многимъ паче лучши есть вашея вѣры, понеже у васъ, у христьянъ единъ Богъ, а у насъ мнози бози, мнози поспѣшницы, мнози поборницы; тѣ намъ дають ловлю

---

*) Лепехинъ, «Записки о путешеств.», т. IV, стр. 408 СПБ., 1790 г.

**) Съ развитіемъ языческаго культа (во 2-мъ періодѣ языческой религіи).

***) Миллеръ, «Описаніе всѣхъ въ Росс. Госуд. обитающихъ народовъ» СПБ., 1776 г., I ч., стр. 74. Архим. Веніаминъ «Языч. вѣра некрещ. самоѣдовъ». Вѣстн. Русск. Географ. Общ., 1855. кн. III, стр. 120—124. Митрополитъ Симонъ даетъ *Войтэлу* эпитетъ *болвана*, изъ чего можно заключить, что идолъ былъ сдѣланъ изъ дерева. Но поклоненіе Зырянъ горамъ, откуда раздавались различные звуки, шумъ и вой, по причинѣ вѣтра, заставляютъ предполагать, что Зыряне въ началѣ представляли бога вѣтра подъ видомъ горы, напоминающей оленя. Почему нужно было здѣсь подобіе оленя, думаемъ, потому, что олень былъ любимымъ жертвеннымъ животнымъ у Зырянъ. Быть можетъ, по быстротѣ бѣга, онъ напоминалъ Зырянамъ движеніе вѣтра. Идолы—«блъваны истуканныя, изваанныя, издълъбенныя, вырѣзомъ вырѣзанныя» извѣстны у Зырянъ съ конца XIV вѣка (См. Памятник. Р. Лит., в. IV: стр. 127, 133, 136, 140 въ «Повѣсти о Стефанѣ» инока Епифанія»).

и все елико въ водахъ, и елико на воздусѣ, и елико въ блатехъ и въ дубравахъ, и въ борѣхъ и въ лузѣхъ, и въ порослехъ, и въ чащахъ, и въ березникѣ и въ соснягѣ, и въ елникѣ, и въ раменѣ и въ прочихъ лѣсѣхъ, и все елико на древесѣхъ, бѣлки или соболи, или куницы, или рыси и прочая ловля наша; отъ нихъ же и до васъ достигнуть нынѣ, нашею ловлею» *). Св. Стефанъ, «по лѣсу обходя безъ лѣности съ ученики своими и по погостомъ распытуя, и въ домѣхъ изискуя, і въ лѣсѣхъ находя, и въ привежкѣхъ обрѣтая, и здѣ и ондѣ»,—вездѣ у Зырянъ находилъ идоловъ **). Извѣстно также, что язычники Зыряне для каждаго промысла имѣли особаго идола: для промысла соболей имѣли одного идола, другаго для лосиннаго и т. д. ***). Не зная ни наружнаго вида другихъ Зырянскихъ боговъ, ни значенія ихъ власти, приведемъ описаніе идоловъ, находимыхъ при раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской и Азіатской Россіи,—въ старинныхъ обиталищахъ финскаго народа, — укажемъ сходство ихъ по наружному описанію съ Зырянскими идолами и тотъ матеріалъ, изъ котораго были приготовляемы тѣ и другіе.

По свидѣтельству г. Спасскаго, идолы или каменныя статуи самыя древнія находятся въ Восточной Сибири и на Алтайскомъ хребтѣ, что, по его мнѣнію, и указываетъ на первобытное отечество народа, сооружившаго эти памятники ****). На равнинѣ около рѣки Абакана, впадающаго въ Енисей, найденъ истуканъ,

---

*) Памятн. Старинн. Русск. Литер., вып. IV, стр. 141.

**) Ibideш, стр. 136.

***) Историко-Географ. Описаніе Перм. губ., 1813 г., въ отд «Вогуличи».

****) См. «О древнихъ чудскихъ курганахъ и о каменныхъ бабахъ» Сибирскій Вѣстникъ за 1818 г., ч. II.

изображающій мущину *). Въ лѣвой рукѣ его—чаша **), противъ головы копье, подъ которымъ изображена птица, ниже—фигура мальчика съ чашкой въ рукѣ; на лѣвой сторонѣ идола изображены два человѣка—одинъ съ копьемъ на лощади, другой пѣшій съ огромнымъ лукомъ ***). Недалеко отъ этого истукана найденъ другой съ безобразнымъ женскимъ лицемъ, подъ названіемъ *Куртъякъ-тамъ* ****). По лѣвую сторону статуи изображенъ мальчикъ съ остроконечною шапкою на головѣ, по правую сторону фигуры верблюдовъ *****). Этотъ каменный идолъ былъ въ большомъ почтеніи у туземцевъ. Отправляясь на промыселъ, они клали въ ротъ истукана масло и табакъ ******).

Такіе каменные идолы или статуи были находимы и въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи. Такъ, на югѣ отъ Астрахани былъ найденъ истуканъ, привезенный, какъ утверждаетъ г. Эйнхвальдъ, съ береговъ рѣки Маныча. Описаніе этого идола слѣдующее: на толстой головѣ истукана видѣнъ платокъ съ треугольнымъ концомъ впереди, позади идетъ тотъ же платокъ въ видѣ мѣшкообразнаго шлейфа до косъ; длинныя груди висятъ почти до самаго желудка, выпукло выдающагося; ниже

---

*) По имени «*Киджи-тамъ*», т. е. мущина-камень.

**) Чаша составляла главную принадлежность идоловъ: она находится почти у всѣхъ каменныхъ истукановъ.

***) Сибирскій Вѣстникъ за 1819 г., ч. II. табл. VII.

****) Сибирскій Вѣстникъ 1819 г., ч. II, табл. VIII, *Куртъякъ-тамъ*—значитъ старуха-камень.

*****) Изображенія верблюдовъ доказываютъ, что народъ Чудскій въ отдаленныя времена обиталъ въ сѣверной и южной странахъ Азіатской Россіи и въ разныхъ мѣстахъ употреблялъ для ѣзды различныхъ животныхъ.

******) Сибирскій Вѣстникъ, 1818 г., ч. II, стр. 149—150.

живота истуканъ держитъ обѣими руками цилиндрическую, небольшой длины, чашу *).

Въ южныхъ предѣлахъ Европейской Россіи, въ частности—въ окрестностяхъ Ставрополя, было найдено множество подобныхъ каменныхъ истукановъ женской фигуры; всѣ они изображены съ плоскою остроконечною шапкою **), у всѣхъ видна чаша, которую они держатъ въ рукахъ у нижней части желудка, голова весьма толстая, туловище средней толщины, руки и ноги длинны и тонки, глаза малы, носъ и ротъ больше ***). По увѣреніямъ Эйнхвальда, эти каменные идолы—произведеніе народовъ финскаго племени, именно Комановъ, соорудившихъ эти памятники еще ранѣе XII вѣка ****). Въ доказательство онъ приводитъ свидѣтельство Рубриквиса, посланника французскаго короля Людовика IX, при татарскомъ Мангу-Ханѣ. Рубриквисъ уже въ 1253 г. описывалъ каменныя статуи. Онъ разсказывалъ, что *Команы* имѣютъ обыкновеніе дѣлать насыпь надъ могилами покойниковъ и на нихъ ставить статуи, обращенныя къ востоку и держащія въ рукахъ чашу, что они надъ тѣ-

---

*) Записки Археолог. Общ., 1856 г., т. IX, в. I, стр. 295 «О чудскихъ копяхъ».

**) У нынѣшнихъ Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ идолы имѣютъ на головѣ такую-же шапку.

***) См. Зап. Археолог. Общ. за 1850 г., т. III, ст. Пискарева: «О мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ въ Россіи.

****) Команы, получившіе названіе отъ рѣки Комы или Кумы, впадающей въ Каспійское море, жили между Каспійскимъ и Чернымъ морями, въ тѣхъ странахъ, гдѣ кочевали и Аорсы и Зыране (по Эйнхвальду Эрсы и Зыряне), принадлежавшіе финскому племени (Записки Имп. Археолог. Общ. 1856 г., т. IX, вып. I, стр. 366—367; 298; 300: «О чудскихъ копяхъ» Эйнхвальда. Сравн. «Путешествіе по Россіи» Плано-Карпини, перев. Языковымъ).

лами богатыхъ устраивали пирамиды и небольшіе островерхіе домики и проч. Это извѣстіе, по мнѣнію Эйнхвальда, заслуживаетъ полнаго вниманія, потому, что оно прямо указываетъ на *Комановъ*, какъ на тотъ народъ, который соорудилъ каменныя статуи или идоловъ *). Въ самомъ дѣлѣ, если сравнимъ каменныхъ идоловъ, приписываемыхъ *Комонамъ*, съ идолами Зырянъ и Пермяковъ, по описаніямъ Стурлезона, Герберштейна и Гваньини, то найдемъ между ними сходство. Безобразный йстуканъ *Зарни-Анъ*, по описанію, сходенъ съ помянутыми каменными статуями, въ особенности съ идоломъ *Куртьякъ-тамъ*: оба идола изображались съ мальчиками; даже обрядовая сторона служенія идоламъ почти одна и таже: ротъ *Зарни-Анъ* Зыряне мазали кровью и саломъ отъ жертвеннаго оленя, а въ умилостивленіе *Куртъ якъ-тамъ* клали идолу въ ротъ масло, табакъ и проч. Чаша, которую увидали Скандинавцы на колѣняхъ *Йомалы*, была при каждомъ каменномъ истуканѣ древнихъ *Комановъ* **) Разсказъ Рубриквиса о насыпяхъ, дѣлавшихся вокругъ каменныхъ статуй, вполнѣ примѣнимъ къ описанію храма идола *Йомалы*, кругомъ котораго были также гробницы и курганы, гдѣ хоронилось оставшееся послѣ покойниковъ богатство.

---

*) Нужно замѣтить, что Эйнхвальдъ, и по происхожденію и по сходству названій этихъ *Комановъ* съ *Коминами* или Зырянами. (См. 1 гл. 17 стр.), отожествляетъ первыхъ съ послѣдними. См. Зап. Археолог. Общ. т. IX в. 1, стр. 297—298; 366 и доп. къст. «О чудскихъ копяхъ».

**) Такъ какъ каменныя статуи, по мнѣнію Эйнхвальда, служили символомъ возрожденія покойниковъ, то чаши въ ихъ рукахъ находились для употребленія вина въ будущей жизни. Теперешніе Чудскіе народы: Черемисы, Чуваши, Вотяки, Вогулы, Остяки, Зыряне также снабжаютъ своихъ покойниковъ, при погребеніи чашами, котлами и другою домашнею посудою, для будущей жизни.

Разница между каменными статуями *Комановъ* и идолами Зырянъ, по нашему мнѣнію, состояла только въ матеріалѣ. Такъ, жизнеописатель св. Стефана, инокъ Епифаній, очень часто и всегда положительно говоритъ, что идолы Зырянъ были деревянные. «Болваны изъваанныя, истуканныя—древо суще бездушно. дѣло рукъ человѣческихъ», говоритъ онъ объ идолахъ *). О разрушеніи Зырянскихъ идоловъ св. Стефаномъ Епифаній разсказываетъ такъ: «Богы ихъ раскопа, еже суть блъваны издлъбенныя... И обухомъ въ лобъ бьяше идолы и по ногама съкрушаше я и сѣкирою ссѣчаше я и на удеса рассѣкаше я, і на полѣніе раздробляше я... і до конца искореняше я, і огнемъ сжегаше я, і пламенемъ испепеляше я... и не могоша идоли вредите его» **). Отсюда ясно, что идолы Зырянъ были сдѣланы, изъ дерева, а не изъ камня или металла; съ каменными или металлическими идолами нельзя бы было такъ быстро справляться: колоть топоромъ на мелкія части и сожигать ***).

Какая же была причина того, что язычники Зыряне имѣли идоловъ деревянныхъ, а не каменныхъ или металлическихъ? Послѣдніе, разумѣется, отлича-

---

*) См. Памятн. Старин. Русск. Лит., вып. IV, стр. 133.

**) Ibidem, стр. 127, 132, 136, 137, 140.

***) По описанію Стурлезона, идолъ *Йомала* былъ также деревянный. Скандинавецъ Карли однимъ взмахомъ топора отрубилъ голову *Йомалы* (Histor. Rer. Norvegicorum conscrip. a Snorrio Sturlae filio. T. II. Cap. CXLIII, 124 p., изд. 1777 г.). Относительно идола *Зарни-Анъ* (Золотой Бабы) Гваньини говоритъ: «hoc antiquissimum idolum, de lapide excisum... id est aurea anus» (Rerum Polonicur. Cuagnini. libr. II, 205 p.). Быть можетъ этотъ древнѣйшій идолъ былъ высѣченъ и изъ камня. Мы не имѣемъ положительныхъ основаній не соглашаться съ Гваньини. Это свидѣтельство скорѣе всего говоритъ въ пользу близкаго сходства Зырянскихъ идоловъ съ каменными бабами.

лись бы несравнимою прочностію. Извѣстно, что у Зырянъ не было недостатка въ камнѣ, въ ихъ владѣніи была цѣлая гора Брусяная. Изъ этой одной горы можно бы было пополнить каменными идолами всѣ кумирницы и домы.

Мы уже говорили выше, что язычники Зыряне въ числѣ другихъ горъ обожали и Брусяную гору *), почему и полагаемъ, что ломать изъ этой горы камни, хотя бы и для приготовленія идоловъ, считалось преступленіемъ.

Зыряне не имѣли недостатка и въ металлахъ. По свидѣтельству Стурлезона, на колѣняхъ идола *Йомалы* была огромная серебряная чаша, наполненная монетами, а въ кладбищахъ было зарыто столько золота и серебра, что Скандинавскіе купцы рѣшились воспользоваться этимъ богатствомъ. Монахъ Епифаній также утверждаетъ, что въ Зырянскихъ кумирницахъ было такъ много золота, серебра, мѣди, олова и желѣза, что св. Стефанъ призналъ нужнымъ предупредить отъ соблазна своихъ учениковъ и послѣдователей: «бѣ бо възбранивъ преподобный ученикомъ своимъ сі і отрокомь своимъ, служащимъ ему, не повелѣ отинюдь взяти что отъ кумирниць или златное, или сребреное, іли мѣдь, или желѣзо, или олово или иное что» **). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что у Зырянъ металлы были въ избыткѣ. Нельзя сказать, чтобы они не знали или не умѣли притотовлять идоловъ изъ металла, при ихъ знакомствѣ съ культурными народами

---

*) См. 2 гл., 60 стр. По свидѣтельству г. Спасскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Бурята также чтили камни, горы, пещеры и всякія чудныя произведенія природы и мѣста, признанныя шаманами ихъ святыми. (Сибир. Вѣстн., 1818 г., ч. IV, стр, 167—8).

**) Памятн. Старин. Русск. Литер., вып. IV, стр. 136.

напримѣръ Булгарами, которые знали это искусство. Если же у Зырянъ не было ни каменныхъ *), ни металлическихъ идоловъ, не смотря на избытокъ того и другаго матеріала, то остается предположить одно, что у нихъ существовалъ такой обычай, по которому идолы приготовлялись изъ дерева, а не изъ другаго матеріала. Намъ извѣстно, что этотъ обычай существовалъ и у другихъ народовъ, напримѣръ, идолъ Святовитъ на островѣ Руянѣ былъ вырѣзанъ изъ дерева, Перунъ и у Кіевлянъ былъ тоже деревянный, только голова у него была серебряная, уши золотыя и ноги желѣзныя. Подобный Кіевскому, былъ Перунъ и Новгородскій **).

Всѣ-ли идолы Зырянъ изображались въ видѣ человѣка, сказать трудно. Извѣстно, что Остяки изображаютъ своихъ боговъ и въ видѣ человѣка, и въ видѣ животныхъ, напримѣръ оленя ***). Вогуличи вырѣ-

---

*) Мы сдѣлали оговорку относительно идола *Зарни-Анъ*.

**) Строевъ, «Кратк. Обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Россійскихъ. М. 1815, стр. 25. Касторскій, «Начертаніе Славянской Миѳологіи». Фаминцынъ, «Божества Древнихъ Славянъ», СПБ., 1884, вып. 1, стр. 135, прим. 1. По свидѣтельству академика Лепехина, нѣкоторые изъ новгородцевъ, не желая принять Христіанскую вѣру, во время крещенія Руси княземъ Владиміромъ, бѣжали отъ его преслѣдованій на сѣверъ Россіи въ Біармію или Пермію, которая была имъ уже извѣстна по торговлѣ. При этомъ новгородцы, захватили и своихъ идоловъ и распространили между Пермяками свои языческія вѣрованія. («Записки Путеш.» ч. IV, стр. 409). Такимъ образомъ, по Лепехину, выходитъ, что Зыряне, познакомившись съ Новгородскими идолами, стали, на подобіе ихъ, изображать и своихъ. Не споримъ, быть можетъ, Зыряне переняли обычай дѣлать своихъ идоловъ изъ дерева и у Славянъ, чего раньше, можетъ быть, и не было.

***) Тобольскія губ. Вѣд., 1861 г., № 15. «Объ Обдорскихъ Инородцахъ».

зывали своихъ идоловъ изъ дерева въ видѣ человѣка, вставляя глаза изъ свинца или коралловъ *). Корреспондентъ Академіи Наукъ Я. Фризъ въ своей «Лѣтописи города Устюга» говоритъ, что въ 1779 г. Ярославскій и Вологодскій Генералъ-Губернаторъ Мельгуновъ отыскалъ въ Зырянскихъ странахъ мѣдныхъ идоловъ, изображавшихъ большею частію звѣрей, соболей, лисицъ, которые и представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II, что эти идолы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Зырянскими книгами, поступили въ Эрмитажъ, но что Зыряне считали ихъ не своими богами, а Вогуличскими, и даже не богами ихъ, а изображеніями жертвъ, приносимыхъ идоламъ **). Изъ данныхъ относительно Остяковъ, Вогуличей и другихъ сѣверныхъ народовъ можно, заключать, что и Зыряне нѣкоторыхъ своихъ боговъ изображали въ видѣ звѣрей, напримѣръ въ видѣ оленя, соболя и проч. ***).

---

*) Историко-географ. опис. Пермск. губ., 1813 г., ч. III, стр. 59.

**) Сѣверный Архивъ, за 1822 г., кн. 2, стр. 327. Митр. Амвросій, «Истор. Росс.. Іераріи, т. VI, стр. 574. Прот. Евг. Поповъ, «В.-Пермская епархія», стр. 346. Пермь. 1884 г. Впрочемъ митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) говоритъ, что это свидѣтельство Фриза невѣрно, потому что по справкамъ оказалось, что никакихъ старинныхъ Зырянскихъ вещей (идоловъ и книгъ) никогда въ Эрмитажъ не поступало. (Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина». Спб. 1827 г, т. II, стр. 235).

***) Архим. Макарій утверждаетъ, что у Зырянъ были деревянные идолы, изображавшіе собою соболей, куницъ бѣлокъ и другихъ звѣрей. («Сказаніе о житіи св. Стефана», СПБ. 1856 г., стр. 10). Въ XII т. Записокъ Геогр. Общ. («Описаніе Березовскаго Края») говорится, что Остяки поклонялись божествамъ, имѣвшимъ видъ птицъ и звѣрей, въ особенности медвѣдя. Въ Пермскомъ Сборникѣ за 1859 г. т. I («О Пермскихъ древностяхъ» Ежевскаго) представлены фигуры Остяц-

Мѣстомъ пребыванія многочисленныхъ Зырянскихъ боговъ были: каменныя ущелья, пещеры, высокія и крутыя каменныя горы, высокія деревья; имъ посвящались рѣчные берега, въ лѣсахъ рощи, холмы. Съ развитіемъ языческаго культа, боги-идолы Зырянъ помѣщались въ особо-устроенныхъ храмахъ или кумирницахъ *). О внѣшнемъ видѣ и внутренней обстановкѣ этихъ храмовъ можно судить по языческимъ храмамъ родственныхъ Зырянамъ народовъ: Остяковъ, Вогуловъ, Черемисъ и др.

Вогуличи имѣли свои кумирницы въ лѣсу, сдѣланныя изъ досокъ; въ нихъ они ставили своихъ идоловъ. Они имѣли языческія капища и въ горныхъ пещерахъ и горахъ **). Черемисы для молитвъ и жертвоприноше-

---

кихъ идоловъ: четыре фигуры медвѣдя, восемь фигуръ съ грубыми очертаніями человѣка и проч. Извѣстно, что идолы Зырянъ, съ распространеніемъ христіанства въ ихъ странѣ, перешли съ удалившимися Остяками въ Березовскій край. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе думать, что большая часть идоловъ, которымъ поклонялись Остяки, были въ почитаніи и у Зырянъ. У жителей Большаго Алтыма, Тобольской губерніи, до сихъ поръ сохранилось преданіе, что предки ихъ, въ числѣ нѣсколькихъ семействъ, перешли сюда изъ-за Камы (древней Перми) съ шаманомъ Памъ-Сотникомъ. (Абрамовъ, «Введеніе христіанства у Березовскихъ Остяковъ». Ж. М. Н. Пр., 1851, Дек., стр. 12. Ср. Зап. Лепехина т. IV, стр. 395).

*) Св. Стефанъ нашелъ Зырянскихъ идоловъ также на перекресткахъ дорогъ, въ поляхъ, на выгонахъ и въ каждомъ домѣ. (Мон. Епифаній, Памятн. Старин. Русск. Литер., изд. 1862 г., вып. IV, стран. 136).

**) Въ Бѣлой Горѣ сохранилась пещера (въ Соликамскомъ уѣздѣ, Перм. губ., при рѣкѣ Цейвѣ, впадающей въ Яйву), бывшая когда-то капищемъ Вогульскаго народа. Около масляницы Вогулы собирались въ эту пещеру для своего богослуженія, состоявшаго изъ жертвоприношеній деревяннымъ идоламъ, которые хранились въ пещерѣ. Почти вся пещера была завалена костями жертвенныхъ животныхъ: оленей, лосей (Хозяйственное Описаніе Перм. губер-

ній огораживали тыномъ рощу или лѣсъ съ извѣстнымъ числомъ деревъ, изъ которыхъ каждое было посвящено особому богу *). Остяки и Вотяки до сихъ поръ имѣютъ свои кумирницы или *керемети* также въ лѣсу, приготовленныя просто, изъ деревянныхъ досокъ **).

И Зыряне имѣли свои храмы въ лѣсу, загороженные высокимъ заборомъ, каковъ былъ напримѣръ храмъ бога *Йомалы*, описанный Стурлезономъ. Изъ этого описанія, дополненнаго Шлецеромъ, видно, что храмъ *Йомалы* отличался изяществомъ постройки и богатствомъ украшеній. И это неудивительно, во первыхъ потому, что Зыряне не всѣхъ своихъ боговъ одинаково почитали; нѣкоторые изъ нихъ пользовались такою славою, что къ нимъ приходили для молитвъ изъ дальнихъ странъ съ богатыми жертвами ***); во-вторыхъ, Зыряне путемъ обширной торговли, познакомившись съ культурными народами, самó собой, постепенно, перенимали отъ нихъ искусство въ постройкахъ языческихъ храмовъ и украшеніи ихъ.

Не такъ были богаты со `внѣ и внутри обычные храмы Зырянъ ****). Это были обширныя, деревянныя

ніи ч. I, стр. 21). Въ Кунгурскомъ уѣздѣ есть гора Молебна, названная такъ потому, что въ древности Чудскій народъ приносилъ на ней свои жертвы богамъ. Сверху горы видѣнъ ровъ, окружавшій жилище чуди (Ibid, стр. 26). Уваженіе къ священнымъ мѣстамъ Финскихъ народовъ выражалось въ томъ, что каждый, проходя мимо, долженъ былъ или выстрѣлить изъ лука или бросить камень; плывя по рѣкѣ, посвященной какому нибудь божеству, долженъ держаться средины, чтобы не коснуться берега.

*) Хозяйственное Описаніе Перм. губ., 1813 г., ч. III, стр. 44;

**) «Угорьскіе народы», Майнова: Историч. Вѣстн. 1884, апр. «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда», Первухина. Вятка, 1888.

***) Епифаній, Памятн. Стар. Русск. Литер., в. IV, стр. 136.

****) О почитаніи идоловъ въ этихъ храмахъ Епифаній говоритъ: «Овѣмъ убо рѣдціи моляхуся и худу честь воздаяху» (ibidem).

зданія, въ видѣ сарая, крытыя кровлею самой грубой работы. Средину храма занималъ главный идолъ, которому посвящался храмъ, а вокругъ него располагались другіе идолы, жертвенныя орудія и священные предметы. Идолы были въ большомъ и маломъ видѣ, чаще во весь ростъ, деревянные, рѣзные, съ грубымъ очертаніемъ частей человѣческаго тѣла и подобіемъ человѣческаго лица *). Какъ главнаго идола, такъ и остальныхъ, второстепенныхъ, Зыряне тщательно обертывали приносимыми въ даръ шкурами пушныхъ звѣрей, разными тонкими тканями, обвѣшивали металлическими вещами, отчего идолы дѣлались очень толстыми, а приносители жертвъ, по мѣрѣ ихъ утолщенія, больше боялись и благоговѣли передъ ними.

Внутри храма по стѣнамъ развѣшивались приношенія Зырянъ, состоявшія преимущественно изъ шкуръ звѣрей: соболей, бобровъ, куницъ, выдръ, лисицъ, россомахъ, горностаевъ, бѣлокъ, медвѣдей **). Въ важныхъ случаяхъ Зыряне приносили въ жертву идоламъ и домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ. Въ даръ идоламъ приносились также вещи домашняго употребленія и произведенія земли ***). Этими прино-

---

*) Повѣсть о Стефанѣ. Памятн. Старин. Русск. Литер., в. IV, стр. 136.

**) «А еже повѣшенное около идолъ, іли кровля надъ ними, или на приношеніе, или на украшеніе имъ принесенное, или соболі, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, іли лисицы, или медвѣдна, или рыси, іли бѣлки, то все събравъ въ едину кущу, съкладе і огневи предасть я», говоритъ Епифаній о св. Стефанѣ. (Памятн. Ст. Р. Л., вып. IV, стр. 136).

***) Принесенныя идоламъ вещи изъ домашней одежды или утвари, по прошествіи одного года или дольше, хозяева отбирали назадъ и хранили въ домахъ уже какъ святыню. (См. Хозяйств. Опис. Пермской губ., за 1812 г., ч. II, стр. 220).

шеніями поддерживались ячыческіе храмы Зырянъ; кромѣ того они имѣли и постоянные доходы съ полей, луговъ, торговцевъ и промышленниковъ.

Языческое богослуженіе у Зырянъ было общественное и домашнее или частное. Для общественнаго богослуженія Зыряне собирались изъ «дальнихъ погостовъ за три дня, и за четыре, и за недѣлю соущі» *), съ богатыми дарами и по особенному случаю. Такими случаями были общественныя бѣдствія, напримѣръ: неурожай хлѣба, наводненіе, падежъ скота, приписываемыя гнѣву суровыхъ Зырянскихъ боговъ.

Богослуженіе начиналось тѣмъ, что принесенные въ жертву богамъ дары: олени, дичь, рухлядь и проч. отдавались жрецамъ. Въ то время, какъ жрецы выбирали жертвенныхъ животныхъ, народъ становился въ кружокъ около идола. Затѣмъ главный жрецъ представлялъ идолу назначенныхъ ему животныхъ; народъ падалъ на колѣни. Въ это время жрецъ съ поднятыми руками громко взывалъ къ идолу, прося его о прекращеніи несчастія, о здравіи народа, плодородіи, успѣхѣ въ звѣринномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Послѣ этихъ прошеній, по данному главнымъ жрецомъ знаку, одинъ изъ стоящихъ вблизи жертвеннаго оленя стрѣлялъ въ него изъ лука, а прочіе докалывали его копьями или другими орудіями. Убитаго оленя протаскивали за хвостъ и рога трижды вокругъ идола; затѣмъ мазали ротъ и глаза идола кровью, запекшеюся въ сердцѣ жертвеннаго животнаго, а оставшуюся кровь, собранную въ особый сосудъ, выпивали жрецы и народъ. Потомъ снимали кожу съ животнаго, которую, вмѣстѣ съ черепомъ и рогами, вѣшали на сосну вблизи

*) Памят. Старин. Русск. Литер., в. IV, стр. 136.

храма. Разрѣзанное на части мясо животнаго тутъ же варилось или жарилось надъ разведеннымъ огнемъ; лучшія части поступали въ пользу идоловъ и жрецовъ, а худшія раздѣлялись между жертвователями, которые тутъ же и съѣдали. Обрядъ заканчивался пляскою и крикомъ народа.

Въ частныхъ случаяхъ, при домашнихъ нуждахъ, каждый Зырянинъ приносилъ жертвы своему домашнему идолу, въ видѣ малыхъ звѣриныхъ кожъ, рыбы, птицъ и пр. Поднимая руки передъ нимъ и благодаря за промыселъ, Зырянинъ падалъ на колѣни и съ крикомъ «*сьой*» (ѣшь), намазывалъ ротъ идола кровью и жиромъ животныхъ. Чѣмъ удачнѣе былъ промыселъ, тѣмъ обильнѣе приносились и жертвы идолу.

Для прекращенія болѣзни совершались жертвоприношенія всегда у жилища больного. Въ руки больному давалась веревка, которою было привязано животное, назначенное въ жертву. Между тѣмъ жрецъ творилъ молитву. Но какъ только больной потягивалъ за веревку, животное немедленно закалывалось, кровью его намазывались губы идола, а мясо варилось и истреблялось. Если же больной не выздоравливалъ, идолъ подвергался ругани и даже побоямъ.

Эти черты языческаго богослуженія Зырянъ выведены нами частью изъ остатковъ языческихъ обрядовъ, сохранившихся у Зырянъ до настоящаго времени, частью изъ сопоставленія ихъ языческимъ обрядамъ соплеменныхъ Зырянамъ народовъ: Вотяковъ, Вогуловъ, Черемисъ и Остяковъ.

Такъ, Вогулы и Черемисы для жертвоприношеній верховному божеству *Йомъ* собирались (одни мужчины) въ священные лѣса, въ теплую и ясную погоду, лѣтомъ и зимой, въ бѣлой одеждѣ, становились передъ идоломъ на колѣна и, смотря на небо кланялись ему до земли;

призывали на помощь *Йому* и его помощниковъ, просили его о плодородіи земли, здравіи и успѣхѣ въ ловлѣ звѣрей. Затѣмъ принесенныхъ животныхъ закалывали, варили и ѣли всѣ; остатки жертвеннаго мяса брали домой и съѣдали съ семействомъ *). Кромѣ животныхъ, въ жертву богамъ приносили также пиво и вино, которое уничтожалось жертвователями, по окончаніи молитвъ и прошеній, обращенныхъ къ идолу **).

Остяки совершаютъ празднества въ честь особенно чтимыхъ боговъ дважды въ годъ. Въ эти дни приносятся общественныя жертвы изъ оленей, лошадей и пѣтуховъ. Первое изъ этихъ празднествъ совершается въ лѣсу. Въ большой юртѣ ставится идолъ ***) или кусокъ дерева, верхушка котораго обдѣлана на подобіе человѣческаго лица и обита жестью или серебромъ. На божка надѣвается рубаха изъ цвѣтнаго сукна, украшеннаго золотыми и серебрянными позументами, а иногда и нѣсколько такихъ рубахъ. Затѣмъ навѣшиваютъ на него кожаныя шкуры и разныя мелкія вещи. Начало жертвоприношенія божеству открываетъ шаманъ. Онъ звонко ударяетъ въ бубны. Женщины съ крикомъ начинаютъ бѣгать вокругъ идола, а мущины вооружаются ножами и тоже поднимаютъ крикъ. Затѣмъ жрецъ завязываетъ глаза жертвенному животному, и послѣ двукратнаго обхода вокругъ идола, онъ ударяетъ обухомъ въ го-

---

*) Хозяйствен. Опис. Перм. губ., 1813 г., ч. III, стр. 44, 45 и 60.

**) Историко-Геогр. Опис. Перм. губ., 1812 г., ч. II, стр. 220.

***) Общія имена языческихъ боговъ финскихъ народовъ сохранились до сихъ поръ. Такъ у Остяковъ и Вогуличей есть богъ *Куль*, *Ортикъ*—господинъ (по созвучію напоминаетъ Зырян. *Орта*), *Сарни-Турынъ* (зырян. *Зарни-Анъ*), *Лоньхъ* (Зырян. *Лъокъ*) и др. Сутки у Остяковъ, какъ и у Зырянъ, называются составнымъ именемъ *Лунвой* (день—ночь), мѣсяцъ называется луной (Зырян. *тэлысь*) и т. д.

лову животнаго, а въ это время другой жрецъ вонзаетъ ножъ въ сердце животнаго. Кровь собирается въ чашу, и жрецъ, обмакнувъ въ нее палецъ, дѣлаетъ на каждомъ идолѣ черточки. Остатки крови выпиваются жрецами и народомъ, а мясо жарится на огнѣ, части его (лучшія) подносятся идоламъ, а остальныя раздѣляются между жертвователями. Пляскою и крикомъ оканчивается празднество *).

Второй праздникъ совершается въ честь рыбъ. Остяки гурьбой на лодкахъ доплываютъ до средины рѣки, потомъ поднимаютъ весла и хлещутъ ими по водѣ съ криками. Затѣмъ приплываютъ къ берегу съ пойманной .рыбой и жрецъ приноситъ въ юртѣ божку жертву. Кровью и жиромъ рыбы намазываютъ губы идола, а самая рыба съѣдается жертвователями **). При этихъ жертвоприношеніяхъ жрецы даютъ народу знать о томъ, пріятна-ли богу жертва. Если жрецъ, послѣ многихъ круженій, падалъ безъ чувствъ и изъ его рта выходилъ голубой дымъ, то значитъ жертвы пріятны богу ***). Праздники, подобные описаннымъ, совершаются и Вотяками въ честь бога *Кереметя* ****).

---

*) См. соч. проф. Альквиста: «Unter Ostiaden und Wogulen».

**) Тобольскія Губ. Вѣд., 1861 г., № 16. «Свѣдѣнія объ Обдорскихъ инородцахъ».

***) Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общ., 1855 г. кн. III, «Самоѣды Мезенскіе. Языческая вѣра». По свидѣтельству Лепехина, въ Сибирской исторіи сохранилось описаніе одного древняго обряда, совершавшагося у Демьянскихъ Остяковъ предъ идоломъ, вывезеннымъ будто бы изъ Россіи, во время крещенія Руси св. Владиміромъ. Этотъ кумиръ, вылитый изъ золота, сидѣлъ въ чашѣ. Остяки вливали въ нее воду и потомъ пили съ надеждою, что съ ними не случится никакого несчастія. Во время моленій, идола ставили на столъ; около него жрецы жгли сало и сѣру въ особыхъ чашахъ, а народъ стоялъ кругомъ стола и приносилъ свои молитвы. («Записки о путешествіи», ч. IV, стр. 396).

****) Первухинъ «Эскизы преданій и быта инородцевъ». Вятка 1888 г. «Вѣстникъ Европы», за 1880 г., Сентябрь, стр. 155.

У Зырянъ, съ принятіемъ христіанства, праздники языческіе слились съ днями христіанскихъ праздниковъ или святыхъ. Доказательство видимъ въ томъ, что въ дни нѣкоторыхъ, празднуемыхъ весною и лѣтомъ, святыхъ, напр. св. Прокопія Устюжскаго (8 іюля), пророка Иліи (20 іюля), мучениковъ Флора и Лавра (18 августа), Модеста (16 мая), Харалампія (10 февраля) *), Зырянами совершаются обряды, много напоминающіе собою языческія празднества. Въ одинъ изъ этихъ дней, утромъ, до богослуженія, приносится къ церкви цѣлымъ обществомъ быкъ, или три овцы, или теленокъ. Въ церковной оградѣ убиваются эти животныя и мясо дѣлится на три части: одна—богу, т. е. въ церковную казну, другая—причту, а третья варится въ разставленныхъ близъ храма большихъ котлахъ. По окончаніи обѣдни и по совершеніи вокругъ полей крестнаго хода, Священникъ надъ разставленнымъ на столахъ свареннымъ мясомъ читаетъ молитву и окропляетъ св. водой **). Послѣ этого освященное мясо, разрѣзанное на мелкія части, разносится старостами и десятскими въ особыхъ сосудахъ. Зыряне при этомъ обрядѣ тутъ же, на мѣстѣ, съѣдаютъ полученную часть, а отсутствующимъ уносятъ частички мяса въ ихъ дома. Какъ на домъ принесенныя части, такъ и полученныя на мѣстѣ, потребляются безъ хлѣба и непремѣнно на тощакъ, иначе жертва не достигаетъ цѣли. Кровь отъ жертвенныхъ животныхъ, собранная въ особый сосудъ, вмѣстѣ съ костями и полученнымъ отваромъ, зары-

*) Дни этихъ святыхъ соединены у Зырянъ съ началомъ сѣнокоса, посѣва полей и выпуска стадъ на пастбище.

**) Принося эти жертвы, Зыряне просятъ Бога, чтобы Онъ благословилъ наступающее лѣто обильнымъ урожаемъ хлѣба и сохранилъ скотъ.

вается глубоко въ землю, чтобы не досталась на поруганіе собакамъ или другимъ животнымъ.

Праздникъ этимъ не кончается. Еще наканунѣ варится Зырянами общее, изъ сбора съ каждаго домохозяина, пиво. Съ наступленіе вечера праздничнаго дня, послѣ совершеніямъ священнаго обряда, Зыряне со всего погоста отправляются къ старшинѣ или старостѣ, у котораго варилось пиво и заготовленъ *курыдъ-юанъ* *), и здѣсь-то они продолжаютъ свой праздникъ, обыкновенно заканчивающійся широкимъ разгуломъ и разнузданностью, очень близко напоминающими языческія празднества **).

Подобныя празднества совершаются Зырянами и въ концѣ лѣта, по случаю обильнаго урожая хлѣба ***), зимой, по случаю улова звѣрей, или на оборотъ, при случаяхъ какихъ-нибудь болѣзней на домашнихъ животныхъ и пр. ****).

---

*) Домашнее, самодѣльное вино у Зырянъ (кумышка у Вотяковъ).

**) Священники, желающіе уничтожить описанный обрядъ и пиршество послѣ него, обыкновенно бываютъ встрѣчаемы чрезвычайнымъ ропотомъ своихъ прихожанъ, относящихъ эту мѣру къ охлажденію въ нихъ якобы благочестія.

***) У Зырянъ издавна существуетъ такъ называемая «*тыла*», т. е. подсѣчная система земледѣлія. Съ этою цѣлію Зыряне иногда уходятъ весьма далеко отъ своихъ жилищъ, верстъ за 100—150 и далѣе; здѣсч они очищаютъ мѣсто, вырубая лѣсъ и сжигая его, а потомъ сѣютъ хлѣбъ, который бываетъ почти всегда удаченъ.

****) Академикъ Лепехинъ въ своихъ «Запискахъ о путешествіи» по Зырянскому краю въ 1780 г. говоритъ, что у Зырянъ тогда существовали нѣкоторыя языческія вѣрованія и празднества, заимствованныя ими у Славянъ. Именно, 23 іюня (канунъ Иванова дня), они топили баню, которую устилали купальницей, изъ нея же приготовляли вѣники, которыми, послѣ употребленія, колдовали, купаясь въ рѣкѣ. «Въ этомъ, какъ извѣстно, — говоритъ Лепехинъ,—состояло и у древнихъ язычниковъ Славянъ празднество богу Купалѣ». (Записка, томъ IV, страница 410).

Въ развитіи языческаго религіознаго культа Зырянъ, видное мѣсто занимаетъ особый классъ людей «Шамановъ», «Туновъ» или жрецовъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что какъ въ самыя отдаленныя времена язычества въ рукахъ жрецовъ или «Туновъ», находилась духовная власть въ связи со свѣтскою, такъ и предъ началомъ христіанства у Зырянъ ими одними поддерживалась языческая религія, такъ еще и до сихъ поръ существуетъ этотъ особый классъ лицъ у Зырянъ и сохраняетъ еще въ глазахъ темнаго народа все свое прежнее значеніе. Поэтому изложимъ о древнихъ языческихъ жрецахъ у Зырянъ, по возможности, подробнѣе.

Извѣстно, что во времена глубокой древности, Финны славились чародѣйствомъ *). Они продавали иноземъ-

---

Описанный Академикомъ Лепехинымъ обрядъ, совершавшійся у Зырянъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, сохранился у нихъ и теперь. Именно: въ вечеръ на Ивановъ день («Иванъ-лунъ»), окончивши дневныя работы, Зыряне идутъ въ баню, гдѣ, что есть силы (нѣкоторые изъ Зырянъ, особенно старики, способны париться при 85° температурѣ; средняя же жара въ банѣ бываетъ около 68°; при такой жарѣ Зыряне моются до 2½ час. со всей семьей), парятся вѣниками, только что связанными изъ мягкихъ, распустившихся прутьевъ березы, съ прибавкою къ нимъ нѣсколькихъ цвѣтковъ купальницы и вѣточекъ рябины. Эти вѣники, по мнѣнію Зырянъ, имѣютъ свойство очищать тѣло отъ всякой нечистоты, пріобрѣтенной въ теченіе года. Затѣмъ вѣники кидаютъ въ рѣку; если какой-нибудь вѣникъ утонетъ (Зыряне думаютъ, что подобные вѣники сами по себѣ никогда не тонутъ, а крадетъ ихъ *Васа* (водяной) для своего домашняго употребленія), то бросившій его долженъ умереть въ томъ-же году; если—нѣтъ, то владѣлецъ его будетъ жить благополучно до слѣдующаго года. Въ самый Ивановъ день близъ лежащіе къ деревнямъ луга и поля оживляются пестрой толпой молодыхъ дѣвицъ и парней, собирающихъ купальницу, которая потомъ кладется въ умывальники. Вечеръ Иванова дня проходитъ описаннымъ нами выше порядкомъ. См. 130 стр.

*) Соловьевъ говоритъ: «Финское племя искони отличалось наклонностію къ волшебству, искони славилось имъ. У Финновъ

нымъ мореходцамъ попутный вѣтеръ, завязанный въ трехъ узлахъ, по мѣрѣ развязыванія которыхъ онъ усиливался и наконецъ, при развязкѣ всѣхъ трехъ узловъ, поднималась буря, которая была укрощаема ими однимъ движеніемъ руки. Въ стаканѣ вина Финнъ видѣлъ судьбу своего вопрошателя и предсказывалъ ему всего его будущность. Финнъ-волшебникъ излечивалъ самыя опасныя болѣзни и даже лечилъ отсутствовавшихъ. Изумленные этимъ волшебствомъ, иноземцы пріѣзжали къ Финнамъ обучаться ихъ колдовству и не могли надивиться ихъ искусству *).

Будучи одного происхожденія съ Финнами, Чудскіе или древне-Пермскіе волхвы и знахари **) пользовались такою же извѣстностью среди Русскихъ. Послѣдніе обращались къ нимъ за предсказаніями.

Въ XIV вѣкѣ, когда св. Стефанъ распространялъ христіанство среди Зырянъ, онъ встрѣтилъ въ Зырянской странѣ много волхвовъ и «чаровниковъ» и между ними вліятельнаго волхва «Пама», «нарочита кудесника, влъхвомъ начальника, обавнікомъ старѣйшину» ***).

Епифаній повѣствуетъ, какъ сильно защищалъ свою языческую вѣру этотъ волхвъ и правитель Зырянской области предъ основателемъ въ ней христіанства св. Стефаномъ и какъ настойчиво пришлось бороться съ

преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, духахъ и о сообщеніи съ ними». (Истор. Россіи т. I, стр. 72).

*) Olai Magni Historiae septentrionalium Gentium Breriarium изд. 1769. Historia Rerum Norvegicorum conscripta a Snorrio Sturlae filio. T. II, 68 p.

**) «Кудесники» и «Обоянники» у Зырянъ (См. Памятники Старин. Литер. Вып. 4-й, 138 стр.), «Карты» у Черемисъ (Вѣст. Евр. 1867, Дек.), «Татибеи» у Самоѣдовъ (В. И. Геогр. Общ. 1855 г., № 3).

***) Памятники Старин. Русс. Литер., вып. IV, стр. 138.

нимъ послѣднему: «и бяше сій кудесникъ лютъ супротивникъ преподобному и злоратоборець великъ, неукротимъ супостатъ и боритель, хотя развратити вѣру христіанскую, и лютѣ попремногу възмущаше вѣрныя, повсегда спирашеся съ нимъ, часто супротивяся ему о вѣрѣ» *). Мѣстомъ жительства этого главнаго волхва и старѣйшины былъ Княжъ-погостъ, гдѣ, вѣроятно, находился и главный языческій храмъ Зырянъ; прочіе кудесники и волхвы находились въ вѣдѣніи этого начальника «Пама».

Былъ-ли этотъ классъ волхвовъ во главѣ съ «Памомъ» наслѣдственнымъ у Зырянъ или они только пожизненно избирались въ свое званіе, сказать трудно. Г. Михайловъ говоритъ, что долгое время управляя страною, волхвы умѣли передать право наслѣдственности своимъ дѣтямъ **), но это мнѣніе не подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что жрецы Самоѣдовъ, Черемисъ, Вотяковъ, Вогуловъ—выборные. У нихъ даже существуетъ до сихъ поръ особый обрядъ возведенія въ званіе жреца, а предъ избраніемъ кандидатъ долженъ пройти извѣстный искусъ, продолжающійся до пяти лѣтъ ***).

Главное назначеніе волхвовъ и «Туновъ» у Зырянъ состояло въ томъ, что они были посредниками между народомъ и богами. Въ случаѣ какого-нибудь народнаго бѣдствія, они узнавали отъ боговъ причину его. Тогда они назначали общественное богослуженіе, опредѣляли количество и качество необходимыхъ жертвъ богамъ и присутствовали на общественныхъ богослуже-

---

*) Тамъ же, стр. 139.

**) Вологод. губ. вѣдом. 1850 г. № 3.

***) Вѣстн. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1855, кн. III: «Языч. вѣра Самоѣдовъ». Этногр. Сборн. 1858 г., кн. IV: «Некрещ. Черем.» Вѣстн. Евр. 1880 г. Авг. «Вотяки».

ніяхъ въ качествѣ главныхъ совершителей жертвоприношеній. Какъ люди, обладающіе тайнымъ знаніемъ и находящіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богами, волхвы кромѣ того предсказывали будущее, лечили народъ отъ различныхъ болѣзней и проч. *). Кромѣ этихъ обязанностей, волхвы заботились объ украшеніи языческихъ храмовъ и о сбереженіи богатствъ, тамъ находящихся. Всѣ приношенія богамъ находились въ ихъ вѣдѣніи; они распоряжались продажею излишнихъ даровъ и вырученыя деньги употребляли на украшеніе боговъ и храма. Никто изъ непосвященныхъ лицъ не смѣлъ воспользоваться этими дарами боговъ, не долженъ былъ даже прикасаться къ нимъ подъ страхомъ лишиться благодѣяній боговъ, быть постигнутымъ неожиданно страшною болѣзнью или, по меньшей мѣрѣ, сдѣлаться неудачнымъ стрѣлкомъ. «Бѣ-бо у нихъ» (т. е. у Зырянъ), говоритъ Епифаній, «преже пошлина была сицева до крещеніа: аще который Перминъ прикоснется хъ кумиру, или возметъ что ото идолослуженіа, или вданное и принесенное блъваномъ, или намененное і оборченное бѣсомъ, или ино что неповелѣнное и възбраненное ими требно кумиромъ посяжетъ, то извережаетъ его и изламаетъ и искрятаетъ; такобо на се бьяху кудесы кудесникі ихъ, да того ради

---

*) Быть можетъ, эти должности раздѣлялись между волхвами. Одни, стоящіе выше («*тэдыси*» и «*туны*»), сообщались съ богами и предсказывали будущее; а другія второстепенныя («*вэчиси*» и «*керыси*») лица исполняли жертвоприношеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлятся іерорхическія лица (жрецы) у Чувашъ, Черемисъ, Самоѣдовъ и др. У Чувашъ, напр., два рода духовныхъ лицъ: «*Іемси*»—ворожеи и гадатели, и «*Азамси*»—заклинатели, кудесники. См. Ж. М. Г. Имущ. 1845 г. Ч. 15, стр. 77—8. «О религіи Чувашъ» Леонтьева.

никтоже и ничтоже не смѣяше взяти или втаю или въявѣ, или что украсти отъ кумирницъ или отъ идоложрьтвенныхъ и отъ кумиротребныхъ» *). Будучи полными распорядителями богатствъ, которыхъ, по свидѣтельству Епифанія, было немало, при всегдашнемъ усердіи язычниковъ къ идоламъ **), волхвы, разумѣется, обращались съ приношеніями богамъ не всегда безукоризненно; чаще всего они увеличивали ими свои собственные доходы.

Какъ относились къ своимъ волхвамъ язычники — Зыряне? Если волхвы присвоенною ими властью ограничивали свободу Зырянъ (что несомнѣнно случалось), если они не стѣснялись распоряжаться не только богатствомъ, принадлежащимъ богамъ, но, злоупотребляя своею властью, часто простирали ее еще и на собственность Зырянъ, то нужно думать, что Зыряне не любили своихъ жрецовъ, но боялись и ненавидѣли ихъ. Наше мнѣніе имѣетъ сильную опору еще и въ томъ обстоятельствѣ, что какъ только волщебникъ Памъ былъ обличенъ во лжи св. Стефаномъ, то Зыряне выдали

---

*) Памятники Старин. Русс. Литер., вып. IV, стр. 137. По вѣрованіямъ Чувашъ, за вещи, похищенныя изъ «Кереметя» (кумирница) постигала вора падучая болѣзнь, обмороки. Причина была въ томъ, что «*Азамси*» намазывали деньги и ткани мѣстными растеніями, одуряющими и разстроивающими организмъ. («О религіи Чувашъ». Казан. губ. Жур. М. Г. Имущ. 1844 г. Ч. XI, стр. 80). Остяки и Вогуличи, въ стѣсненное время, занимаютъ у боговъ пожертвованныя имъ зелененькія и синенькія бумажки (кредитныя деньги); но бѣда тому, кто вздумаетъ не возвратить этого долга: боги отнимутъ остальное у невѣрнаго должника. (Ист. Вѣстникъ за 1884 г. Апрѣль. Стат. г. Майнова «Угорьскіе народы» (Остяки и Вогулы), стр. 173—174).

**) Памятники Старин. Р. Лит. в. IV, стр. 136.

Просвѣтителю ихъ головой своего бывшаго начальника и учителя *).

Какъ Зырянскіе волхвы смотрѣли на самихъ себя? Были ли они сознательными обманщиками народа? По нашему мнѣнію, эти жрецы, чародѣи, обоянники и пр. употребляли свое искусство не какъ орудіе обмана, но по безсознательному къ тому влеченію; суевѣріе вводило ихъ самихъ въ обманъ, такъ что они считали себя дѣйствительно способными творить чудеса.

Таковы колдуны въ настоящее время во всемъ Зывянскомъ краѣ, съ ихъ замѣчательнымъ искусствомъ напускать на людей и скотъ болѣзни (*«шева лэчьны»*— портить) и вылѣчивать ихъ; таковы, думаемъ, были и волхвы во время язычества Зырянъ.

Можетъ быть, у волхва Пама, уничиженнаго св. Стефаномъ, была такъ глубока вѣра въ себя, въ собственное призваніе, что даже очевидные факты (безсиліе пройти сквозь огонь и воду), показались ему недостовѣрными. Суевѣріе подсказывало ему, что обманщикъ Стефанъ, и ни въ какомъ случаѣ не онъ, Памъ. Иначе Памъ убѣдился бы въ истинѣ проповѣдуемаго ученія и принялъ христіанскую вѣру, а не бѣжалъ вмѣстѣ съ другими волхвами въ Обдорскую страну.

Воспоминаніе о волхвахъ—колдунахъ, въ родѣ Пама, сохранилось до сихъ поръ въ преданіяхъ Зырянъ. Вотъ эти преданія.

---

*) Послѣ посрамленія Пама, св. Стефанъ спросилъ у Зырянъ: «что се вамь мнить?» (Чего онъ достоинъ по вашему суду?) Они же рѣша: «повиненъ есть казни». Тогда мужи Пермьсти, приступльше, яша и, и имше, предаша и Стефану, глаголюще: «возмы сего и казни и, яко повиненъ есть казни и по нашей пошлинѣ долженъ есть умрети»... (Памятники Ст. Р. Лит. в. IV, стр. 145).

Въ самыя отдаленныя времена, когда еще на берегахъ Печоры и Ижмы *), разсѣянно жили полудикія племена Зырянскихъ родичей, питаясь отъ промысла звѣрей и рыбъ, когда они еще не знали истиннаго Бога и покланялись каменнымъ и деревяннымъ богамъ, вблизи одного изъ Зырянскихъ селеній жилъ необыкновенный человѣкъ. Ростомъ онъ былъ съ высокую сосну, по голосу и по виду похожъ былъ болѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка. Черные, длинные волосы, лицо, обросшее черною бородою, налитые кровью глаза, косматая одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры,— вотъ примѣты этого человѣка, котораго Зыряне называли «Ягъ—Мортъ» **). Никто изъ Зырянъ не зналъ ни роду, ни племени «Ягъ—Морта» ***); говорили, что онъ выросъ вмѣстѣ съ дремучими лѣсами Запечорья, ****) и ему было столько же лѣтъ, сколько и этимъ лѣсамъ. «Ягъ—Мортъ» былъ великій чародѣй: въ водѣ не тонулъ и въ огнѣ не горѣлъ *****). Оспу ******) и другія человѣческія болѣзни, скотскій падежъ, бездожіе, без-

---

*) Рѣка *Печора* беретъ начало въ Пермск. губ. и впадаетъ въ Сѣв. океанъ; она проходитъ почти весь Зырянскій край; ея притоки: *Ылыдчъ* («дальняя рѣка»), *Пэдчеремъ* («рѣка, усыпляющая рыбъ»), *Мылва* («*му*»—земля, «*ва*»—вода), *Чугуръ* («кривое русло»). *Ижма* (по Зыр. «*Изъ-ва*»—каменная рѣка»)—притокъ р. *Печоры* начинается въ Вологод. губ. Устьс. уѣзда.

**) «*Ягъ*»—лѣсъ, боръ; «*мортъ*»—человѣкъ;—лѣсной человѣкъ.

***) Указаніе на самозванство древнихъ волхвовъ.

****) Мѣстечко въ Вологод. губ. Устьсыс. уѣзда.

*****) Сравн. хвастовство волха «Пама», старѣйшины Зырянскихъ волхвовъ. Памятники Стар. Русск. Лит. в. IV, стр. 143.

******) Натуральную оспу Зыряне называютъ «*Йенъ-письки*» (Божья оспа), а правивную «*мортъ-письки*» (человѣческая оспа). Принимать какія бы ни было мѣры противъ «Божьей оспы» считается грѣхомъ.

вѣтріе, лѣсные пожары и вообще всѣ физическія бѣдствія и необыкновенныя явленія природы, Зыряне приписывали волхвованіямъ «Ягъ—Морта». Онъ повелѣвалъ стихіями, помрачалъ звѣзды, солнце и луну и, по понятіямъ Зырянъ, не было предѣла темному могуществу чародѣя.

«Ягъ—Мортъ» жилъ отдѣльно отъ Зырянъ, въ неприступныхъ мѣстахъ, за непроходимыми болотами, разсѣянными около рѣки Кучи, въ Запечорьи, но онъ часто приходилъ къ Зырянамъ для насилія, грабежа и убійствъ. Послѣдніе избѣгали съ нимъ встрѣчи. Одно имя «Ягъ—Морта» наводило страхъ на Зырянъ. Сохранилась и до сихъ поръ пѣсня, которую поютъ Печорскіе Зыряне, пугая въ ней «Ягъ—Мортомъ» неугомонныхъ дѣтей:

«Ягъ—Мортъ ыджидъ, кыдчь буръ козъ-пу.
«Ягъ—Мортъ» великъ, какъ добрая ель;

«Ягъ—Мортъ сьэдъ, кыдчь пачъ шомъ!
«Ягъ—Мортъ» черёнъ, какъ печной уголь!

«Энъ бэрдъ, ше! Ягъ—Мортъ воасъ,
Не плачь, дитя! Ягъ — Мортъ придетъ,

«Кутанъ бэрдны,—тэнэ сьоасъ.
Станешь плакать,—тебя съѣстъ.

«Ягъ—Мортъ» любилъ навѣщать Зырянскія селенія ночью, и тогда каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, похищалъ женъ и дѣтей *). Ненависть «Ягъ—Морта» ко всему живущему иногда простиралась до того, что онъ убивалъ безъ всякой причины встрѣчнаго и поперечнаго. Выведенные изъ терпѣнія всѣми его злодѣй-

*) Указывается на алчность и жестокость древнихъ волхвовъ.

ствами, Зыряне всѣми мѣрами старались погубить его: они ловили его, какъ звѣря, строили засады, выкапывали громадныя ямы, но ничто не помогало. Хитрости онъ противопоставлялъ хитрость. Во всемъ Запечорьи не выискалось человѣка, который бы могъ помѣрятся силами съ «Ягъ—Мортомъ»: розмахъ топора былъ ему нипочемъ, удары копій отражалъ онъ палицею, а стрѣлы отскакивали отъ его груди.

Затѣмъ разсказываютъ о пропажѣ красавицы «Райды» изъ одной Зырянской семьи, *) и причина этого несчастія объясняется похищеніемъ ея «Ягъ—Мортомъ». Старики Зыряне такъ и порѣшили, что «Райда» пропала безвозвратно, потому что искать суда на «Ягъ—Морта» не у кого. Но женихъ «Райды» кликнулъ кличъ, выбралъ равныхъ себѣ молодцовъ и рѣшилъ вмѣстѣ съ ними, во чтобы то ни стало, убить ненавистнаго колдуна. Они увидали «Ягъ—Морта», когда тотъ переходилъ въ бродъ рѣку Ижму, и незамѣченные имъ изъза густаго лѣса поражали его стрѣлами, копьями и каменьями. Послѣ отчаяннаго и кровопролитнаго боя, Зырянамъ, однако, удалось побороть врага. Тогда они схватили «Ягъ—Морта», отсѣкли ему руки и пригрозили отрубить голову, если онъ не скажетъ, гдѣ скрыта «Райда», и обезкураженный и изуродованный волшебникъ—силачъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей. Онъ повелъ ихъ на высокій, отвѣсный берегъ рѣки *Кучи* **), гдѣ была выкопана огромная пещера, жилище «Ягъ – Морта». Недалеко отъ входа въ эту пещеру, на большой грудѣ разнаго хламу, лежалъ полуистлѣвшій человѣческій трупъ. Это были

---

*) «*Райда*»—имя, общее почти всѣмъ Зырянскимъ преданіямъ.

**) *Кучъ*, по-зырянски орелъ.

обезображенныя остатки красавицы «Райды». Въ глубинѣ пещеры Зыряне нашли много разныхъ богатыхъ вещей, сложили все въ кучу и сожгли, а пещеру засыпали землей, забросали каменьями, заклали бревнами. Затѣмъ «Ягъ-Морту» отрубили голову, въ спину забили осиновый колъ *) и закопали его глубоко въ землю **), а на томъ самомъ мѣстѣ сдѣлали небольшой холмикъ или курганъ. Этотъ холмикъ, подъ которымъ похороненъ «Ягъ-Мортъ», и теперь въ памяти у Зырянъ. Онъ находится на правомъ берегу рѣки Кучи, впадающей въ Ижму, въ полверстѣ отъ Ижемскаго села ***). Всякій, проходящій мимо этого холмика, непремѣнно долженъ бросить на него камень, сукъ, палку или что нибудь ****). Это ведется у Зырянъ съ незапамятныхъ временъ и кто почему-нибудь не исполнитъ такого обряда, того старожилы осудятъ за неисполненіе отеческихъ обычаевъ. «Озъ ло сылы шань, съіе нинэмъ эзъ шибитъ Ягъ-Мортъ гувылэ *****), говорятъ они такому. Старики увѣряютъ, что въ прежнее время очень часто, особенно въ темныя осеннія ночи, запоздалые путники встрѣчали какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, и курганъ окружался синеватыми

---

*) Осиновый колъ играетъ важную роль во всѣхъ преданіяхъ Зырянъ о чародѣяхъ и волшебникахъ. Онъ вколачивается въ спину чародѣя для того, чтобы тотъ не ожилъ.

**) По другому преданію, «Ягъ-Морта» сожгли живаго и пепелъ развѣяли по вѣтру.

***) «Куча» отъ «*кыдчъ*» значитъ рѣка круговая или кольцомъ.

****) Въ Волог. губ., Кадниковск. уѣзд. есть курганъ, гдѣ по преданію похороненъ извѣстный всѣмъ Аника; всякій прохожій непремѣнно обязанъ также бросить прутъ или камешекъ.

*****) Т. е. не видать ему добра: онъ даже ничего не кинулъ на могилу «Ягъ-Морта».

огоньками *), нерѣдко слышались тамъ нечеловѣческіе крики и рыданія **).

Вотъ образчикъ Зырянской легенды. Въ ней, разумѣется, къ прошлому много прибавилось новаго: къ простому разсказу о «Ягъ-Мортѣ», какъ волхвѣ, «*Шаманѣ*», привнесены черты разбойника, отъявленнаго злодѣя и проч. Вообще, по нашему мнѣнію, вторая половина разсказа о «Ягъ-Мортѣ» есть позднѣйшая прибавка.

Разсказъ, подобный преданію о «Ягъ-Мортѣ», существуетъ о «Мортъ-юрѣ» ***).

Въ отношеніи къ древнимъ волхвамъ, «*Шаманамъ*» интереснѣе другое преданіе.

Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи есть село «Кэртъ-керэсъ» ****). Названіе села состоитъ изъ двухъ Зырянскихъ словъ: «*кэртъ*» — желѣзо и «*керэсъ*» — гора, плоское возвышеніе; «*кэртъ-керэсъ*» значитъ желѣзная гора. Точно такъ же, какъ въ трехъ верстахъ отъ «кэртъ-керэса» есть «*кэртъ-ты*» — желѣзное озеро, а не далеко отъ него: «*кэртъ-ягъ*» — желѣзный боръ *****). Съ этимъ названіемъ села и соединено преданіе у Зырянъ. Зыряне говорятъ, что село «Кэртъ-кэрэсъ» потому носитъ такое названіе, что когда-

---

*) По всей вѣроятности «блуждающіе огоньки».

**) Женщины--Зырянки и дѣти и теперь отъ души вѣрятъ подобнымъ разсказамъ своихъ почтенныхъ дѣдушекъ и боятся приблизиться къ заколдованому кургану: они обходятъ это страшное мѣсто.

***) Въ Вологод. губ. Устьсысольск. уѣзд. этимъ именемъ названа рѣчка, впадающая въ рѣку *Ылычъ*.

****) Въ 45 верстахъ отъ г. Устьсысольска.

*****) Замѣтимъ, что «Кэртъ-керэсъ» — названіе села старинное. Теперь Зыряне называютъ это село «Кія» по имени рѣчки «Кіи», протекающей въ верстѣ отъ села и впадающей въ Вычегду.

то, въ старые годы, здѣсь имѣлъ пребываніе *Кэртъ-Айка* — желѣзный свекоръ, необыкновенный колдунъ, чрезвычайно рослый, сильный и, вообще, страшный человѣкъ. Всѣ окрестные жители трепетали *Кэртъ-Айки*. Они много страдали отъ его ужасныхъ злодѣяній, но всѣ требованія «*Кэртъ-Айки*» исполнялись Зырянами строго. Никто изъ нихъ не смѣлъ и подумать, чтобы хоть когда-нибудь возможно было освободиться отъ жестокаго вліянія этого страшнаго колдуна. Каждый изъ Зырянъ боялся, чтобы «*Кэртъ-Айка*» не простеръ свою месть на всѣхъ тѣхъ, которые и въ тайнѣ рѣшились-бы замыслить что-нибудь противъ своего ужаснаго врага, потому что онъ напередъ узналъ-бы всѣ замыслы противъ него Зырянъ. Торговые суда, проплывавшія рѣкою Вычегдою въ Сибирь, не могли никакъ избавиться отъ задержки и грабительства со стороны «*Кэртъ-Айки*». Во всю ширину рѣки Вычегды, по теченію ея, ниже села «Кэртъ-Керэса», была протянута желѣзная цѣпь, на концѣ которой висѣлъ колоколъ для сигналовъ ночной стражи *Кэртъ-Айки*. Этотъ караулъ ежедневно назначался по обѣ стороны Вычегды, около протянутой чрезъ нее цѣпи. *Кэртъ-Айка* владѣлъ всемъ Зырянскимъ, Вычегодскимъ краемъ и злодѣйствовалъ болѣе ста лѣтъ. И только св. Стефанъ («*Вежа-Стэпэ*»), просвѣтитель Зырянскаго народа, положилъ конецъ страшному владычеству *Кэртъ-Айки*: онъ заставилъ его удалиться изъ Зырянскихъ предѣловъ.

Мы разсмотрѣли полный кругъ языческихъ вѣрованій Зырянъ. Въ заключеніе укажемъ на условія, подъ вліяніемъ которыхъ родились и воспитались эти вѣрованія; уяснимъ кратко соотношеніе этихъ условій къ выросшей на почвѣ ихъ и воспитанной ими языческой религіи Зырянъ.

Языческія божества древней Греціи, какъ извѣстно, раздѣлялись на два лагеря: одни были добрыя, другія—злыя; одни помогали людямъ въ ихъ дѣлахъ, а другія вредили, но добрые боги и духи превосходили и численностью и силою злыхъ боговъ и духовъ *); отъ самыхъ образовъ божествъ вѣяло симпатіей и красотой. Не таковы божества древней Индіи, Китая и, вообще, азіатскихъ народовъ. Самыя изображенія этихъ божествъ пугали своихъ поклонниковъ. Большинство изъ бговъ были злыми, карали человѣчество. Причина того, что въ одной странѣ было больше добрыхъ боговъ и духовъ, а во второй больше злыхъ, чѣмъ добрыхъ,—понятно. Извѣстна та истина, что каждый человѣкъ—дитя своей мѣстности, своей родины. Вліяніе мѣстныхъ условій на характеръ жителей, на ихъ темпераментъ, на ихъ физіономію, сложеніе тѣла, цвѣтъ кожи и т. д.—неоспоримо. Равнымъ образомъ, языкъ, психическія свойства (движеніе мысли, воли и пр.) и религіозныя представленія подлежатъ вліянію тѣхъ же мѣстныхъ условій. Индіецъ, Браминъ, Буддистъ не могъ себѣ представить божество иначе, какъ существомъ чудовищнаго вида, грознымъ, карающимъ, потому-что кругомъ себя видѣлъ величественные, но въ тоже время грозные виды и явленія природы: предъ нимъ высились горы съ непроходимыми ущельями, скалы, покрытыя высокимъ, дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ жили громадной величины животныя; ему грозили гибелью частые ураганы, смерчи и т. д. и т. д.; словомъ, здѣсь природа устрашала человѣка.

Совсѣмъ другого характера вліяніе природы на че-

---

*) Мы не говоримъ о неумолимой Мойрѣ (Μοῖρα, Ανάγκη).

ловѣка въ Греціи. Здѣсь природа своими красивыми видами ласкала человѣческій взоръ. Воображеніе Грека не было поражено грозными явленіями; оттого оно и населило Олимпъ божествами и духами прекрасными, величественными и добрыми.

Вглядываясь пристальнѣе и глубже въ духовную жизнь Зырянъ, мы также можемъ, до извѣстной степени, прослѣдить, каково было вліяніе природныхъ условій мѣстности на духовное развитіе и свойства жителей. Малочисленное (судя по занимаемому ими пространству) *), неразвитое населеніе, среди глухихъ лѣсовъ, прежде всего должно было подчиниться подавляющему вліянію мѣстности: тутъ громадныя деревья, издавна поваленныя вихрями, вмѣстѣ съ вывороченными корнями, облѣпленными комками земли, гніютъ нетронутыми; тамъ непроходимыя болота и озера; здѣсь горы и овраги; вездѣ мѣстность неровная, некрасивая, непривѣтливая. Все это даетъ картинѣ Зырянскаго края колоритъ очень мрачный. Даже и теперь, вблизи отъ жилья, въ Зырянскихъ лѣсахъ испытывается какое-то тяжелое чувство. Зимой Зырянскій край принимаетъ еще болѣе суровый оттѣнокъ. Глубокіе снѣга, трескучіе морозы (до 45° и бол. по R.), сильныя вьюги и мятели, засыпающія и дорогу и путника вмѣстѣ съ санями и лошадью, окончательно сковываютъ воображеніе жителей края, навѣки отдаляютъ ихъ отъ возможности испытать что-либо прекрасное, содѣйствующее пробужденію и развитію духовной жизни. Отсюда весьма естественно, что вліяніе мрачной при-

---

*) Въ настоящее время Зырянъ болѣе трехъ сотъ тысячъ: въ Вологодской губ. 140 тысячъ, въ Пермской 120 тысячъ, въ Вятской 20 т. у Архангельской 40 тыс.

роды на душу Зырянъ выразилось, какъ нельзя лучше, въ ихъ языческой религіи. Идея божества представлялась Зырянамъ въ образѣ грозномъ: у нихъ вездѣ были злые божества и духи. Главное, если не исключительное, свойство *Куля*, *Вэрса*, *Йомы*, *Зарни-Ань*, *Войтэла* и др. алчность къ жертвамъ. Но эти жертвы, стоившія времени и громадныхъ трудовъ, со стороны Зырянъ не были выраженіемъ благоговѣйнаго чувства къ богамъ: онѣ приносилиеь имъ, какъ необходимая дань. Служеніе богамъ было только умилостивленіемъ *). Зыряне только *боялись* своихъ боговъ, а не надѣялись на нихъ!

Въ этомъ, по нашему мнѣнію, состояла коренная особенность языческой религіи Зырянъ.

*) Принося обильныя жертвы богамъ, Зыряне не просили у нихъ помощи, но старались лишь о томъ, чтобы они хоть не вредили имъ; чтобы утолить ихъ кровожадность, они мазали идоламъ ротъ кровью убитыхъ животныхъ.

III.

Въ двухъ предъидущихъ главахъ мы представили очеркъ матеріальнаго, семейнаго и общественнаго быта древнихъ Зырянъ, по преданіямъ, историческимъ извѣстіямъ и остаткамъ языческихъ вѣрованій, описали древнихъ боговъ Зырянъ и языческіе обряды, совершавшіеся при служеніи богамъ, — въ настоящей главѣ перейдемъ къ изложенію событія, послужившаго началомъ новой эпохи въ исторіи Зырянъ, именно — къ обращенію ихъ въ христіанство.

Начало христіанства въ странахъ, населенныхъ Чудью, — предками Зырянъ, обыкновенно возводятъ къ очень раннему времени. Такъ г. Савваитовъ въ своей статьѣ «Начало и распространеніе христіанства въ Вологодской губерніи» говоритъ: «Въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка положены первые начатки христіанской вѣры въ странахъ, населенныхъ бѣлоглазою Чудью Заволоцкою» *). Съ этимъ мнѣніемъ согласны и дру-

*) Подъ нею онъ разумѣетъ первобытныхъ жителей Двинской земли или нынѣшнихъ—Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской губерній, т. е. Зырянъ и Пермяковъ. Вѣстн. Имп. Русс. Географ. Общ. 1858 г. № 2, стр. 2. По мѣстнымъ лѣтописямъ, начало христіанства въ Вологодскомъ краѣ опредѣляется 990 г. (См. Волог. губ. вѣд. 1838 г. № 1 «Лѣтописи г. Вологды»).

гіе изслѣдователи вопроса объ обращеніи въ христіанство сѣверныхъ инородцевъ *). Въ основу этого взгляда приводятъ во первыхъ — частое посѣщеніе дальнихъ сѣверныхъ странъ Новгородцами—христіанами и ихъ переселеніе въ эти страны, во вторыхъ—раннее прибытіе на сѣверъ отшельниковъ—монаховъ, первыхъ миссіонеровъ среди язычниковъ Чуди **). Указывая на эти два факта, продолжаютъ, что уже въ XII вѣкѣ на берегахъ Сѣверной Двины были построены Новгородцами монастыри съ цѣлью миссіонерства***). Приводятъ въ подтвержденіе также разсказъ Хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова или Вятки Новгородскими ушкуйниками, о построеніи ими первыхъ христіанскихъ церквей на Чудь-болвановскомъ и Кокшаровскомъ городкахъ ****).

Неоспоримъ тотъ фактъ, что Новгородцы стали по-

---

*) См. Прибавл. къ Творен. Св. Отцевъ за 1845 г., ст.: «О мирномъ распространеніи христіанства на сѣверѣ». Вологод. губ. вѣдом. за 1845 г., № 2: «Объ основаніи 4-хъ Халезскихъ приходовъ Никольскаго уѣзда». Журн. Мин. Нар. Просв. за 1857 г., ч. 23-я, стат. Архим. Макарія: «Распространеніе христіанства въ предѣлахъ Пермской епархіи». Вѣстн. Европы за 1866 г., т. I. Мартъ, ст. Ежевскаго: «Русская колонизація Сѣверо-Восточнаго края».

**) Ежевскій, стр. 239—240.

***) Погодинъ, Древ. Ист. Русс. II т., 47 стр. Памятн. книжка Пермской губерніи за 1863 г., ст. Пенна: «Матеріалы для исторіи Пермскаго края», стр. 36, 48—60. Миссіонеръ за 1875 г. № 42, ст. Н. Бѣляева: «Св. Стефанъ, просвѣтитель Перми». По свидѣтельству Двинскихъ лѣтописей, жители Печорскаго края были данниками Новгородцевъ еще въ княженіе Владиміра (Труды Вольнаго Росс. Собр. 1827 г., т. I, стр. 114 и слѣд.).

****) Въ 1170 году. Ежевскій, «Русс. Колониз.» стр. 237. По свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописей Прибалтійская Чудь была просвѣщена Новгородцами и Псковичами въ 1147 г. (Ист. Погодина II т., стр. 47).

сѣщать сѣверо-восточныя страны Россіи очень рано. Въ первой главѣ мы говорили объ обширной торговлѣ Новгородцевъ съ жителями сѣвернаго края съ конца X или начала XI вѣка. Но насколько Новгородцы при торговыхъ дѣлахъ съ язычниками—Зырянами и Пермяками были распространителями среди нихъ христіанской вѣры,—вопросъ спорный *). Интересуясь лишь чисто коммерческими дѣлами, добываніемъ дорогихъ мѣховъ и «закаменьскаго» серебра, Новгородцы едва-ли обращали серьезное вниманіе на духовныя нужды подвластныхъ имъ Зырянъ. Скорѣе всего можно думать, что Новгородскіе ушкуйники и торговцы своими обидами и нечестностью навлекали на себя гнѣвъ со стороны Зырянъ, а въ такомъ случаѣ о вліяніи Новгородцевъ на нравственно-религіозную сторону язычниковъ-Зырянъ не можетъ быть и рѣчи.

Несравненно довѣрчивѣе можно отнестись къ миссіонерской дѣятельности иноковъ-пустынниковъ, людей несомнѣнно благочестивыхъ, искреннихъ, которые селились въ разныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной части Европейской Россіи, начиная съ XII вѣка и ранѣе. Такъ извѣстно, что въ половинѣ XII в. инокъ Лазарь Муромскій миссіонерствовалъ среди Лопянъ и Чуди, жившихъ невдали отъ Онежскаго озера **). Въ 1251 г. былъ основанъ Спасо-Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ (въ 70 верст. отъ г. Вологды), княземъ

---

*) Подъ 1193 г. въ Новгородскихъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что Новгородцы при своихъ походахъ на сѣверо-востокъ Россіи не забывали брать съ собой и Священниковъ: «Идоша изъ Новагорода къ Югру и взяша городъ и иде въ городъ воевода пойма съ собой попа Ивана Легена и инѣхъ вячьшихъ». Но Новгородцы брали Священниковъ не для миссіонерства, а для своихъ нуждъ.

**) «Очерки Архангел. губ.», Верещагина. СПБ. 1849 г.

Глѣбомъ Васильковичемъ; изъ этого монастыря иноки отправлялись въ разныя стороны для распространенія христіанства среди Заволоцкой Чуди *). Въ 1352 г. Преподобный Лазарь, постриженникъ Высогорскаго монастыря, поселившись на Муромскомъ или Мурманскомъ островѣ Онежскаго озера, распространялъ христіанство между Лопарями и Чудью, жившими на берегахъ Онежскаго озера **).

Но всѣ эти частные случаи обращенія въ христіанство инородцевъ Финнскаго племени не представляли изъ себя какого-нибудь замѣчательнаго явленія въ исторіи.

Основной починъ крупнаго факта,—обращенія въ христіанство Зырянъ, — принадлежитъ св. Стефану, первому Епископу Зырянъ и относится къ послѣдней четверти XIV вѣка. Поэтому признаемъ особенно важнымъ, по возможности подробнѣе, изложить біографію Первосвятителя Зырянъ. Единственнымъ источникомъ о жизни и миссіонерскихъ подвигахъ святаго Стефана, для насъ служитъ «Повѣсть о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ» или «Слово о житіи і ученіи Святаго Отца нашего Стефана, бывшаго въ Пермі Епіскупа преподобнаго въ Священноинокыхъ отца нашего Епифаніа» ***). Эта повѣсть «съчіненная» неза-

---

*) Истор. Росс. іерархіи, Митр. Амвросія, т. IV, стр. 326.

**) Вологодск. губерн. вѣдом. за 1846 г. № 8, 9, ст.: «Сказаніе о упраздненномъ Троицкомъ Онежскомъ монастырѣ и о препод. его основателяхъ» Н. Волкова. Ср. Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. V, стр. 115.

***) Авторъ этой «повѣсти», впослѣдствіи инокъ Троице-Сергіевой обители, Епифаній былъ ученикъ и другъ св. Стефана; они жили вмѣстѣ, пока св. Стефанъ, въ 1379 г., не отправился на

долго послѣ смерти св. Стефана, въ самомъ концѣ XIV или началѣ XV вѣка и помѣщенная въ великой Четьи-Минеѣ Митр. Макарія и въ сокращенномъ видѣ въ Четьи-Минеѣ св. Димитрія Ростовскаго подъ 26 числомъ Апрѣля *), представляетъ изъ себя не столько историческое описаніе дѣлъ св. Стефана, сколько краснорѣчивыя разсужденія по поводу его миссіонерской дѣятельности, съ длинными выписками текстовъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви. Причина такого характера «повѣсти» отчасти выяснена самимъ авторомъ. Такъ, въ предисловіи къ повѣсти Епифаній сознается, что онъ не былъ очевидцемъ всѣхъ дѣлъ Стефановыхъ, а потому собиралъ извѣстія «о житіи его здѣ и ондѣ: ова слоухомъ оуслышахъ, ова же отъ оученикъ его оувѣдахъ, яже о учительствѣ, оуправлені; есть же другое, яко и своими очима видѣхъ, иноіе же и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды и отъ того навыкъ» **)... А въ по-

---

дѣло проповѣди къ Зырянамъ-язычникамъ,—тогда Епифаній переселился въ Троицкій монастырь къ преп. Сергію, другу свят. Стефана и написалъ особое сочиненіе о жизни святаго Сергія. Этотъ Епифаній былъ ученѣйшимъ своего времени, такъ что современники назвали его премудрымъ. Есть мнѣніе, будто онъ путешествовалъ въ Царь-Градъ, Іерусалимъ и др. мѣста. См. Душеполезн. Чтен. за 1885 г., ч. 2, стр. 129.

*) Мы только по мѣстамъ дѣлали справки по рукописямъ Софійской библіотеки и сборнику XV—XVI вѣка, находившемуся въ библіотекѣ покойнаго археалога, П. И. Савваитова; при постоянныхъ же справкахъ пользовались рукописью изъ сборника XVI вѣка Синодальной библіотеки, напечатаннаго въ «Памятн. Старинной Русской Литературы», изд. графа Кушелева-Безбородко 1862 года, вып. IV, стр. 119—171, на который мы уже и дѣлали ссылки въ нужныхъ случаяхъ.

**) Дальше авторъ, по обычаю своего времени, извиняется въ томъ, что онъ и «оумомь гроубъ, и словомъ невѣжа», такъ какъ

слѣдней главѣ: «плачь и похвала инока спісающа» объ отношеніяхъ между собою и Стефаномъ, Епифаній говоритъ: «нѣкогда съ тобою спірахся о нѣкыхъ о приключшихся, или о словѣ о стерѣ *), или о коемъ ждо стисѣ, или о строцѣ... Азъ бо есмь рабъ твой, помню, лишшую же имѣ ко мнѣ любовь, еюже о мнѣ яко многажся и прослези **)». Такимъ образомъ Епифаній зналъ о св. Стефанѣ кое-что и лично, а больше чрезъ посредство другихъ ***).

Св. Стефанъ родился въ городѣ Двинской области, Устюгѣ отъ «клирика великія соборныя церкве святыя Богородицы», Симеона и отъ матери Маріи ****). Лѣто-

---

въ молодости не побывалъ въ Аѳинахъ и не слушалъ знаменитыхъ философовъ греческихъ, то только надѣясь на помощь Божію пишетъ свою повѣсть и пр. См. Пам. Стар. Лит. в. IV, стр. 119—20.

*) Нужно «о етеремь» (т. е. о другомъ), см. въ ркп. сборникѣ XV вѣка.

**) Памятники, стр. 166—167.

***) Прот. Евгеній Поповъ говоритъ, что Епифаній могъ видѣться со Стефаномъ каждый разъ, какъ тотъ посѣщалъ Троицкую Лавру по пути въ Москву и лично могъ узнавать о миссіонерскихъ дѣлахъ его. См. «Житіе св. Стефана, просвѣтителя Зырянъ». Пермь, 1888 г. стр. 91. Не смѣемъ отвергать и это мнѣніе достоуважаемаго автора.

****) Епифаній, Пам. Ст. Р. Л. в. IV, стр. 120—121. «Повѣсть» Епифанія была передѣлана ученымъ Аѳонскимъ монахомъ Пахоміемъ Сербомъ, прибывшимъ въ Москву при Василіи Темномъ (см. Ист. Росс. Иловайскаго т. II: «Московско-Литовскій періодъ и собиратели Руси». Москва. 1884 г. стр. 417—18. О взаимномъ отношеніи ученыхъ трудовъ Епифанія и Пахомія). Кромѣ «повѣсти» Епифанія, какъ историческаго памятника, отрывочныя свѣдѣнія о св. Стефанѣ находятся въ «Полн. Собр. Русс. Лѣтоп.» т. III, стр. 92, 133, 232; т. IV, стр. 15, 94, 445; т. V, стр. 239—242, 245—250, 125; т. VI, стр. 129; т. VIII, стр. 69; «Никонов. Лѣтоп.» т. IV, стр. 116, 140, 149, 196 и 267. «Степенная книга» (Москва 1775 г.) т. I, стр. 524; т. II, стр. 129. Какъ пособія о жизни св. Стефана и его миссіонескихъ дѣлахъ, можно указать на слѣдующія книги и от-

писи сохранили предсказаніе Прокопія Устюжскаго еще трехлѣтней Маріи, будущей матери св. Стефана, о рожденіи отъ нея «свята мужа, учителя Пермьскаго» *). Годъ рожденія св. Стефана не указанъ Епифаніемъ, но соображаясь съ обстоятельствами его жизни, можно съ достовѣрностью относить время его рожденія къ концу первой половины XIV вѣка **).

дѣльныя сочиненія: «Истор. Росс. іерарх.» Арх. Амвросія. Москва 1807—1815 г. т. I, стр. 395; т. IV, стр. 326—9; т. V, стр. 550 и 560; т. VI, стр. 328, 467, 566—580, 649. «Крат. церк. ист.» М. Платона. Москва. 1823 г. стр. 230—31, 244; «Словарь ист. о бывш. писат. духовн. чина» Митр. Евгенія, т. II. Спб. 1827 г. стр. 230—251; «Словарь истор. о свят. прославлен. въ Росс. церкви и о нѣкоторыхъ подвижн. благоч. мѣстно чтимыхъ» Муравьева. Спб. 1836 г. стр. 253—6; «Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, Еп. Пермскаго», А. М. (Архим. Макарія), Спб. 1856 г; «Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій» П. Шестакова. Казань 1858 г. и въ Учен. запис. Казан. Унив. за 1868 г. «Житіе св. отца нашего Стефана» Спб. 1877 г. изд. Троицко-Стефано-Ульяновскаго монастыря Волог. губ., Устьс. уѣзда, «В.—Пермская и Пермская епархія (1379—1879 г.)» Прот. Евгенія Попова. Пермь 1879 г. стр. 250—358 и дал. «Житіе св. Стефана просвѣтителя Зырянъ», его-же, Пермь 1888 г. Вологод. губ. вѣд. за 1850 г. № 1—12 ст. г. Михайлова: «Устьвымъ» и друг. Служба съ акаѳистомъ св. Стефану, составленная монахомъ Пахоміемъ (упомянутымъ), по благословенію шестаго Епископа Пермскаго Филоѳея (1472—1501 г.), помѣщена въ печатн. Минеѣ, только безъ акростиха (см. Сбор. служ. Св. Русс. 1698 г.)

*) «Се грядетъ матерь великаго святаго мужа, учителя Пермьскаго», сказалъ св. Прокопій, поклонившись до земли выходившей изъ церкви послѣ вечерни трехлѣтней Маріи. (См. прологъ и Четью-Минею мѣс. Іюліа, 8 день, въ «житіи св. прав. Прокопія, Христа ради юродиваго»).

**) Годъ рожденія св. Стефана Архим. Макарій и составитель «житія» изд. Троицко-Стеф.-Ульян. монастыря относятъ къ 1330 г., а Прот. Евгеній Поповъ къ 1340 г., («житіе св. Стеф.», изд. 1888 г. стр. 6), принятіе монашества—къ 1366 г., отправку изъ Москвы на проповѣдь къ язычникамъ-Зырянамъ къ 1379 г. и хиротонію во Епископа для Зырянъ къ 1383 г., т. е. на 53 году жизни св.

Надѣленный отъ природы хорошими способностями, юный Стефанъ скоро научился читать и помогалъ своему отцу въ церкви *). Вѣроятно къ этому возрасту отрочества относится и его знакомство съ Зырянами, часто пріѣзжавшими въ Устюгъ для торговыхъ дѣлъ **), и ихъ языкомъ ***). Почувствовавши въ себѣ стремле-

---

Стефана. На самомъ же дѣлѣ опредѣляемые этими датами года жизни св. Стефана едва-ли совпадаютъ съ указанными событіями въ его жизни. Епифаній говоритъ, что св. Стефанъ постригся въ чернецы «еще младъ боуда въ оуности, отрокъ сы верстою» (Пам. 121 стр.), чего нельзя сказать о мужчинѣ 36 лѣтъ (т. е. если бы онъ родился 1330 г.). По нашему мнѣнію, годъ рожденія св. Стефана нужно отнести по крайней мѣрѣ къ 1346 г., чтобы лѣта постриженія сократить до 20-лѣтняго возраста. Около 1372 г., чрезъ 6 годовъ послѣ пострижения, когда св. Стефану было не болѣе 26 лѣтъ, онъ былъ посвященъ во іеродіакона Арсеніемъ, епископомъ Ростовскимъ (Памятн. 122 стр.), а въ 1379 г., еще чрезъ 6 лѣтъ, св. Стефанъ былъ посвященъ во іеромонахи Герасимомъ, епископомъ Коломенскомъ (тамъ же). Въ 1383 г., по лѣтописнымъ даннымъ, св. Стефанъ былъ хиротонисанъ во Епископа Зырянамъ, когда ему не было и 40 лѣтъ отъ роду (около 37 лѣтъ). Чтобы подтвердить этотъ кажущійся малымъ для Епископскаго сана возрастъ и потому сомнительнымъ для гг. изслѣдователей, припомнимъ то обстоятельство, что, незадолго до посвященія св. Стефана въ санъ Епископа, шаманъ «памъ», убѣждая новокрещенныхъ Зырянъ не слушаться Стефана, говорилъ: «лѣпо вы есть мене послушати паче: азъ бо есмь вашь давно и учитель, нежели оного Русина, и млада суща предо мною връстою тѣлесною, и малолѣтна, уна суща възрастомъ, лѣты же предо мною яко сына и яко внука мнѣ»... (Пам. 138 стр.).

*) ...«оучитилю же вскорѣ извыче, всю грамотоу яко до года, и конархатнемоу тачей чтець бысть во сборнѣй церкви»... (Епифаній, 121 стр.).

**) Зырянскія селенія въ то время находились недалеко отъ Устюга, такъ что Зыряне, вѣроятно, и помимо торговыхъ дѣлъ постоянно приходили въ Устюгъ.

***) Впрочемъ, по нашему мнѣнію, св. Стефанъ былъ самъ Зырянинъ по отцу или по матери и зналъ еще съ дѣтства зы-

ніе къ уединенной, иноческой жизни, молодой Стефанъ отправляется въ каѳедральный городъ своей епархіи Ростовъ и вступаетъ въ число братіи монастыря св. Григорія Богослова, называвшагося «затворъ», «яко книги многи бяхоу тоу... емоу на потребоу почитаниа ради», говоритъ Епифаній *). Здѣсь отрокъ Стефанъ обращаетъ на себя особенное вниманіе братіи, игумена и Епископа, какъ своею подвижническою жизнью, такъ и знаніемъ божественныхъ книгъ, такъ что спустя нѣкоторое время онъ «за многоую его добродѣтель поставленъ бысть въ діаконы отъ Арсенья, князя и епископа Ростовскаго» **). А затѣмъ, спустя еще нѣсколько времени, св. Стефанъ рукополагается въ санъ пресвитера Герасимомъ, еп. Коломенскимъ, «по представленьи Алексиа митрополита, повелѣніемъ намѣстника его именемъ Михаила, нарицаемаго Митяя» ***). Въ продолженіе всей своей жизни въ «затворѣ» ****), св. Стефанъ изучаетъ Священное Писаніе, знакомится съ отеческими твореніями, для чего предварительно научается греческому языку *****). Къ этому же времени нужно отнести и первые его труды по изученію зырянскаго языка, составленію зырянской азбуки и переводу нуж-

---

рянскій языкъ; наше мнѣніе тѣмъ справедливѣе, что Прот. Евгеній Поповъ и г. Лыткинъ признаютъ, что и самый г. Устюгъ въ Стефаново время былъ населенъ Зырянами.

*) Памятники, стр. 121.

**) Тамъ же, стр. 122.

***) Тамъ же.

****) Около 12 лѣтъ (Прот. Евг. Поповъ и др.).

*****) Въ Ростовскомъ монастырѣ въ XIV в. существовалъ обычай пѣть стихиры на лѣвомъ клиросѣ по-гречески, а на правомъ по-славянски («Сказаніе» Архим. Мак., стр. 15. Прот. Е. Поповъ, 16 стр.).

нѣйшихъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ. Чтобы провѣрить свой трудъ, св. Стефанъ отправляется изъ Ростова на родину, въ г. Устюгъ и здѣсь исправляетъ переводы. Затѣмъ отправляется въ Москву за благословеніемъ на подвигъ миссіонерства *). Епископъ Герасимъ, митрополичій намѣстникъ, снабжаетъ его Св. Мѵромъ, антиминсами, крестами, евангеліями и др. вещами на случай успѣха обращенія язычниковъ **), а великій князь Дмитрій Іоанновичъ—охранною грамотою. Прибывши назадъ въ г. Устюгъ, св. Стефанъ вскорѣже спускается по Сѣверной Двинѣ на устье Вычегды,—въ зырянскія селенія ***).

«И нача,—говоритъ жизнеописатель о первоначальной проповѣди св. Стефана,—яко овча посредѣ волковъ, посредѣ рода строптива и развращена ходити и проповѣдати Христа, истиннаго Бога, и учити христіанской вѣрѣ» ****). Первое зырянское селеніе, которое св. Стефанъ встрѣтилъ на своемъ пути, былъ «*Ырасъ*» *****), теперешній Котласъ, въ 60 верстахъ отъ г. Устюга, при устьѣ рѣки Вычегды. О томъ, какъ ближ-

---

*) Стефанъ открываетъ Еп. Герасиму свою задушевную мысль идти на проповѣдь къ невѣрнымъ: или обратить ихъ ко Христу или пострадать и положить голову за Спасителя. «И удивися Герасимъ таковому ко Христу усердію и спасенія душъ человѣческихъ желательству». (Епифаній, 125 стр.).

**) Епифаній, стр. 127, Прот. Евг. Поповъ, стр. 21.

***) «Всякомоу хотящемоу шествовати въ Пермьскоую землю, оудобезненъ поуть есть отъ града Оусть-юга рѣкою Вычегдою вверхъ: дондежь внидеть въ самоую Пермь» (Епифаній, стр. 123), т. е. Вычегодскую «парму».

****) «Житіе иже во святыхъ отца нашего Стефана, епископа Пермскаго, новаго чюдотворца». Четьи-Минеи, подъ 26 ч. Апр.

*****) Зырян. глаголъ «пырны» входить; «пырасъ» значитъ входъ, вступленіе.

ніе Зыряне встрѣтили проповѣдь миссіонера, Епифаній говоритъ: «отъ нихъ оубо, слышавше проповѣдь вѣры христьанскыа, овии хотяхоу вѣровати и креститися, а друзии же не хотяхоу, но и хотящимь възбраняхоу вѣровати. Елико же первіе мало нѣкто отъ нихъ вѣроваша и крещени быша отъ него, тѣ часто прихожаху къ немоу и присѣдяхоу присно ему, събесѣдоущее и съвъпрошающеся съ нимъ, и повсегда держахуся его и зѣло его любляхоу; а иже не вѣроваша, ті не любятъ его и отбѣгаютъ и оубити помышляютъ *). Несмотря на препятствія, св. Стефанъ построилъ въ «Пырасѣ» сначала часовню, а потомъ и церковь **). Продолжая путь свой вверхъ по рѣкѣ Вычегдѣ, по правому ея берегу, св. Стефанъ прошелъ слишкомъ 200 верстъ, черезъ зырянскія селенія: *Туглимъ Вожемъ, Ирты* ***), пока достигъ многолюднаго села *Гамъ* ****). На всемъ протяженіи своего пути, онъ ставилъ близъ деревень часовни и кресты, мѣста которыхъ до сихъ поръ сохраняются въ памяти Зырянъ; на нихъ построены новые кресты и часовни. Въ селѣ «*Гамъ*» св.

---

*) Памятники, стр. 127—128.

**) Истор. Рос. іерарх., т. 6, стр. 567. Лыткинъ, «Зырянскій край». стр. 46, прим. 2. По близкому разстоянію с. «Пыраса» отъ г. Устюга, можно думать, что религіозныя понятія жителей «Пыраса» были много очищены вліяніемъ христіанъ—сосѣдей, а потому сравнительно легко было для св. Стефана произвести въ нихъ рѣшительный поворотъ къ лучшему.

***) *Туглимъ*-зыр. «*туйлымъ*» значитъ дорога снѣжная; *Вожемъ* отъ зыр. «*Вожъ*» значитъ дорога направо или налѣво отъ большой дороги, поворотъ (изображается знакомъ ∨), *Ирты-йырты* значитъ глубокое озеро. Всѣ указанныя селенія съ того времени существуютъ до сихъ поръ.

****) *Гамъ* отъ «*гу*» земля, могила.

Стефанъ встрѣтилъ сопротивленіе народа, возбужденнаго *шаманами* и *тунами*. Разсвирѣпѣвшіе Зыряне хотѣли было уже убить его и сжечь его хижину. но постепенно увлекаемые его словами на зырянскомъ языкѣ, проникнутыми христіанскимъ смиреніемъ и любовью, они вдругъ почувствовали къ нему расположеніе и даже предложили домъ и пищу у себя *).

Прошедши тѣ мѣста, гдѣ теперь стоитъ г. *Яренскъ* и близъ него находящіяся селенія, св. Стефанъ остановился при сліяніи рѣки Выми съ Вычегдою, «на мѣстѣ нарицаемымъ на Усть-Выми», гдѣ было тогда средоточіе Зырянъ **). По преданію, св. Стефанъ, по прибытіи въ Усть-Вымъ, построилъ для себя келью на горѣ, въ пустынномъ мѣстѣ, подлѣ уважаемой Зырянами кумирницы, куда они приходили на поклоненіе своимъ богамъ. Вблизи кумирницы находилась необыкновенной величины, боготворимая Зырянами, ель ***). Здѣсь св. Стефанъ часто велъ бесѣду съ приходившими язычниками о вѣрѣ. Сначала встрѣтили его проповѣдь съ крикомъ и угрозою: «I окруживше его, і

---

*) Памятники, стр. 128. Волог. губ. вѣд. 1850 г. № 4.

**) Устьвымъ по-зырянски «*Йемъ-дынъ*», рѣка Вымъ--«*Йемъ-ва*», т. е. игла—рѣка; названа такъ, вѣроятно, потому, что дно этой рѣки очень чистое и вода прозрачная; «*Йемъ-дынъ*» значитъ мѣсто близъ иглы-рѣки. Замѣтимъ, что теперь зырянскія селенія начинаются съ деревни *Межоги* («межа» зыр. граница, предѣлъ), въ 20 вер. отъ г. Яренска и 90 вер. отъ Устьвыма.

***) Амвросій, Ист. Росс. іер. т. VI, 566—80 стр. Арх. Мак. «Сказ. о жизни св. Стефана» и Михайловъ, Вол. г. в. 1850 г. № 4 сообщаютъ, что по увѣренію однихъ, здѣсь была береза («*кыдчъ пу*»), а по другимъ — ель («*козъ пу*»). Думается, послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ ель полезнѣе березы: зернами еловыхъ шишекъ питаются бѣлки—одно изъ главныхъ богатствъ Зырянъ. Затѣмъ Зыряне предковъ своихъ называютъ ельниками («козъ-пу юрбитысьясъ»).

сташа окрестъ его, и секирами своими махахуся нань» *), но потомъ, какъ и «Пырасцы», нѣкоторые изъ мужей и женъ Усть-Вымa приняли св. крещеніе. Только что объ этомъ узнали мѣстные *шаманы*, какъ извѣстили своихъ братій по рѣкамъ Вишерѣ и Вычегдѣ. По этому призыву приплыли на лодкахъ въ Усть-Вымъ до 1000 вооруженныхъ Зырянъ и съ «яростью и дикими воплями» они обступили хижину св. Стефана, намѣреваясь ее разрушить, а самого предать смерти **), но по молитвѣ св. Стефана, всѣ Зыряне прибывшіе стали слѣпыми. Устрашенные этимъ чудомъ, они дали клятву не дѣлать ему вреда и въ наказаніе просили дать какую-нибудь работу ***). Четыре раза они нарушали свой обѣтъ и столько же разъ наказывались слѣпотой, но потомъ снова прозрѣвали по молитвѣ св. Стефана.

Утвердившись на своемъ мѣстѣ, Св. Стефанъ вскорѣ построилъ первую деревянную церковь въ Устьвымѣ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, «въ начатокъ спасенію Пермскія земли и вѣрѣ христове явленіе. Якоже и Благовѣщеніе спасенія нашего бѣ начало» ****). Спустя нѣкоторое время послѣ

---

*) Памятн. стр. 132.

**) Тамже.

***) Св. Стефанъ заставилъ ихъ: 1) вырубить деревья на горѣ, близъ своей кельи; 2) окопать гору и сдѣлать насыпи и рвы; 3) срубить лѣсъ на сосѣдней горѣ, отдѣлявшейся отъ первой небольшимъ ручьемъ, впадающимъ въ р. Вымъ и 4) сдѣлать у ней окопы и рвы, какъ и у первой горы. См. Вол. г. в. 1850 г № 9. Эти насыпи и укрѣпленія въ концѣ XIV и въ XV вв. послужили защитою для Зырянъ отъ Вогуличей.

****) Памятн., стр. 130 и 131. Лыткинъ думаетъ, что самъ св. Стефанъ былъ и архитекторомъ этого храма, онъ же писалъ и иконы для храма. «Зырянскій край», стр. 50, примѣчаніе 1.

этого *), св. Стефанъ построилъ въ Устьвымѣ новую деревянную церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, въ память дня пришествія своего въ Устьвымъ, и близъ обѣихъ церквей, на другомъ холмѣ,—третью церковь во имя Архангела Михаила, на мѣстѣ уничтоженнаго имъ предмета обожанія Вымскихъ Зырянъ, извѣстнаго въ преданіи подъ именемъ «прочудливой ели» **). Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ зырянскія преданія,

---

*) Церковь въ честь Благовѣщенія была построена не ранѣе лѣта 1380 г. (Лыткинъ, «Зырянскій край», стр. 48 примѣчаніе 1).

**) Ист. Росс. іерар. т. VI. стр. 566—580. Благовѣщенская церковь каменная и теперь существуетъ въ Устьвымѣ на мѣстѣ прежней деревянной, освящена 25 Января 1746 г. Архангельская церковь существовала послѣ св. Стефана (съ возобновленіями) до 300 лѣтъ (у историковъ извѣстна «рядная запись» отъ 1683 г. на постройку новой деревянной церкви во имя Архистратига Михаила вмѣсто той, которая первоначально была устроена св. Стефаномъ. См. Извѣст. Имп. Археол. Общ. за 1861 г. в. 2). На томъ же мѣстѣ, гдѣ была обожаемая прокудливая или прочудливая ель, подъ тѣмъ же названіемъ, вмѣсто второй деревянной, всего черезъ 100 лѣтъ, именно въ 1787 г. была построена каменная церковь. При постройкѣ, пень отъ прочудливой ели, срубленный св. Стефаномъ, былъ найденъ подъ престоломъ старой деревянной церкви и разобранъ по частямъ тогдашними Зырянами, чтившими еще память своихъ предковъ и предметъ ихъ обожанія (мѣсто, гдѣ была ель, теперь находятся подъ діаконскимъ амвономъ). На сѣверозападѣ отъ Архангельской церкви находится каменная двухъ-этажная церковь (верхній предѣлъ во имя Вознесенія Господня, нижній—во имя свят. Николая), построенная около 1745 г. на мѣстѣ прежней деревянной, построенной въ 1711 г. Преданія объ этой древней церкви не извѣстны. Сѣвернѣе ея находится каменная церковь во имя св. Стефана, неизвѣстно когда построенная. Всѣ эти храмы стоятъ на двухъ холмахъ. Холмъ, гдѣ находятся церкви Благовѣщенія и св. Стефана, насыпанъ, по преданію, св. Стефаномъ, при содѣйствіи новокрещенныхъ Зырянъ и окруженъ оврагами; съ востока онъ отдѣляется ключемъ отъ природнаго холма; съ южной

Св. Стефанъ, прежде чѣмъ рѣшился уничтожить кумирницу съ боготворимой елью, два раза удостоился получить откровеніе отъ Бога: «мужайся Стефане! испепели кумирницу и искорени прокудливую ель: Я твой помощникъ».

Новообращенные Зыряне разсказали св. Стефану о свойствахъ ели, которая у нихъ искони была оракуломъ, пользовалась общимъ народнымъ уваженіемъ, какъ обиталище духовъ. Съ надеждою на Бога, св. Стефанъ началъ рубить дерево; за каждымъ ударомъ разносились въ воздухѣ жалобные стоны и крики мужскіе и женскіе, старческіе и младенческіе: «Стефане, Стефане! зачѣмъ насъ гониши? Сіе есть наше древнее пребываніе». За каждымъ ударомъ лились изъ дерева разноцвѣтныя струи смрадной крови *). Въ первый день, св. Стефанъ не могъ срубить дерево, а когда на другой день, утромъ, онъ приступилъ снова къ работѣ, то, къ общему ужасу язычниковъ, нашелъ его цѣлымъ; только на третій день онъ успѣшно покончилъ съ елью. Паденіе ели съ горы въ рѣку Вымъ произвело страшный шумъ, потрясеніе подъ ней земли и всколыханіе рѣки. Когда наступила тишина, то св. Стефанъ велѣлъ рубить ель на части, а кумирницу разрушить. Все это,

---

стороны, къ рѣкѣ Вычегдѣ, насыпанный холмъ былъ окопанъ валомъ. По народному преданію, кедръ, который стоитъ теперь въ оградѣ Архангельской церкви, въ Устьвымѣ, посаженъ руками св. Стефана. Въ той же оградѣ есть часовня (каменная) во имя св. Стефана. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ была келья св. Стефана, которую онъ построилъ, по прибытіи въ Устьвымъ, вблизи прокудливой ели, гдѣ теперь стоитъ Архангельская церковь.

*) Что подобныя языческія вѣрованія, находившія себѣ опору въ нѣкоторыхъ физическихъ явленіяхъ, были и у другихъ народовъ, см. соч. Мандельштама; «Опытъ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа». Спб. 1884 г. ч. I стр. 90 и сл.

при различныхъ видимыхъ знаменіяхъ, *) было сложено въ костеръ, сожжено и обращено въ пепелъ, а затѣмъ развѣяно поднявшимся вихремъ и смыто дождемъ **). На этомъ-то мѣстѣ, ознаменованномъ чудесами, и была вскорѣ создана св. Стефаномъ церковь во имя Святыхъ Архангелъ Михаила и Гавріила и прочихъ безплотныхъ силъ: «да прогоняютъ и побѣждаютъ они мечтательную силу вражію», какъ говоритъ составитель житія св. Стефана ***).

Такимъ образомъ, отчасти крутыми мѣрами, какъ разрушеніе кумирницъ и идоловъ, а также кроткими увѣщаніями св. Стефанъ вліялъ на язычниковъ—Зырянъ. Послѣдніе такъ разсуждали между собой: «мнится намъ, яко разорити емоу древняя храмы и давныя требища боговъ нашихъ, не можемъ бо противитись словесы съ игоуменомъ тѣмъ, иже отъ Москвы пришедшю... Обычай лихъ имать, еже не творить начало бою... и того ради съ нимь не скоро ся побѣдѣмъ» ****). И народъ раздѣлился на двѣ стороны: одна сторона приняла отъ Стефана крещеніе, а другая упорно оставалась въ идолопоклонствѣ, «и не бѣ промежу ими съгласіа, но распря, и нѣсть мира въ нихъ, но разгласіе» *****). Удивляясь подвигамъ св. Стефана, первая партія,—христіане, говорила, своимъ соотчичамъ: «слышасте ли, братіе, словеса мужа того, иже отъ Руси пришедшаго? видѣсте-ли терпѣнье его и преизлишнюю его любовь

---

*) Неестественные огни, черное облако дыму, раздававшіеся далеко въ окрестности трескъ и шумъ, вслѣдствіе горѣнія волшебной ели и пр.

**) Вологод. губерн. вѣд. 1850 г. № 9, ст. «Устьвымъ».

***) «Четьи-минеи», подъ 26 ч. Апрѣля.

****) Памятники, стр. 134.

*****) Тамъ же.

еже къ намъ? како въ толикахъ тѣснотахъ и не отступи отсюду! а мы велико небреженіе и непослушаніе показахомъ къ нему, и за то не гнѣвашеся на ны, но ні единому насъ не рече зла слова, не отвратися отъ насъ, не сваряшеся, ни бьяшеся съ нами, но съ радостію тръпяше сі вся... аще бы се было не тако, не бы сіце терпѣлъ» *). Между тѣмъ св. Стефанъ продолжалъ сокрушать идоловъ, сжигать языческіе храмы, ходилъ со своими учениками вездѣ днемъ и ночью, безъ устали **); онъ не щадилъ при этомъ ни дорогихъ мѣховъ, ни тонкихъ пеленъ, которыми были обвиты идолы, ни золота и серебра при нихъ: все предавалъ огню ***). «И о семь зѣло дивляхуся Пермяне, глаголюще: како не пріимаше себе всего того въ корысть? како не искаше себе въ томъ прибытка, како отринуся и презрѣ толико имѣніа си, какъ повръже си толика стяжаніа» ****). Разрушая языческія кумирницы и идоловъ, св. Стефанъ въ тоже время заботился о созиданіи новыхъ церквей для Зырянъ: «понеже бо людие Пермьстіи новокрещаеміи не въ единомъ мѣстѣ живьяху, но здѣ и ондѣ, ово близу, ови же далѣ; тѣмъ же по-

---

*) Памятники, стр. 135.

**) Тамъ же, стр. 137.

***) Все събравъ въ едину кущу... и огнь възгнѣтивъ, сгораше огнемь и куча съ куницами и кумиръ вкупѣ съ ними... («Пам. 136 стр.). Иногда только св. Стефанъ позволялъ своему ученику-Зырянину, «Матфейку» употреблять пелены отъ идоловъ вмѣсто онучей; «се же сътвори (св. Стефанъ) не яко прибытка ради, но на поруганіе идолъ». (Памятн. стр. 139).

****) Памятн., стр. 136. Однажды они даже прямо обратились къ св. Стефану съ вопросомъ: «рци намъ, что ради изгубилъ еси толико богатьства, обрѣтаемая въ кумирницахъ нашихъ»? (стр. 137—8).

добаше ему разныя церкви на разныхъ мѣстѣхъ поставляти по рѣкамъ и по погостомъ, ідѣже коейждо прилично, яко самъ вѣсть. И тако убо, заключаетъ Епифаній, церкви святыя съзидаются въ Пермі, а идолы скрушахуся» *). Нельзя сказать, чтобы новообращенные Зыряне становились сразу истинными христіанами; какъ эти, такъ и некрещенные, приходили въ церковь, «не яко спасенья требующе, или молитвы ради пририщюще, но видѣти хотяще красоты и доброты и зданья церковнаго, и бяхоу наслажающеся зрѣнья пребывахоу, и паки отхожахоу»... **); только частыя и простыя, на народномъ языкѣ, бесѣды св. Стефана могли дѣйствовать на нихъ сильнѣе какъ въ началѣ, предъ принятіемъ св. крещенія, такъ и послѣ, развить въ нихъ сознаніе христіанскаго долга и чувство святости къ церкви. О такихъ именно бесѣдахъ, какъ дѣйственныхъ на Зырянъ, говоритъ Епифаній: «они же (т. е. Зыряне) оубо въ сласть послушаша ученія его и съ радостію приаша проповѣдь его, и съ тщаніемь вѣроваша словесемь его... і всі ему бьяху челомъ, нрипадающе къ ногама его, просяще святого крещеніа» ***).

Въ то время, какъ церковь Стефанова увеличивалась вновь вступающими въ нее язычниками, *шаманы* и *туны*, прежніе религіозные руководители Зырянъ, не дремали. Вскорѣ же они дали знать о дѣлахъ пришельца изъ Москвы своему главному начальнику, Паму, проживавшему въ селеніи Княжъ-погостъ ****). Памъ не замедлилъ явиться на помощь своимъ подчиненнымъ.

---

*) Памятники, стр. 136.
**) Тамъ же, стр. 133.
***) Тамъ же, стр. 135—36.
****) Въ 80 верст. отъ г. Устьсысольска, въ 30—отъ Устьвыма.

Онъ хотѣлъ сразу порвать всякія связи Зырянъ съ Московскимъ монахомъ и съ этою цѣлью рѣшился затронуть самыя чувствительныя народныя струны, именно—высказаться относительно политической несвободы Зырянъ, съ принятіемъ новой вѣры изъ Москвы. «Отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? говорилъ *шаманъ* Памъ собравшимся Зырянамъ. Не оттуду ли намъ тяжести быша, и дани тяжкія и насильства, и тивуні, и довотщици и приставніци? Сего ради не слушайте его (Стефана), но мене паче послушайте добра вамъ хотящаго»... *). Но, къ удивленію Пама, и это сильнѣйшее средство не подѣйствовало на сердца новообращенныхъ Зырянъ, убѣдившихся въ ничтожествѣ своихъ боговъ. На всѣ доводы Пама они отвѣчали: «бози твои, старче, глаголеміи кумири, паденіемъ падоша и не всташа, изриновени быша и не могутъ стати... и нынѣ помощь наша отъ Бога Стефанова»... **), и отослали его для разсужденій о вѣрѣ къ самому Стефану. Старый вожакъ народа, окруженный своими помощниками, *шаманами*, вступилъ въ споръ со Стефаномъ, доказывалъ предъ нимъ силу многочисленныхъ Зырянскихъ боговъ, отъ которыхъ въ зависимости все народное благосостояніе, всѣ звѣри и птицы, которыми Зыряне питаются, одѣваются и платятъ дань, «отъ нихъ же и до васъ достигнуть нынѣ, нашею ловлею, и ваши князи и бояре и вельможи обогащаеми суть, въ няже облачатся и [ходятъ и величаются подолки ризъ своихъ, горьдящеся о народѣхъ людскихъ, толикими долгими времены изобилующе и многовременными лѣты промыслствующе. Не нашеа ли ловля и въ орду по-

*) Памятники, стр. 138.
**) Тамъ же, стр. 138—139.

сылаются и досязаютъ даже и до самаго того мнимаго царя? Но и въ Царьградъ и въ Нѣмці и въ Литву, и въ прочая грады и страны и въ далныя языкы», говорилъ *шаманъ* Памъ Стефану *). «И паки другойци: наша вѣра лучши есть паче вашея, продолжалъ доказывать Памъ, яко у насъ единъ человѣкъ, или самъ-другъ, многажды исходитъ на брань, еже братися и съ медвѣдемъ, и брався, побѣдивъ, низложитъ его, яко и кожу его принесетъ; у васъ же на единаго медвѣдя мнози исходятъ, числомъ яко до ста или до двою сотъ, и многажды овогда привезутъ обрѣтше медвѣдя, иногда же безъ него возвращаются безъ успѣха, ничтоже везуще, но всуе тружающеся, еже намъ се мнится смѣхъ и кощуны»**) «И паки другойци: наша вѣра лучши есть: вѣсті у насъ вскорѣ бываютъ; еже бо что сдѣется на далнѣй странѣ, на иномъ градѣ, на девятой земли, сего дни доспѣлося что, а сего дни въ томъ часѣ вѣсті у насъ уплъные (т. е. полныя и вѣрныя) обрѣтаются, егоже вы христьяне неудобь возможете увѣдати, во многи дни и во многа времена не увѣдаете... Да и что говорить, какъ бы такъ заканчиваетъ Памъ свои доказательства, наша вѣра лучши есть многымъ паче вашеа, понеже у васъ у христьянъ единъ Богъ, а у насъ многи боги иммы поспѣшьствовавшаа намъ»... ***). Затѣмъ Епифаній влагаетъ въ рѣчи споривших разсужденія объ устройствѣ міра, о первоначальномъ состояніи рода человѣческаго, о послѣдующей его судьбѣ и проч. ****), изъ

---

*) Памятники, ст. 141.

**) Тамъ же, стр. 141—142. Мы выписываемъ эти разсужденія Епифанія, какъ хорошо знавшаго старинный бытъ Зырянъ.

***) Тамъ же, стр. 142.

****) Тамъ же, стр. 142—43.

чего можно заключать, что Зырянскій князекъ-*шаманъ* былъ не совсѣмъ несвѣдущъ въ области чужихъ религій.

Когда въ этихъ религіозныхъ спорахъ Памъ оказался побѣжденнымъ, то онъ, надѣясь отстоять свою вѣру предъ народомъ, предложилъ св. Стефану испытать на дѣлѣ, чья вѣра истинная. Чтобы доказать правоту своей вѣры, этого онъ предложилъ: а) пройти вмѣстѣ чрезъ пылающій костеръ, и б) опуститься въ одномъ мѣстѣ рѣки Вычегды подъ ледъ съ тѣмъ, чтобы выйти въ другомъ, «да его же аще вѣра права будетъ, сій цѣлъ изыдетъ и невреженъ, и тому прочее вси повинутся» *). И рѣша вси люди: воистину добръ глаголъ, еже рѣсте днесь» **). Очевидно Памъ надѣялся своимъ предложеніемъ испугать св. Стефана и расчитывалъ на вѣрный отказъ съ его

---

*) Изъ словъ Пама видно, что споръ происходилъ зимой. Когда? Въ 1379 году св. Стефанъ лѣтомъ по р. Вычегдѣ и Выми прибылъ къ Зырянамъ. Къ Марту слѣдующаго года (1380) онъ построилъ церковь Благовѣщенія въ Устьвымѣ, потомъ еще двѣ церкви (Епиф., стр. 136). Предположимъ, что работа двухъ послѣднихъ была предпринята незадолго послѣ начала постройки первой церкви. По Епифанію выходитъ, что эти церкви были построены св. Стефаномъ до спора съ Памомъ. Слѣдовательно, споръ происходилъ никакъ не ранѣе конца 1380 г. Въ полтора года св. Стефанъ успѣлъ воспитать Зырянъ въ новой вѣрѣ настолько, что они свободно могли дать отпоръ прежнимъ своимъ лживымъ вожакамъ. Г. Лыткинъ это событіе въ одномъ мѣстѣ относитъ къ 1383 г. «Это событіе, говоритъ онъ, было послѣднее передъ отъѣздомъ св. Стефана въ Москву 1383 г., см. «Зырян. край», стр. 57, прим. 1, а черезъ страницу—къ 1382—83 г., см. стр. 59, прим. 1. Мы не соглашаемся съ г. Лыткинымъ на томъ основаніи, что Зырянскіе *шаманы* не могли такъ долго (по Лыткину, 4½—3½ года) терпѣть миссіонерскіе труды св. Стефана, плоды которыхъ росли вообще довольно быстро, и рѣшились исполнить надъ нимъ свой приговоръ гораздо ранѣе, чѣмъ думаетъ г. Лыткинъ.

**) Тамъ же, стр. 143.

стороны, а тогда народъ снова бы повѣрилъ силѣ волхва. Но, сотворивши молитву, св. Стефанъ согласился исполнить одновременно съ Памомъ оба условія. «Внідевѣ оба вкупѣ, имшесь за руцѣ, сказалъ онъ Паму, якоже обѣщаховѣся. Онъ же (т. е. Памъ) не пойде: устрашися шума огненнаго, ужасенъ бывъ... Народу же предстоящу, людемъ зрящимъ во очію лѣповидцемъ огню горящу и пламени распаляющуся, преподобный же паче прилежаше, емъ, понужая его, но и рукою явъ за ризу влъхва и крѣпко сожемъ его, похващаше и нудьма влечаше къ огню очима. Чародѣй же паки въспящашеся въспять» *). Этотъ же отказъ послѣдовалъ отъ Пама и при второмъ испытаніи пройдти подъ льдомъ **). «Тогда мужи Пермьстии, приступльше, яша (Пама) и предаша Стефану, глаголюще: возми сего и казни, яко повиненъ есть казни»... ***). Но св. Стефанъ не допустилъ до убійства Пама и, послѣ долгихъ и напрасныхъ убѣжденій принять св. крещеніе, велѣлъ ему удалиться изъ Пермскихъ предѣловъ ****). По однимъ преданіямъ, Памъ съ упорными язычниками удалился на Удору, а по другимъ—въ Обдорскую страну *****).

Послѣ изгнанія Пама, св. Стефану уже было не съ кѣмъ вести серьезную борьбу: Зырянскій народъ

---

*) Памятники, стр. 144.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же, стр. 145.

****) Тамъ же, стр. 146.

*****) Удора или «Улдора» («*улъ*»—нижній, «*доръ*»—край), страна къ сѣверу Волог. губ. Мы уже приводили въ 2 гл. преданіе теперешнихъ Березовскихъ Остяковъ о прибытіи ихъ на р. Обь съ *шаманомъ* Пам-сотникомъ (Ж. М. Н. Пр. 1851. Дек.), ссылались и на Лепехина («Дн. Зап.», т. IV, стр. 395—6).

(масса), имѣя во главѣ св. Стефана, одержалъ побѣду и надъ остальными своими *шаманами*; послѣдніе должны были или отказаться отъ язычества и принять крещеніе, или удалиться по слѣдамъ своего главы, Пама. Съ этихъ поръ и миссіонерская дѣятельность св. Стефана имѣла очень быстрый успѣхъ. «Преподобный крещаше люди, здѣ и ондѣ обрѣтающихся, отъ различныхъ погостовъ приходящихъ мужи и жены и дѣти»... говоритъ Епифаній *). Раньше св. Стефанъ искалъ язычниковъ, ходилъ по селеніямъ съ проповѣдью, а теперь Зыряне цѣлыми толпами, въ свою очередь, сами приходили къ нему, прося крещенія. Такимъ образомъ общества христіанскія возрастали, а вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскіе храмы въ значительномъ количествѣ появились въ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Зырянскаго края **). «И нужа всяко бысть ему (св. Стефану), говоритъ Епифаній, взискати и поставити и привести епископа, и съпроста рещи: всячески требуетъ земля та епископа понеже до митрополита и до Москвы далече сущи, елико далече отстоить Царьградъ отъ Москвы, тако удалѣна есть отъ Москвы дальняя Пермь» ***). Чувствуя эту нужду въ Епископѣ для непрерывнаго поставленія новыхъ Священниковъ въ Зырянскіе храмы и крайнее неудобство, вслѣдствіе дальняго разстоянія, посылать каждый разъ кандидатовъ для посвященія въ другія епархіи, св. Стефанъ, послѣ четырехъ-лѣтнихъ своихъ миссіонерскихъ трудовъ, отправляется въ Москву просить у Митрополита

---

*) Памятники, стр. 146.

**) Тамъ же, стр. 147. Со времени изгнанія Пама до епископства Стефанова прошло около трехъ лѣтъ.

***) Тамъ же.

и Великаго Князя Епископа для вновь учреждающейся Зырянской церкви, «азъ же буду ему (Епископу) сослужебникъ и сработнікъ, и сострадалнікъ яже на всяку требу благоу»,—говоритъ св. Стефанъ Митрополиту *). Митрополитъ Пименъ и Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ не нашли никого болѣе достойнымъ Епископскаго сана, кромѣ самого Стефана **), и зимою 1383 года св. Стефанъ былъ хиротонисанъ во Епископа, въ одно время съ Смоленскимъ Епископомъ Михаиломъ и Саввою Сарайскимъ ***).

Возвратившись къ Зырянамъ, новопосвященный Епископъ основалъ свою каѳедру въ Устьвымѣ, «идѣже послѣди создана бысть обитель болшая; еже епископья Его наречена бысть» ****), при каѳедральной церкви Благовѣщенія устроилъ домъ для всѣхъ бѣдныхъ, сиротъ и странниковъ, обратилъ болѣе прежняго вниманіе на училища, гдѣ изучались Священныя книги на туземномъ языкѣ, воздвигалъ новыя церкви «святыя на различнѣхъ мѣстѣхъ и на разныхъ рѣкахъ, и на погостѣхъ, здѣ и ондѣ» *****), и поставлялъ къ нимъ Священниковъ изъ природныхъ Зырянъ, которые стали совершать богослуженіе на народномъ языкѣ ******).

---

*) Памятники, стр. 147.

**) Тамъ же, стр. 148.

***) Посвященіе Стефана произошло во Владимірѣ, въ объѣздъ Митр. Пимена по нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ Москвѣ городовъ: Переяславля, Костромы, Владиміра. При посвященіи Стефана присутствовали Епископы: Савва Сарайскій и Михаилъ Смоленскій, только что посвященные въ Переяславлѣ и Костромѣ. (Никонов. лѣтоп., т. IV, стр. 140. Ист. Росс. Іерарх., ч. I, стр. 161. «Ист. Госуд. Росс.» Карамзина, т. V, стр. 59, примѣч. 137).

****) Памятники, стр. 130.

*****) Тамъ же, стр. 147.

******) «И попове его Пермскымъ языкомъ служаху обѣдню, за-

Что касается до содержанія Архіерейскаго дома въ Устьвымѣ, то Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ, высоко цѣнившій заслуги св. Стефана *), предоставилъ ему особенныя преимущества, не въ примѣръ другимъ Архіереямъ, по управленію епархіею и въ судныхъ дѣлахъ. Онъ далъ всю Устьвымскую область по рѣкамъ: Вычегдѣ, Вымѣ и Сысолѣ во владѣніе Архіереямъ **), съ правомъ безпошлинной торговли для Зырянъ ***). Съ этихъ же поръ Устьвымъ или «Йемдынъ» (зырян. названіе) въ грамотахъ сталъ называться «Владычнымъ городомъ».

Вмѣстѣ съ заботою о распространеніи Христовой вѣры и утвержденіи ея между Зырянами, св. Стефанъ принималъ самое непосредственное и живое участіе въ внѣшнемъ благосостояніи Зырянъ: онъ защищалъ ихъ отъ внѣшнихъ враговъ и помогалъ въ нуждахъ. Такъ передаютъ мѣстныя лѣтописи о нападеніи Вогуличей,

---

утреню же и вечерню, Пермскою рѣчію пояху, и конархи его по Пермскымъ книгамъ аконархаша, и чтеци чтеніе чтяху Пермскою бесѣдою, пѣвци же всяко пѣніе Пермъскы возглашаху. И бяше видѣти чюдо въ земли той: идѣже преже были идолослужители и бѣсомолци, ту богомолци явишася, идѣже преже были храмы идольскиа и кумирници и жрътвищи и требища идольскаа, ту церкви святыя созидахуся и богомолья чиняхуся»... (Памятники, стр. 149).

*) Епифаній въ разсказѣ о поставленіи Стефана во Епископа говоритъ: «наипаче же князю велікому, зело за честь поставленіе его, бѣ бо ему знаемь зѣло и любляше издавна». (Памятники, стр. 148).

**) Памятники, стр. 155.

***) Кромѣ того, говоритъ г. Михайловъ, самая дань съ пріѣзжавшихъ въ Зырянскую страну купцовъ и промышленниковъ, собиравшаяся до этого времени въ Велико-княжескую казну, предоставлена была «Устьвымскому владыкѣ съ братіею». (Вологод. губ. вѣд. 1850 г. № 6, статья: «Устьвымъ»).

Лопи, Пинежанъ, недовольныхъ на Зырянъ за принятіе ими христіанской вѣры. Опустошивши Верхневычегодскія и Сысольскія селенія, Вогуличи вздумали уничтожить все, основанное св. Стефаномъ, въ третій годъ его епископства, въ 1385 году. Св. Стефанъ обратился за помощью въ Устюгъ, а самъ, между тѣмъ, совершивши всенародное моленіе Богу, вмѣстѣ съ духовенствомъ и Зырянами, поплылъ вверхъ по рѣкѣ Вычегдѣ, на встрѣчу врагамъ. Вогуличи издали увидали лодку съ Зырянами и въ ней св. Стефана. Лице его показалось имъ грознымъ, облаченіе горящимъ въ огнѣ, а самъ онъ представлялся бросающимъ въ нихъ огненныя стрѣлы. Устрашенные такимъ видѣніемъ, Вогуличи бѣжали, оставивши на мѣстѣ награбленныя богатства, и съ этого времени, во все управленіе св. Стефана Зырянскою страною, они не приходили ни къ Устьвыму, ни къ ближайшимъ къ нему Зырянскимъ селеніямъ, боясь его, какъ могущественнѣйшаго изъ всѣхъ *шамана* *). Около этого же времени, т. е. въ третій годъ епископства Стефанова, Зыряне, жившіе по берегамъ Вычегды **), много пострадали отъ нападеній Новгородской вольницы—ушкуйниковъ. Св. Стефанъ самъ выходилъ къ нимъ въ станъ для увѣщанія. Ушкуйники на этотъ разъ послушались Стефана, но въ томъ же году, зимой, возобновили свои нападенія. Св. Стефанъ отправился въ Новгородъ и просилъ защиты у Вѣча ***). Св. Стефанъ радушно былъ принятъ

---

*) Вологодск. губерн. вѣдом. 1850 г. № 7 и 8.

**) Съ Запада (Лыткинъ, «Зыр. край», стр. 9).

***) Въ лѣтописи, приведенной Карамзинымъ, сказано: «въ 1386 году епископъ Пермскій Стефанъ Храпъ ѣздилъ въ Новгородъ за нѣкоторымъ дѣломъ». (Ист. Гос. Рос., т. V, прим. 137).

Новгородцами. По его ходатайству, запрещено было ушкуйникамъ касаться предѣловъ Устьвымской Епископіи. Чтобы загладить прежнюю вину, Новгородцы поднесли св. Стефану дорогіе подарки, которые онъ, по прибытіи въ епархію, и роздалъ пострадавшимъ.

Въ 1386 г. Зыряне сильно страдали отъ голода. Св. Стефанъ открылъ свои амбары, снабжалъ бѣдныхъ деньгами; а когда былъ недостатокъ въ собственномъ хлѣбѣ и деньгахъ, онъ послалъ за хлѣбомъ въ Устюгъ и Вологду, и такимъ образомъ спасъ Зырянъ отъ смерти *).

По причинѣ распространившагося голода Зыряне не въ состояніи были платить установленную подать, а между тѣмъ разные Великокняжескіе чиновники нерѣдко дѣлали насилія Зырянамъ **). Св. Стефанъ убѣждалъ сборщиковъ податей къ мѣрамъ облегченія и призналъ нужнымъ отправить посланіе къ самому Великому Князю; въ посланіи онъ описывалъ постигшее Зырянъ несчастіе и ихъ крайнюю бѣдность и просилъ князя объ уменьшеніи налоговъ ***). Но это посланіе не застало Дмитрія Іоанновича въ Москвѣ: онъ въ это время былъ въ Новгородѣ. Въ 1390 г. св. Стефанъ самъ отправился въ Москву лично ходатайствовать за Зырянъ предъ Великимъ Княземъ. Великій Князь облегчилъ участь Зырянъ, простилъ причитающіяся съ нихъ за предъидущіе годы (съ 1386 г.)

---

*) Въ Макарьевской Четьи-Минеѣ подъ 26 числомъ Апрѣля о св. Стефанѣ сказано: «Многажды бо множество жита лодіями отъ Вологды въ Пермь приходя, раздаяше туне людемъ убогимъ, и препитоваше ихъ во дни глада».

**) Епифаній, Памятн. стр. 160.

***) Пр. Евг. Поповъ, «Житіе св. Стефана», стр. 71.

недоимки, а Епископа надѣлилъ деньгами и богатыми дарами, которые и были потомъ розданы бѣднѣйшимъ Зырянскимъ семействамъ.

Это путешествіе св. Стефана въ Москву, въ 1390 г., было ознаменовано двумя событіями въ жизни Святителя Зырянскаго. Когда св. Стефанъ, дорогой изъ Усть-вымa въ Москву, былъ на разстояніи 10 верстъ отъ монастыря, гдѣ жилъ въ то время преподобный Сергій Радонежскій *), то, надѣясь, на обратномъ пути изъ Москвы зайти къ игумену монастыря, препод. Сергію, остановился, совершилъ обычную молитву («Достойно есть...») и заочно поклонился преп. Сергію въ ту сторону, гдѣ виднѣлась обитель. «Миръ тебѣ, духовный брате», сказалъ онъ вслѣдъ за поклономъ. Въ это самое время преп. Сергій съ братіею былъ на трапезѣ. Братія удивилась, когда ихъ игуменъ всталъ и съ поклономъ произнесъ: «Радуйся и ты, пастырю Христова стада и миръ Божій да пребываетъ съ тобой». По окончаніи трапезы, братія узнала отъ игумена, что въ то время, какъ онъ всталъ и привѣтствовалъ, Епископъ Пермскій Стефанъ останавливался противъ обители и также привѣтствовалъ его и благословилъ братію. Нѣкоторые изъ иноковъ монастыря захотѣли удостовѣриться въ чудѣ, отправились на указанное мѣсто и дѣйствительно увидали св. Стефана **).

---

*) Нынѣшняя Сергіева Лавра. «Путь же онъ, имже епископъ идяше, отстоитъ отъ монастыря святаго яко десять поприщъ». Соф. Временникъ, ч. I, стр. 414 и 417. Ср. стр. 402.

**) См. Четью-Минею св. Димитрія Ростовскаго на 25 Сент.: «Житіе Преп. Отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго» (написанное Епифаніемъ), а также Полн. Собр. Р. Лѣт. VI т., 129 стр.

Другое событіе, бывшее тоже во время этого путешествія въ Москву,—это участіе св. Стефана въ дѣлахъ церковныхъ, именно, присутствіе на соборѣ, въ Твери. Случай къ тому былъ слѣдующій: Тверской Епископъ Евфимій Вислень, за неисполненіе церковныхъ постановленій, былъ подвергнутъ суду Тверскимъ княземъ, духовенствомъ и боярами. Для церковнаго суда надъ Епископомъ былъ приглашенъ Московскій Митрополитъ Кипріанъ; съ нимъ отправились два греческихъ Митрополита: Матѳій Андріанопольскій и Никандръ Гайскій и два Епископа: Стефанъ Пермскій и Михаилъ Смоленскій. Всѣ они были торжественно приняты въ Твери, участвовали на соборѣ, гдѣ опредѣлено было отставить Евфимія отъ управленія епархіею и, не лишая Епископскаго сана, отправить на покой въ Московскій Чудовъ монастырь *).

Событіе это было за годъ до смерти преп. Сергія (преставился 1391 г. Сент. 25. «Русс. Свят.» Фил. т. III, 125—158 с.). Мѣсто, съ котораго привѣтствовалъ св. Стефанъ преп. Сергія, теперь находится ближе къ Сергіевой лаврѣ на 2 вер. и называется «поклонною горою» (между Хотьковымъ монастыремъ и Лаврою). Здѣсь построена каменная часовня, въ которой стоитъ большой крестъ и постоянно горятъ свѣчи и лампады. Богомольцы останавливаются въ часовнѣ для молитвы и отдыха.—А въ Лаврѣ Сергіевой существуетъ такой обычай: когда монахи сидятъ за трапезою, то, по звону колокола, вся братья встаетъ, Настоятель же творитъ молитву и призываетъ на помощь Св. Сергія (въ воспоминаніе бывшаго привѣтствія).

*) Никонов. лѣтоп. т. IV, стр. 116 и 196. Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. V, примѣч. 232. Св. Стефанъ участвовалъ и при посвященіи новаго Епископа въ Тверь, митрополичьяго архідіакона, Арсенія въ 1391 г., вмѣстѣ съ упомянутыми греческими Митрополитами и Епископами: Михаиломъ Смоленскимъ, Данилою Звенигородскимъ и Іереміею Рязанскимъ (См. митр. Платона, Краткая

Изъ послѣднихъ годовъ дѣятельности св. Стефана извѣстенъ особенно 1392 г., когда онъ явился защитникомъ Зырянъ отъ нападеній Вятчанъ, сосѣдняго и родственнаго Зырянамъ народа. Изгнанные изъ своихъ мѣстъ Татарами, Вятчане устремились на Зырянскія селенія и грабили жителей *). Св. Стефанъ принудилъ ихъ удалиться изъ предѣловъ своей епархіи, и такимъ образомъ сдѣлалъ благодѣяніе, какъ Зырянамъ, такъ и Вятчанамъ, потому что послѣдніе, возвратясь въ свои прежнія мѣста, дружно сплотились всѣ и побѣдили своихъ враговъ **).

За 1392 годомъ мирно прошли остальные немногіе годы жизни перваго Зырянскаго Святителя: ни внѣшніе, ни внутренніе враги не тревожили благоплодное управленіе св. Стефана Зырянской паствой. Такъ прошло около $3^1|_2$ лѣтъ. Зимою 1396 года Епископъ Стефанъ, по дѣламъ своей церкви, былъ вызванъ въ Москву ***). Зырянскій Епископъ предвидѣлъ въ настоящей отправкѣ

Церковн. исторія. Изд. 2-е, 1823 г. Москва, прим. I, стр. 229 и слѣд.).

*) Въ (6899) 1391 г. ханъ Тохтамышъ посылалъ царевича Бекбута-Махмута ратью на Вятку, которую и взяли: «люди посѣче, а иные въ полонъ поведе». («Зырянскій край», Лыткинъ, стр. 71. Ссылка на П. С. Лѣт. т. V и VШ).

**) Михайловъ, Вологод. губерн. вѣд. 1850 г. № 12, ст. «Устьвымъ».

***) «Потщася шествовати о нѣкыхъ дѣлесѣхъ священотайныхъ, и о церковнемъ управленіи, и о законоправилѣхъ и о прочихъ вопросѣхъ потребныхъ, яже суть на спасеніе человѣкомь». (Епиф. 157 стр.). Прот. Евгеній Поповъ говоритъ, что Митр. Кипріанъ проснлъ св. Стефана пріѣхать для разсмотрѣнія своихъ писательскихъ трудовъ и для рѣшенія нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ, наприм. о чтеніи Евангелія въ Великій Чтвергъ, о пощеніи въ день св. Іоанна Предтечи и др. («Житіе», 86 стр.).

свою кончину въ Москвѣ *), и потому передъ отъѣздомъ, за два мѣсяца или болѣе **), собралъ къ себѣ духовенство и народъ и сказалъ имъ свое прощальное слово и оставилъ имъ свой миръ и благословеніе ***).

По пріѣздѣ въ Москву, вслѣдствіе утомительнаго, дальняго и неудобнаго путешествія ****), а также долговременныхъ и постоянныхъ трудовъ и заботъ, Зырянскій Святитель сдѣлался болѣнъ, и преподавши наставленіе пріѣхавшимъ съ нимъ духовнымъ лицамъ изъ Усть-вымa *****), тихо скончался 26 Апрѣля, въ день Преполовенія, въ среду вечеромъ ******), «въ седмое лѣто княженія князя великаго Василья Дмитрѣевича, при архіепископѣ Кипріанѣ, митрополитѣ всея Руси»... *******). Тѣло Св. Просвѣтителя Зырянъ было торжественно похоронено въ Великокняжескомъ Спасскомъ монастырѣ, въ теперешнемъ Спасо-Преображенскомъ Кремлевскомъ Придворномъ Соборѣ ********).

---

*) Есть преданіе, что св. Стефанъ желалъ умереть именно въ Москвѣ.

**) Епифаній, Памятники, стр. 157.

***) Памятн., стр. 155—157.

****) Св. Стефанъ былъ четыре раза въ Москвѣ: въ 1379 г. для полученія разрѣшенія на дѣло проповѣди, въ 1383 г. для испрошенія Епископа для Зырянъ, въ 1390 г. — ходатайствовать за Зырянъ предъ Великимъ Княземъ и въ 1396 г.—для церковныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, если принять обратные разъѣзды, св. Стефанъ восемь разъ совершилъ дальнее путешествіе изъ Зырянскаго края въ Москву (всего около 12,000 верстъ, считая отъ Устьвыма до Вологды около 1,000 вер. (978) и 500 отъ Вологды до Москвы) при тогдашнемъ медленномъ и весьма трудномъ пути.

*****) Памятники, стр. 157—58.

******) Пасха была 2-го Апрѣля въ 1396 г.

*******) Памятн., стр. 159. Прот. Евгеній Поповъ время жизни св. Стефана опредѣляетъ 57 годами (Житіе», стр. 85), но на самомъ дѣлѣ было ему не болѣе 51 года.

********) По лѣтописямъ, въ 1396 г., сказано о кончинѣ св. Стефана:

Описанію того впечатлѣнія, какое произвела эта кончина любимаго отца и учителя на крещенныхъ Зырянъ, Епифаній въ своей повѣсти посвящаетъ три послѣднія главы: «Плачь Пермьскыхъ людей», «Плачь церквы Пермьскыа, егда обьвдовѣ и плакася по епископѣ си» и наконецъ (отъ себя) «Плачь и похвала инока спісающа». Во всѣхъ этихъ «плачахъ» воспоминаются подвиги св. Стефана и скорбь, вслѣдствіе скораго преставленія его: «топерво остахомъ добра промышленника и ходатая: къ Богу убо моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а ко князю о жалобѣ нашей и о льготѣ и о ползѣ нашей *), и ходатайствоваше и промышляше, къ болярамъ же, къ началамъ, властемъ міра сего былъ намъ заступникъ теплъ, многажды избавляа ны отъ насилія и работы, и тивуньскіа продажа и тяжкыа дані облегчая ны. Но и сами ти новгородци, ушкуйницы, разбойницы, словесы его увѣщеваннии бы-

---

Априлія въ 26 день преставися епископъ Пермскій Стефанъ, и положенъ бысть на Москвѣ въ монастырѣ Спаса за стѣною..., ему же на велицѣмъ соборѣ (соборѣ) по вся году возглашаютъ вѣчную память»; а по сказанію Четьи-Минеи, подъ 26 числомъ Апрѣля: «и положиша въ церкви каменной на лѣвой странѣ». Въ Спасскомъ монастырѣ (основ. въ XIII в.) постригались и погребались Великіе Князья и Княгини. Такъ, Іоаннъ Калита передъ кончиною въ 1341 г. принялъ здѣсь иноческій образъ и схиму. Здѣшніе Архимандриты бывали духовниками Великихъ Князей (напр. Митяй занималъ должность печатника, равняющуюся съ званіемъ Государственнаго Канцлера). «Ист. свид. о мон. и церкв.» Ратшина, стр. 326—27.» Памятники Москов. Древн.» Снегирева, стр. 121—130. Если, так. об., Спасскій монастырь служилъ усыпальницей для Великихъ Князей, то Зырянскому Первосвятителю была оказана особенная почесть Великимъ Княземъ, приказавшимъ поставить его гробъ въ этомъ именно монастырѣ.

*) Въ 1379, 1383 и 1390 г.г.

ваху, еже не воевати ны *); нынѣ же **) къ Богу не имамъ молитвенника тепла, къ человѣкомъ же не имамъ заступника тепла... Быхомъ поношеніе сусѣдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, Вогулицамъ ***), Югрѣ ****) и Пинезѣ... *****). Воскую же пустихомъ тя и на Москву, да тамо почилъ еси. Лучше бы было намъ, дабы былъ гробъ твой въ земли нашей и прямо очима нашима, дабы былъ намъ цвѣтъ нехудъ и утѣха поне велика сиротъству нашему, и акы къ живому къ тебѣ приходяще, благословлялися быхомъ у тебе, и по успеніи акы къ живому, поминающе твоя Богомъ преданныя словесе. Нынѣ не токмо бо тебѣ самаго остахомъ, но и гроба твоего не сподобихомся. Почто же и обида си бысть на ны отъ Москвы? Се ли есте правосудье ея: имѣюще у себе митрополиты, святители, а у насъ былъ единъ епископъ, и того къ себѣ взя... ******). Не тако бо тебе Москвичи почтутъ, яко же мы, ні тако ублажатъ, знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюду же нѣціи яко и храпомъ тя зваху, не разумѣюще силы и благодати Божія, бываемыя въ тебѣ и тобою... Тебе, о епископе Стефане, Пермская земля хвалитъ и честитъ, яко тобою тмы избыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ... Аще и мощи твои далече отстоять отъ насъ, но благословеніе твое да будетъ близь, по-

---

*) Въ 1385 году.

**) Въ 1397 г.

***) Нападавшимъ на Зырянъ въ 1385 г., 1386 г.

****) По Зырянски *«йзгра»*, т. е. Остяки.

*****) Народъ, живущій по р. Пинегѣ.

******) Второй Епископъ, Исаакій рукоположенъ 20 Января 1398 г. (Лѣтописи и Карамзинъ, «Ист. Г. Р.» т. V, примѣч. 232). Отсюда слѣдуетъ, что Епифаній писалъ «повѣсть» о Стефанѣ между 26 Апр. 1396 г. и 20 Янв. 1398 г.

среди насъ и на насъ присно... Не мы бо тебе избрахомъ, но ты насъ избралъ еси и насъ научити полюбилъ еси, и къ намъ прити восхотѣлъ еси и своимъ спостраданіемъ насъ пріобрѣлъ еси, и святымъ крещеніемъ насъ просвѣтилъ еси, да того ради не забывай насъ во святыхъ молитвахъ своихъ» *).

Смерть св. Стефана имѣла вліяніе на общественный и домашній бытъ Зырянъ. Со смертью его пріостановились на нѣкоторое время работы и промыселъ. Государственные чиновники, не удерживаемые никѣмъ, притѣсняли народъ, а послѣднему не къ кому было обращаться за ходатайствомъ. Не замедлили появиться въ странѣ и внѣшніе враги: «велико бысть безъвѣремяніе въ земли Пермстѣй и преставленіемъ епископлимъ не мала поруха учинися... еретицы, волци **), душегубцы, разбойницы, иноязычницы, Воуголици наступаютъ... а воеводы нѣсть...» ***).

Православня церковь, признавая великими подвиги Епископа Стефана, сначала торжественно возглашала «по вся годы на велицѣмъ соборѣ вѣчную память...» ****), а потомъ *****), причислила къ лику Святыхъ и празднуетъ память его въ день кончины, 26 Апрѣля. Впрочемъ, весьма рано имя св. Стефана ставилось на ряду съ прославленными уже угодниками Божіими. Такъ, Митрополитъ Фотій (1409 — 1431 г.), преемникъ Кипріана, называлъ Епископа Стефана «человѣкомъ Божіимъ и великимъ Евяти-

---

*) Памятники, стр. 160 и 161.

**) Разумѣемъ *шамановъ*.

***) Это случилось незадолго по кончинѣ св. Стефана, въ 1396 году. Памят., стр. 163.

****) «Ист. Г. Рос.» Карамзина, т. V, прим. 126.

*****) Въ XVII вѣкѣ.

телемъ» *) Митрополитъ Симонъ (1496—1511 г.) въ посланіи къ Пермякамъ, въ 1501 г. Августа 22 числа, говоритъ:.. «и святыхъ великихъ чюдотворцевъ, Петра и Алексѣя Московскихъ, и Леонтія Ростовскаго, и Стефана епископа Пермьскаго, и Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго, и Варлама Хутынскаго, и всѣхъ святыхъ молитва да есть со всѣми вами, новопросвѣщенными людьми...» **). Чрезъ столѣтіе, въ 1601 г., въ г. Верхотурье (быв. Пермской губерніи) былъ посланъ изъ Москвы при царской грамотѣ «образъ Стефана Пермскаго чюдотворца» ***). Въ честь Св. Стефана, въ Зырянскомъ краѣ, съ очень давняго времени писались иконы и строились храмы, напримѣръ, церковь и часовня въ Устьвымѣ, неизвѣстно даже когда построенныя. Въ 1799 г. Священникъ Іоаннъ Алексѣевъ написалъ акаѳистъ и службу съ краткимъ житіемъ преподобному Стефану Пермскому ****). Но рукописная служба святителю Стефану, новому чудотворцу, какъ извѣстно, была составлена еще въ 1472 г. «Пахоміемъ Сербинымъ, повелѣніемъ владыки Филофия, епископа» Пермскаго (1471—1501 г.), и была уже въ употребленіи въ половинѣ XV вѣка *****).

Мощи св. Стефана почиваютъ подъ спудомъ въ

---

*) Въ «словѣ объ исхожденіи Св. Духа» см. Допол. къ Акт.» Истор., т. I, стр. 13. «Русс. Свят.» Филар. т. II, стр. 307. СПБ. 1882. Имя Стефана, какъ святаго, встрѣчается въ мѣсяцесловахъ XV в. (Макарій. Ист. Р. Церкви, т. IV, стр. 298).

**) Акты историч. т. I, № 112.

***) Прот. Евгеній Поповъ, «Житіе св. Стефана», стр. 91.

****) Изд. Московское.

*****) «Описаніе Румянцевскаго музея», А. Востокова. Спб. 1842 г. № CCCXCVII. «Истор. Русс. Церкви» Макарія, періодъ IV, стр. 205, періодъ V, стр. 162.

Спасо-Преображенскомъ Придворномъ Кремлевскомъ соборѣ (въ Москвѣ), у сѣверной стѣны храма *).

Есть преданіе, что до нашествія Поляковъ мощи св. Стефана лежали открытыми **). Въ иконостасѣ Спасской церкви есть старинный образъ св. Стефана, съ описаніемъ его дѣяній, московскаго пошиба, XVI вѣка. На особой доскѣ при этомъ образѣ находится слѣдующая надпись: «Святый Стефанъ епископъ, родомъ бѣ великія Россіи, града Устюга, сынъ клирика соборныя церкви св. Богородицы, иже на Устюзѣ, именемъ Симеона и матери Маріи, и первый епископъ Перми бысть, иже научи вѣрѣ Христовѣ и крести и грамоту по ихъ языку состави, въ лѣто ЅѠП ***), преставися въ лѣто ЅЦД ****), тѣло же его положено во святѣмъ храмѣ семъ» *****).

---

*) Изъ трехъ придѣловъ храма одинъ посвященъ Св. Стефану. Гробница поверхъ пола помѣщена противъ придѣла въ сѣверномъ углу. Видъ храма и историч. описаніе см. у Лыткина («Зырян. край», стр. 39).

**) «Памятники Москов. Древ.» Снегирева, стр. 127. «Историч. свѣд. о монаст. и церкв.» Ратшина, стр. 328. «Сказ. о житіи Св. Стефана», А. М. прим. 69.

***) Годъ этотъ соотвѣтствуетъ 1372 (ср. Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. 18, стр. 220), когда Св. Стефанъ получилъ іеродіаконскій санъ въ Ростовскомъ монастырѣ и положилъ первое основаніе изученію зырянскаго языка и составленію зырянской азбуки.

****) Время кончины св. Стефана, какъ на этой иконѣ, такъ равно и во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, относится къ 1396 г.

*****) Копія съ этого образа, но безъ изображенія чудесъ, находится въ опочивальнѣ Великой Княгини Александры Іосифовны (Лыткинъ «Зырян. край» стр. 39). Другое старинное изображеніе св. Стефана вмѣстѣ съ Ростовскими Святителями находится на пеленѣ XVII в., пожертвованной Григоріемъ Строгановымъ въ Нижегородскій Каѳедральный Соборъ («Сказ. о жизни св. Стефана», А. М. пр. 16).

Св. Стефанъ былъ миссіонеромъ среди Зырянъ 16 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, сначала какъ іеромонахъ почти $4^1/_2$ года *), потомъ какъ Епископъ 12 лѣтъ и 4 мѣсяца **).

Какъ историческіе показатели тѣхъ границъ, до которыхъ простиралась проповѣдь св. Стефана въ указанный срокъ и въ ближайшее послѣ него время, можно судить по монастырямъ, церквамъ и другимъ старинным памятникамъ въ Зырянскомъ краѣ, основаннымъ безъ сомнѣнія первымъ миссіонеромъ или же за давностью, по преданіямъ, восходящимъ близко къ его времени.

Первый по древности монастырь, основанный св. Стефаномъ въ Епископскомъ санѣ, въ 1383 г. былъ Устьвымскій, на мѣстѣ перваго поселенія въ Зырянскомъ краѣ ***). Направляясь отъ Епископскаго города, Устьвыма, къ югу, вверхъ по рѣкѣ Сысолѣ ****), находимъ слѣдующія старинныя церкви: *Сыктылская* *****) на мѣстѣ нынѣшняго города Устьсысольска, — по мѣстнымъ лѣтописямъ, начало ея относится къ половинѣ XVI вѣка,—

---

*) Съ лѣта 1379 по зимѣ 1383 г.

**) Съ 1383 г. (Декабря) по 1396 г. (Апрѣля). Архим. Макарій (стр. 31) и Прот. Евгеній Поповъ (стр. 85) считаютъ 18 лѣтъ миссіонер. дѣятельности св Стефана; но тогда начало ея падало бы на 1378 г. (Февраль), когда онъ былъ еще въ Ростовѣ.

***) Въ этомъ монастырѣ съ 1383 г. былъ «Владычній домъ Пермскихъ Архіереевъ» до нач. XVI в. По переселеніи ихъ въ Вологду, монастырь оставался подъ именемъ Устьвымской Архангельской пустыни съ управленіемъ игуменскимъ, иногда строительскимъ, до штатовъ 1764 г., когда былъ обращенъ въ приходскую церковь. Теперь приход. Устьв. Мих.-Арханг. церковь.

****) Притокъ р. Вычегды съ юго-востока.

*****) При впаденіи Сысолы въ Вычегду. *Сыктылъ* — «*Сик-тылъ*» — кругъ озеръ.

отстоитъ въ 70 верстахъ отъ Устьвыма; *Пажгинская* *), въ 30 верстахъ отъ Устьсысольска и 100 верстахъ отъ Устьвыма; *Ыбская* **), въ 120 верстахъ отъ Устьвыма, *Каргортская* ***), въ 10 верстахъ отъ Ыбской; *Визинская* ****) на рѣкѣ Визингѣ, впадающей въ Сысолу, въ 160 верстахъ отъ Устьвыма; *Межадорская* *****), при сліяніи рѣки Визинги съ Сысолой; Стефановскій или *Вотчинскій* ******) монастырь на рѣкѣ Сысолѣ, въ 170 верстахъ отъ Устьвыма. Этотъ монастырь основанъ св. Стефаномъ около 1389—90 г. для миссіонеровъ-монаховъ *******). Архимандритъ Макарій полагаетъ здѣсь границу проповѣднической дѣятельности св. Стефана по рѣкѣ Сысолѣ ********). Но такъ какъ старинныя зырянскія названія мѣстностей продолжаются далѣе, вверхъ по р. Сысолѣ, то мы думаемъ, что, если не самъ св. Стефанъ, то непосредственные его ученики, быть можетъ, выходцы изъ новооснованнаго имъ Вотчинскаго монастыря, рас-

---

*) Пажга отъ зыр. *пежъ*—непріятный, неровный, указ. на мѣстность.

**) *Ыбъ* значитъ гора; указ. на возвышенность мѣстности.

***) *Каръ*—городъ, *Гортъ*—домъ.

****) Отъ зыр. сл. *визылъ*—быстрый; указ. на теченіе и кривизну р. Визинги.

*****) *Межа*—средина, *доръ*—край, граница.

******) Вотча отъ гл. *вэтчны*,—основывать, строить.

*******) Многія стихиры изъ церковной службы еще въ прошломъ вѣкѣ здѣсь пѣли на зырянскомъ языкѣ, (Волог. г. в. 1839 г. № 3) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Печорскій край) служба на зырянскомъ языкѣ совершается и нынѣ. Вотчинскій монастырь упраздненъ до штатовъ 1764 г.; теперь приходская Вотчинская Богородская церковь. Изъ старинныхъ памятниковъ извѣстны: деревянный крестъ въ церкви, приписываемый св. Стефану, явленная икона Спасителя и старинная каменная часовня.

********) Сказаніе о жизни св. Стеф. стр. 33.

пространили христіанскую вѣру и построили церкви и далѣе. Изъ этихъ древнихъ церквей извѣстны: *Пыелдинская* *), въ 190 верстахъ отъ Устьвыма, *Ужгинская* въ селѣ Ужгѣ **), называвшемся «Затиннымъ городкомъ» ***), въ ней существуютъ до сихъ поръ позолоченныя царскія врата, деревянныя, рѣзной работы, пожертвованныя Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ; *Кайгородская*, гдѣ существовалъ, по лѣтописямъ, городъ Китень ****) и *Верхнесысольская*, Срѣтенская пустыня, на верховьѣ рѣки Сысолы *****). Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ границы, къ югу отъ Устьвыма, по р. Сысолѣ, до которыхъ проникло христіанство въ Зырянскомъ краѣ въ концѣ XIV и въ самомъ началѣ XV вѣка.

Къ востоку отъ Устьвыма, по рѣкѣ Вычегдѣ, извѣстны слѣдующія древнѣйшія церкви: *Кэрткеровская* ******), въ 45 вер. отъ Устьсысольска и 115 отъ Устьвыма; *Пезмогская* *******), вверхъ по Вычегдѣ, въ 8 вер. отъ первой; *Важкурская* ********), *Ньобдинская* *********) въ 150 вер.

---

*) Пыелдинъ зыр. *пу* –дерево, *йылъ*—вверхъ и *дынъ*—конецъ

**) *Ужъ*—зыр. змѣя, гадъ; указ. на мѣстожительство пресмыкающихся.

***) «Вологодская Старина» Дмитріева. Спб. 1889 г.

****) Вологод. губ, вѣд. 1850 г. № 10.

*****) Собств. на рѣчкѣ *Ныв-ыбъ* (дѣвичья гора), впадающей у самаго верховья Сысолы. Правый берегъ р. Сысолы былъ болѣе населенъ, потому что лѣвый берегъ по своей низменности негоденъ для жительства.

******) *Кэрт-кэрэсъ*—желѣзная гора, мѣстожительство *Кэртъ-Айки* (см. 2 гл.).

*******) Зыр. сл. *Песъ*—дерево, *могъ*—работа, дѣло.

********) *Важкурья* отъ *важъ*—старый, *курья*—заливъ въ рѣкѣ.

*********) *Ньобдинъ* изъ зыр. словъ *бынъ*—мѣсто и *ньэбны*—торговать, т. е. торговое мѣсто.

отъ Устьвыма; *Стефановскій-Ульяновскій* *) монастырь на р. Вычегдѣ, въ 240 вер. отъ Устьвыма. Этотъ монастырь былъ основанъ св. Стефаномъ въ концѣ XIV в. (ок. 1392 г.) для миссіонеровъ, проповѣдовавшихъ вѣру Христову вверхъ по Вычегдѣ **). Здѣсь находится, по однимъ, явленная икона Спаса Всемилостиваго, называемаго св. Убрусъ, а по другимъ, приложенная св. Стефаномъ при постройкѣ храма ***). Къ сѣверу отъ этого монастыря на р. Вишерѣ ****), впадающей въ Вычегду, находится *Вишерская* церковь, по своей глубо-

---

*) По преданію на этомъ мѣстѣ утонула дѣвица Ульянія.

**) Волог. губ. в. за 1839 г. № 3. См. также Ист. Росс. іерарх. т. VI, стр. 328 и 467.

***) Стефано-Ульяновскій, Троицкій монастырь былъ упраздненъ до штатовъ 1764 г. и былъ приходскою церковью до 1860 г. Въ этомъ году указомъ Св. Синода отъ 18 Окт. опредѣлено было открыть при Стефано Ульяновско-Троицкой церкви мужской общежительный монастырь Троицко-Стефано-Ульяновскій, со строительскимъ управленіемъ. На содержаніе монастыря была переведена «милостинная» дача въ 85 р. 71½ к. с. изъ упраздненнаго въ томъ же году Лальскаго Архангельскаго заштатнаго мужскаго монастыря и получавшаго проценты—200 р. съ капитала, пожертвованнаго Графинею Анной Орловой. Къ сѣверо-западу отъ Ульяновскаго монастыря на горѣ Слудѣ, покрытой густымъ лѣсомъ и омываемой р. Вычегодою находится много ямъ, называемыхъ «Чудскими». Въ нихъ постоянно окрестные жители находятъ разныя металлическія украшенія, большею частью изъ мѣди и желѣза. Въ 1860 г. г. Мельниковъ пріобрѣлъ здѣсь найденную однимъ Зырянином огромную мѣдную чеканную луду, т. е. маску, закопченную отъ огня, что, какъ говоритъ г. Мельниковъ, согласно съ житіемъ св. Стефана, написаннымъ его ученикомъ Епифаніемъ, въ которомъ сказано, что идолы и кумиры Зырянъ всѣ сожигались (Памятники стр. 136 и 137 и д.). Маска эта была представлена въ слѣд. 1861 году г. Мельниковымъ въ Имп. Русс. Географ. Общ. См. Изв. Археол. Общ. за 1861 г. т. III, в. II, стр. 144—162 «Опис. Ульян. пуст.», или Волог. еп. в. 1867 г., стр. 43 и д.

****) Вишера отъ зырян. словъ «*Ва*»—вода и «*шеръ*»—средина.

кой древности пользующаяся преимущественно предъ другими церквами Зырянскаго края общимъ уваженіемъ Зырянъ. Народное преданіе такъ говоритъ объ основаніи этой церкви: незадолго послѣ того, какъ *шаманъ*-Памъ былъ выгнанъ изъ Зырянскаго края, упорные до того времени Вишерцы приняли св. крещеніе. Однажды, послѣ утренней молитвы, они увидѣли лодку, плывущую противъ теченія по р. Вишерѣ. Въ лодкѣ не было сѣдока, но въ ней находилась икона съ зажженною передъ ней свѣчей. Когда лодка приблизилась къ селенію, то на противоположномъ берегу Вишерцы увидали старца, который, указывая на икону, приказалъ имъ принять ее съ благоговѣніемъ и тотчасъ же скрылся. Вишерцы сняли съ лодки икону и помѣстили сначала въ часовнѣ, а потомъ въ новоустроенной церкви. Они твердо вѣруютъ, что старецъ, указавшій имъ явленный образъ Божіей Матери, былъ никто иной, какъ св. Стефанъ. Къ этому преданію присоединяется еще и то, что съ того времени, какъ появилась на Вишерѣ икона Богоматери, каждый годъ 8 сентября *) передъ Литургіею, чудеснымъ образомъ, являлся олень, который и былъ приносимъ въ жертву. Лѣтъ 150 тому назадъ олень что-то долго не являлся къ урочному часу. Вишерцы уже рѣшили принесть въ жертву вмѣсто оленя одно изъ домашнихъ животныхъ и съ тѣмъ начали службу. Передъ самымъ концомъ Литургіи они зарѣзали животное для жертвы. Но въ это самое время является заповѣдный олень, усталый, онъ кидается у входа въ церковь и издыхаетъ. Съ этихъ поръ, говорятъ Вишерцы, чудесное явленіе оленя прекратилось. Въ Вишерской церкви хранится до сихъ поръ

*) Храмовой праздникъ въ селѣ Вишерѣ.

обломокъ рога одного жертвеннаго оленя, весьма похожаго на кисть согнутой человѣческой руки. Ижемцы *), пріѣзжая въ село Вишеру для торговли, считаютъ долгомъ отслужить молебенъ явленному образу, и затѣмъ брать съ собою небольшой кусочекъ рога отъ жертвеннаго оленя, который толкутъ въ порошокъ. Этотъ порошокъ служитъ для нихъ лекарствомъ отъ всевозможныхъ болѣзней и предохраняетъ домашнихъ животныхъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей. Сами Вишерцы не помнятъ, чтобы когда-нибудь эти звѣри вредили домашнему скоту, между тѣмъ какъ Вишерская мѣстность, дикая и лѣсистая, служитъ привольнымъ обиталищемъ для всѣхъ родовъ лѣсныхъ звѣрей. Насколько справедливы оба эти преданія, судить не можемъ, но общая вѣра къ явленной иконѣ служитъ доказательствомъ истины событія въ той или другой формѣ.

Далѣе Стефано-Ульяновскаго монастыря, вверхъ по Вычегдѣ, на разстояніи 260 вер. отъ Устьвыма, находится старинная церковь *Устькуломская* **). Въ сохранившихся преданіяхъ о постройкѣ этой церкви видна также чудесность, какъ въ постройкѣ Вишерской церкви, Большое село Устькуломское дѣлится ручьемъ на два конца, вдоль по теченію р. Вычегды.

Когда новокрещенные Устькуломцы рѣшили построить храмъ во имя Преображенія Господня, то при закладкѣ вышелъ между ними споръ: жители верхняго конца желали имѣть церковь у себя, а нижняго — настаивали на томъ, что у нихъ мѣсто гори-

---

*) Зыряне, живущіе къ сѣверу по рѣкѣ Ижмѣ (притокъ Печоры) и издавна занимающіеся оленеводствомъ.

**) Усть-куломъ отъ зыр. глаг. «*кулны*»—умереть.

стое и потому болѣе удобное. Чтобы рѣшить этотъ споръ, Устькуломцы согласились, послѣ молитвы, спустить сверхъ Вычегды нѣсколько бревенъ и назначили, гдѣ они остановятся, тутъ и построить церковь. По всей вѣроятности, бревна должны были остановиться на верхнемъ концѣ села у ручья, въ который воды Вычегды стекались всегда съ быстротой, но, къ общему удивленію Устькуломцевъ, бревна прошли мимо и приплыли къ оврагу, куда не могли пристать, потому что противъ него былъ водоворотъ, и напоръ волны стремился къ противоположному берегу. Подлѣ этого оврага, на высокомъ берегу, Устькуломцы построили первую церковь. Немного далѣе отъ Устькуломской церкви находится тоже древняя *Керчемская* *) церковь, и наконецъ въ 60 верстахъ отъ Стефановскаго монастыря и въ 300 вер. отъ Стефановской каѳедры (г. Устьвыма), почти у самыхъ верховьевъ р. Вычегды, стоитъ *Помоздинская* церковь **). Что Зырянскія поселенія, въ Стефаново время, по рѣкѣ Вычегдѣ кончались этимъ селеніемъ видно уже изъ самаго названія этого села: Помоздинъ или «*помъ-йезъ-дзинъ*» ***), что буквально значитъ: край, гдѣ кончаются жилища Зырянъ. Таковы, по нашему мнѣнію, границы Стефановской церкви на востокъ отъ каѳедральнаго города Устьвыма, вверхъ по рѣкѣ Вычегдѣ ****).

Къ западу отъ Устьвыма, внизъ по рѣкѣ Вычегдѣ

---

*) Въ селѣ *Кер-Чомъ* отъ зыр. словъ: «*керъ*»—бревно, «*чомъ*»—клѣтка.

**) Въ селѣ «*Помоздинѣ*».

***) «*Помъ*»—конецъ, «*йезъ*»—люди, «*дзинъ*»—край, граница.

****) Зыр. селенія по р. Вычегдѣ, какъ по Сысолѣ, были больше на правомъ берегу.

и ея притоку Лузѣ *), св. Стефаномъ были основаны слѣдующія церкви: *Гамская* **), въ 50 верстахъ ниже Устьвыма, на правомъ берегу р. Вычегды; *Архангельскій* монастырь, основанный, по преданію, св. Стефаномъ въ г. Яренскѣ ***), въ 80 вер. отъ Устьвыма, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится приходская церковь Покрова Пресвятыя Богородицы (въ г. Яренскѣ). Годы основанія и упраздненія этого монастыря остались неизвѣстны. *Иртовская* церковь въ селѣ Иртѣ ****), въ 17 верстахъ ниже Яренска, на рѣкѣ Вычегдѣ; здѣсь находится чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса, написанный въ большомъ размѣрѣ, въ древне-византійскомъ стилѣ. Живописцемъ этого образа народное преданіе признаетъ св. Стефана *****). *Ленская* церковь въ селѣ Ленѣ ******), въ 10 вер. отъ Иртовской церкви. *Вожемская* *******), въ 120 вер. отъ Устьвыма, внизъ по Вычегдѣ, знаменита двумя древнѣйшими иконами, съ зырянскими надписями: Св. Троицы и Сошествія Св. Духа, изъ которыхъ первая, безъ сомнѣнія, можетъ быть отнесена ко времени св. Стефана ********). Икона

---

*) Луза отъ зыр. слова «*лозъ*» синій, указ. на цвѣтъ воды.

**) Въ селѣ Гамъ отъ зыр. сл. «*гу*», могила.

***) Зыряне Югру называютъ «*Иаранъ*»; быть можетъ, здѣсь впервые поселились тѣ Вогуличи—*йэгри*, которые бѣжали отъ проповѣди св. Стефана, и ихъ именемъ назвали это селеніе Зыряне (ср. Лыткина, стр. 19).

****) Ирты отъ «*йиръ*»—глубокій и «*тъи*»—болото.

*****) См. свид. Епифанія, Памятн. стр. 149. Въ Иртовской церкви есть деревянное паникадило, рѣзной работы, принадлежащей, по увѣренію Зырянъ, мѣстному мастеру; древность паникадила возводится на 150 лѣтъ.

******) Лена отъ зыр. «*льэнъ*», тихій; указ. на теченіе Вычегды близъ села Лены.

*******) Въ селѣ Вожемѣ, зыр. «*вожа—туй*», дорога съ поворотомъ.

********) См. «Вѣст. Евр.» 1814 г. Мартъ ст. Митр. Евгенія.

Св. Троицы въ длину 1 арш. и 10 верш., въ ширину 1 арш. и $^1/_2$ верш. Вверху, надъ изображеніемъ трехъ Ангеловъ, посѣтившихъ Авраама у Мамврійскаго дуба, славянская надпись: «Образъ святыя Троицы живоначальныя» и надпись надъ головой каждаго изъ изображенныхъ лицъ. Внизу иконы надпись зырянскими буквами, состоящая изъ пяти именъ, и подъ ними шесть длинныхъ строкъ *). Икона Св. Троицы признается Зырянами чудотворною: она три раза уносилась въ *Цилибинскую* Рождественскую церковь гг. Осколковыми, и каждый разъ чудеснымъ образомъ возвращалась въ Вожемскую церковь. Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія (около 1801 г.), Епископъ Вологодскій Арсеній (Тодорскій) перенесъ эту икону изъ Вожемской церкви въ Вологду, а въ Вожемъ отправилъ точную съ нея копію **). Икона Св. Троицы сначала была поставлена въ холодномъ каѳедральномъ Соборѣ, на правой сторонѣ противъ Епископскаго мѣста ***), а теперь находится въ тепломъ Воскресен-

---

*) П. Д. Шестакову (бывш. попечит. Казан. учебн. окр.), первому, послѣ долгихъ попытокъ, удалось наконецъ прочесть зырянскую надпись на этой иконѣ. Оказалось, на ней помѣщенъ дословный переводъ славян. текста изъ XVIII гл. кн. Бытія, ст. 1—8. (См. Ж. М. Нар. пр. за 1871 г. Янв. ст.: «Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго (?) сохранившагося до сего времени памятника св. Стефана Пермскаго»).

**) О Вологод. Епископѣ Арсеніѣ см. Вологод. епарх. вѣдом. за 1867 г. ст. Н. Суворова: «Объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархій», стр. 152—3. Другая копія съ иконы Св. Троицы, тоже съ зырянскою подписью, находится въ г. Великомъ Устюгѣ, въ церкви св. Симеона Столпника.

***) Истор. Росс. іерарх. ч. VI, стр. 570 въ ст. «Устьвым. Архан. пустыня». Кратк. церк. истор. Платона, ч. I, стр. 243—244 изд. 1805 г.

скомъ соборѣ, въ первомъ по входѣ отдѣленіи, на правой сторонѣ, близъ чудотворной иконы Божіей Матери «всѣхъ скорбящихъ радости».

Что касается второй иконы, Сошествія Св. Духа, то она до сихъ поръ хранится въ Вожемской церкви. Зырянская надпись на ней состоитъ изъ пяти строкъ по обѣ стороны изображеннаго полукруга съ лучами или сіяніемъ *).

Противъ Вожемской церкви, на лѣвой сторонѣ р. Вычегды, былъ основанъ *Цилибинскій*, Михайло-Архангельскій, мужской монастырь преп. Димитріемъ, Вологодскимъ Чудотворцемъ, ученикомъ и сотрудникомъ св. Стефана **). Въ точности время основанія этого монастыря ***) и управленіе имъ неизвѣстны; упоминается въ 1660 г., упраздненъ задолго до штатовъ 1764 г. ****). Теперь на мѣстѣ монастыря находится *Цилибинская* Михайло-Архангельская церковь *****). Въ ней почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Димитрія, основателя бывшаго монастыря. Эта церковь въ древности славилась дорогими украшеніями иконъ и богатою церковною утварью. Здѣсь простирались обширныя владѣнія Осколковыхъ, знаменитыхъ Новго-

---

*) Зырянскую надпись на этой иконѣ первый прочелъ также г. Шестаковъ. Зырян. текстъ взятъ изъ кн. Дѣяній Св. Апост. гл. 2, ст. 1—4. (См. «Св. Стефанъ, Первосвятитель Зырянъ» П. Шестакова. Казанъ 1868 г. (Ф. Лыткинъ относитъ и эту икону ко времени св. Стефана. См. «Зыр. край» стр. 28.

**) Свящ. І. Вѣрюжскій «Вологод. Святые». Вологда 1883 г. «Русск. Св.» подъ 26 Апрѣля, Митр. Филарета.

***) Полагаемъ, незадолго послѣ смерти св. Стефана.

****) Вологодск. епарх. вѣдом. за 1867 г. стр. 143.

*****) Приходская въ селѣ Цилибѣ. Цилибъ изъ зыр. словъ: «*чой*»—сестра, «*ыбъ*»—гора.

ширныя владѣнія Осколковыхъ, знаменитыхъ Новгородскихъ переселенцевъ, неуступавшихъ въ промышленности и торговлѣ извѣстнымъ Строгоновымъ. Въ Цилибинской церкви есть бархатная пелена, пожертвованная, по преданію, одною изъ супругъ царя Іоанна Васильевича Грознаго. На разстояніи 130 вер. отъ Устьвыма, на правомъ берегу Вычегды, стоитъ старинная *Туглимская* церковь, въ селѣ Туглимѣ. Сохранилось слѣдующее преданіе о пребываніи здѣсь св. Стефана: разъ одна женщина увидала св. Стефана въ худой обуви и подала ему новые носки. Въ благодарность за это, св. Стефанъ предсказалъ женщинѣ, что это мѣсто будетъ торговое, и предсказаніе его сбылось. Хотя положеніе села не представляетъ никакихъ мѣстныхъ особенныхъ выгодъ, здѣсь издавна существуетъ нѣсколько ежегодныхъ ярмарокъ *).

Палевицкая церковь—въ селѣ Палевицахъ. О древности ея можно судить потому, что въ церковномъ архивѣ, лѣтъ 30 тому назадъ, были найдены грамоты за греческою подписью Питирима, четвертаго Устьвымскаго Епископа. Слѣдовательно, основаніе ея можно отнести къ началу XV вѣка **). *Совдорская* церковь, въ 310 вер. отъ Устьвыма, въ селеніи Совдоръ ***), въ нынѣшнемъ городѣ Сольвычегодскѣ ****). Наконецъ, въ 60 верстахъ

---

*) Говорятъ, въ старину ярмарки были чаще и богаче, чѣмъ теперь.

**) Питиримъ умеръ въ 1455 году.

***) Совдоръ зыр. слово изъ «*совъ*»—соль, «*доръ*»—край, граница.

****) Въ Сольвычегодской Благовѣщенской Соборной церкви хранится холстинный саккосъ, поверхность котораго покрыта иконописными изображеніями изъ событій Священной исторіи. По преданію, этотъ саккосъ принадлежалъ къ облаченію св. Стефана, Епископа Пермскаго (см. Вологод. губ. вѣд. за 1845 г. № 23, ст. Пушкарева: «Описаніе Вологодскихъ древностей»).

отъ Совдорской церкви, безъ сомнѣнія, была основана св. Стефаномъ *Пырасская* церковь, въ нынѣшнемъ селѣ *Котласъ*, въ 60 вер. отъ г. Устюга, при впаденіи р. Вычегды въ Сѣверную Двину. Селеніе *Пырасъ*, какъ мы уже упоминали выше, было первое, куда св. Стефанъ направился съ проповѣдью изъ своего роднаго города Устюга, и гдѣ Зыряне приняли проповѣдника искренно. Вотъ границы Стефановской церкви къ юго-западу отъ каѳедральнаго города Устьвыма.

Что касается распространенія христіанства къ сѣверу отъ г. Устьвыма, по рѣкѣ Выми и далѣе по рѣкамъ: Вашкѣ, Мезени и Удорѣ, при святомъ Стефанѣ, то довольно трудно установить точныя границы, до которыхъ простиралась его проповѣдь, такъ какъ здѣсь сохранилось гораздо менѣе и древнихъ церквей и преданій о посѣщеніи мѣстъ св. Стефаномъ. Больше другихъ археологическою извѣстностью пользуются церкви—вверхъ по р. Выми: *Княжъ-погостская*, въ 30 вер. отъ г. Устьвыма на правомъ берегу р. Выми. Здѣсь, по преданію, была резиденція Вымскихъ князьковъ-*шамановъ* и, быть не можетъ, чтобы св. Стефанъ, по изгнаніи Пама, не навѣстилъ его мѣстопребыванія и не утвердилъ и здѣсь христіанства, какъ и въ Устьвымѣ и другихъ мѣстахъ. Выше Княжъ-погостской церкви на 50 верстъ, при р. Веслянкѣ, впадающей въ Вымь, находится древняя церковь *Веслянская*, уважаемая Зырянами съ давнихъ поръ, какъ владѣющая святынею, явленною, чудотворною иконою Святителя Николая.

Въ настоящее время, вверхъ по р. Выми и далѣе къ сѣверу по рѣкамъ: Мезени, Удорѣ и Вашкѣ до самыхъ границъ Архангельской губерніи, болѣе, чѣмъ на 600 верстъ, расположенъ, такъ называемый

Удорскій край *), въ которомъ живутъ тоже Зыряне.

Когда это обширное пространство населилось Зырянами, до обращенія ихъ въ христіанство, или же послѣ, трудно установить опредѣленное рѣшеніе. Нѣкоторые изъ самихъ Зырянъ утверждаютъ, что теперешніе Удорцы — прежніе упорные Вымскіе Зыряне, бѣжавшіе сюда со своими идолами отъ проповѣди Стефана и обращенные въ христіанство полтора вѣка спустя, при преемникахъ св. Стефана **). Но это предположеніе едва ли вполнѣ справедливо. Во первыхъ, Удорскіе Зыряне, по своему нарѣчію, такъ рѣзко отличаются отъ остальныхъ Зырянъ: Вымскихъ, Вычегодскихъ, Сысольскихъ, Лузскихъ и даже Камскихъ, что едва-едва понимаютъ другъ-друга, а такую существенную разницу въ языкѣ, по нашему мнѣнію, могло бы сдѣлать только самое отдаленное время ***). Во вторыхъ, по значительности народонаселенія (до 55,000 жителей), Удорскій край представляется давнимъ осѣдлымъ жилищемъ туземнаго народа, который внесъ свое имя даже въ титулъ древнихъ Русскихъ князей. Слѣдовательно, Удорскій народъ издавна существовалъ подъ собственнымъ своимъ именемъ, хотя, нужно думать, и не на такомъ большомъ пространствѣ, какое Удорцы занимаютъ

---

*) «*Удора*» изъ зырян. словъ: «*улъ*» или «*увъ*» нижній и «*доръ*» конецъ, край.

**) Это же мнѣніе находится въ Географ. словарѣ Щекотова т. IV, стр. 951, подъ словомъ: Остяки и Зыряне.

***) Вотъ нѣсколько разныхъ названій для обозначенія одного и того же предмета у Вычегодскихъ и Удорскихъ Зырянъ: дверь по вычегодски «*эдчесъ*», по удорски «*ыбэсъ*»; затворять — «*пэдламны*», — «*сиптыны*»; дитя по вычегодски «*кага*», по удорски «*тятей*»; чаша — «*тасьты*», — «*бекаръ*»; питье, — «*суръ*», — «*сюкэсь*», и мн. другихъ.

теперь. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Удора была населена сколько-нибудь уже въ Стефаново время, помимо бѣжавшихъ отъ его проповѣди Вымскихъ Зырянъ въ отдаленныя мѣста этого края. А если такъ, то быть не можетъ, чтобы св. Стефанъ не распространилъ своей проповѣди и по этому направленію, (на сколько это было доступно по тогдашнимъ мѣстнымъ условіямъ края), и это кажется намъ тѣмъ болѣе невозможнымъ, что мѣста по р. Выми и далѣе къ сѣверо-западу были центральнымъ мѣстомъ его постоянныхъ миссіонерскихъ трудовъ. И дѣйствительно, мы находимъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о посѣщеніи св. Стефаномъ Удорскаго края. Такъ, въ Удорскомъ селеніи, *Веньдынгъ* *), отстоящемъ отъ Усть-Вымa на разстояніи слишкомъ 300 верстъ, находится большой, деревянный крестъ **), сохранившійся со времени обращенія въ христіанство Удорцевъ св. Стефаномъ. По преданію, крестъ сдѣланъ самимъ св. Стефаномъ, который вырѣзалъ на немъ надпись и поставилъ его въ новую часовню, построенную Удорцами. Въ продолженіе пяти вѣковъ, время разрушило много часовенъ на Веньдынгѣ ***), много ихъ сгорѣло, но ни время, ни огонь не коснулись своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ креста: онъ сохранился въ цѣлости. Что касается вырѣзанной на немъ надписи, правда, отчасти сгладившейся отъ времени, то она еще до сихъ поръ никѣмъ не прочитана, да едва ли и извѣстна

---

*) Теперь Вендынгская Успенская церковь, при р. Вени, притокѣ р. Вашки.

**) Около 2½ арш. въ длину и 1 арш. въ ширину.

***) Крестъ собственно находится въ деревнѣ, называющейся поэтому также «Крестъ», на разстояніи 1½ вер. отъ с. Веньдынги.

кому-нибудь изъ ученаго міра *). Въ 15 вер. отъ Вендынгской церкви находится *Йертомская* Троицкая, въ селеніи Йертомѣ **), по близости разстоянія ея отъ Вендынгской, мы думаемъ, что первое основаніе христіанства и въ ней положено св. Стефаномъ. Какъ старинная церковь извѣстна *Косланская* ***), на р. Ирвѣ ****), впадающей въ р. Мезень. Въ ней находится много древнихъ образовъ; на церковной колокольнѣ есть колоколъ голландской работы, литой въ XVI вѣкѣ.

Такимъ образомъ, проповѣдь св. Стефана достигала самыхъ отдаленныхъ концовъ Зырянскаго края: съ одной стороны—отъ устья Вычегды до самыхъ верховьевъ ея, почти до границъ Перми великой, «глаголемой Чусовой», на пространствѣ слишкомъ 1500 верстъ,—если же включить сюда притоки Вычегды: Лузу, Сысолу, Вишеру, Мылву и др., гдѣ населеніе было также значительно при св. Стефанѣ, то это пространство увеличится больше, чѣмъ вдвое; съ другой стороны—отъ устья Выма до Мезени, Удоры и Вашки, разстояніе между которыми приблизительно можно опредѣлить среднимъ числомъ въ 1200 верстъ *****). На такомъ огромномъ пространствѣ,

---

*) Въ этой же часовнѣ есть маленькій металлическій крестъ, признаваемый жителями явленнымъ на стоящей вблизи часовни огромной березѣ.

**) Удорскій глаголъ «*йертны*»—загородить, запереть, въ переносномъ смыслѣ—поставить втупикъ; «*йертэмъ*», замкнутое, запертое мѣсто.

***) Въ с. Косланѣ, зыр. сл. «*косъ*»—сухой и «*ланъ*» предлогъ—за.

****) Ирва—*йыръ*»,—глубокій и «*ва*» вода.

*****) Епифаній такъ описываетъ Зырянскій край, при св. Стефанѣ, мѣстныхъ жителей, а также сосѣднихъ съ ними: «Рѣка же едина, ей же имя Вымь (по зыр. «*йемва*», т. е. игла—вода), си обходящия всю землю Пермьскоую (т. е. Вычегодскую парму), и вниде въ Вычегдоу (по зыр. «*васэдчъ*», т. е. чистая вода); рѣка же

только при постоянныхъ и усиленныхъ трудахъ, возможно было распространить православіе, въ сравнительно короткое время (около 17 лѣтъ). Разумѣется, здѣсь проповѣдникъ долженъ былъ преодолѣть на пути тысячи препятствій, поставленныхъ природою, испытать и перенести всякаго рода неудобства и лишенія прежде, чѣмъ довести дѣло до конца. И под-

---

дроугая именемъ Вычегда («*эжва*», т. е. рѣка, протекающая близъ зеленыхъ луговъ, а незеленоватая или мутная рѣка, какъ поясняетъ это названіе г. Лыткинъ (Зыр. край 19 стр.), си исходящия изъ земля Пермьскыа и шествоующи ко сѣвернѣй странѣ и своимъ оустьемъ вниде въ Двиноу, ниже града Оустюга за четыредесять поприщь; рѣка же третьяя нарицаемая Вятка, яже течеть въ другую страноу Перми (т. е. по другой сторонѣ обширной Зырянской пармы, къ югу), и вниде въ Камоу (по зыр. «*комъ-ю*», т. е. быстрая рѣка); рѣка же четверта имянемъ Кама. Сіи есть оубо обходящіа и проходящіа всю землю Пермьскоую сквозѣ ню, по ней же мнози языци сѣдять, си и оубо грядоущіа оустремленіемъ прямо яко къ югу (отъ Вычегодской пармы) и своимъ оустіемъ вниде въ Волгоу, близь града нарицаемаго Болгаръ». «А се имяна мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникомь, живоущимъ вкроугъ Перми (въ самой обширной пармѣ): Двиняне (живущіе по Двинѣ), Оустьюжане (при устьѣ Юга), Вилежане (по р. Виледи, недалеко отъ Пыраса), Вычегжане (по р. Вычегдѣ или «Эжвѣ»), Пинежане (по Пинегѣ), Южене (по Югу), Сырьяне (въ другихъ лѣтописяхъ: Сырояне, Сырьяне, Сырьане, Сыране, Сыряне или: Серьяне, Серояне, Сириане и Сирнане—общее названіе всѣхъ Вычегодскихъ, Сысольскихъ и Вымскихъ Зырянъ, извѣстныхъ Епифанію, (по разсказамъ св. Стефана), Гайане (Гамане по Никон. лѣт., Галичане, по Лыткину), Віатчене (живущіе по р. Вяткѣ), Лопь (по р. Лопвѣ, впадающей въ Каму), Корѣла, Югра (Йегра, т. е. Остяки), Печера (жит. по р. Печорѣ), Вогоуличи (Йегра, жившіе по р. Яренгѣ, впадающей въ Вычегду), Самоедь (живущіе къ сѣверу по тундрамъ), Пертасы (Никон. лѣт. IV, 268—Петрасы—неизвѣстный народъ), Пермь великая, глаголемая (въ Степенной книгѣ ч. I, 524 стр., благодаря славянскимъ титламъ, это слово обозначаетъ особый народъ — Гамаль), Чюсовая» (т. е. по р. Чусовой, притокѣ Камы, см. I гл.). Памятн. 123 стр.

линно, св. Стефанъ былъ истиннымъ Апостоломъ Зырянъ.

Какъ велико было число всѣхъ Зырянъ, обращенныхъ въ христіанство св. Стефаномъ и его ближайшими сотрудниками опредѣлить съ точностью нѣтъ возможности. Епифаній число крещенныхъ самимъ св. Стефаномъ ограничиваетъ цифрой 700 *). Но эта цифра слишкомъ незначительна, судя, во первыхъ, по громадному пространству, какое занимали Зыряне еще при св. Стефанѣ, во вторыхъ, по вѣроятной численности жителей Зырянскаго края въ тогдашнее время, и въ третьихъ, судя по числу монастырей и церквей, основанныхъ самимъ Стефаномъ и его ближайшими сотрудниками **). Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что обращено въ

---

*) «Егда бо вніде (св. Стефанъ) въ землю Пермскую, не бѣ до него никого же отъ Пермянъ християнъ, потомъже вся християны сътвори Божіею благодатію, елико своима рукама Пермяны крести, числомъ яко до 3 сотъ душь, и елико Пермстіи попове его своима рукама крестиша.. » (Памятники, 140 стр.).

**) То пространство Зырянскаго края, которое составляло Стефанову церковь, теперь раздѣлено на четыре громадныхъ уѣзда Европейской Россіи: Сольвычегодскій, Яренскій, Устьсысольскій (Вологодской губерніи) и Мезенскій (Архангельской губерніи). Въ этихъ четырехъ уѣздахъ живутъ теперь по крайней мѣрѣ 160 тысячъ Зырянъ. Безспорно то, что на этомъ пространствѣ народонаселеніе увеличивалось постепенно, появилось много новыхъ Зырянскихъ селеній; но безспорно также и то, что между Зырянскими селеніями осталось много и современныхъ св. Стефану, и слѣдовательно, какъ ни должно сократиться число настоящаго народонаселенія Зырянъ, если взять за четыре съ половиной вѣка тому назадъ, все же должно остаться не совсѣмъ незначительное количество Зырянъ, составлявшихъ паству Устьвымскаго Епископа. Это же подтверждается и преданіемъ Зырянъ и незапамятною древностью Зырянскихъ церквей, изъ которыхъ многія безъ всякаго сомнѣнія своимъ началомъ восходятъ къ временамъ св. Стефана. Чрезъ 200 лѣтъ послѣ св. Стефана въ «Сказаніи о чу-

христіанство св. Стефаномъ и поставленными имъ священниками (съ 1383 г.) несравненно болѣе того числа, какое показываетъ Епифаній *).

Причины успѣха миссіонерской дѣятельности св. Стефана среди язычниковъ-Зырянъ ясно можно видѣть три. Во первыхъ, много защищали св. Стефана отъ преслѣдованій зырянскихъ *шамановъ* охранныя грамоты Великаго Князя, съ которыми св. Стефанъ всегда имѣлъ право найти защиту у Московскихъ тіуновъ, сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ—представителей Московской власти **). Во вторыхъ, суще-

---

десахъ св. Устьвымскихъ чудотворцевъ: Герасима, Питирима и Іоны» (рукопись находится въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи), перечислены почти всѣ главныя мѣста теперешнихъ Зырянскихъ селеній. Значитъ Зырянскій край не подвергался слишкомъ большимъ измѣненіямъ, и потому наши заключенія получаютъ еще большую степень вѣроятности.

*) Нужно здѣсь припомнить и то обстоятельство, что Епифаній видѣлся со св. Стефаномъ послѣдній разъ въ 1390 году, на обратномъ пути св. Стефана изъ Москвы. Въ 1396 г., во время послѣдняго своего путешествія изъ Устьвыма въ Москву, св. Стефанъ не заходилъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, такъ какъ его друга, игумена Сергія, уже не было въ живыхъ (Преп. Сергій преставился въ 1391 г.). Поэтому Епифаній не могъ знать непосредственно отъ св. Стефана о его миссіонерской дѣятельности въ послѣдніе 5—6 лѣтъ и судилъ по догадкамъ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, по свидѣтельству Архим. Макарія («Сказаніе о св. Стефанѣ» стр. 50, пр. 41), считается обращенныхъ св. Стефаномъ по одной рѣкѣ Выми около 1000 Зырянъ. По нашему мнѣнію, это число Зырянъ-христіанъ по р. Выми составляетъ по крайней мѣрѣ $^1/_6$ часть всѣхъ Зырянъ, обращенныхъ въ христіанство при св. Стефанѣ.

**) Г. Лыгинъ не признаетъ существованія охранныхъ грамотъ при св. Стефанѣ. Онъ считаетъ ихъ въ данномъ случаѣ неумѣстными, излишними, такъ какъ «Зыряне—люди добрые, деликатные умомъ и сердцемъ, а не звѣри (!), какъ о нихъ обыкновенно (?) пишутъ»... (см. «Зырянскій край» изд.

ственная причина успѣха проповѣди заключалась въ пріемахъ проповѣдника.

Св. Стефанъ строитъ въ Зырянскомъ краѣ храмы «благолѣпные», что поражаетъ и заковываетъ грубыя

1889 г. СПБ., стр. 46). По мнѣнію г. Лыткина, скорѣе въ рукахъ Стефана была грамота ставленная іерейская, а ужъ ни въ какомъ случаѣ не Великимъ Княземъ данная (тамъ-же). Но предположимъ (г. Лыткинъ на стр. 50—51, прим. 2 дѣлаетъ маленькую уступку или оговорку), если грамота и была при Стефанѣ, то онъ конечно ея никому не показывалъ, «потому что это, безъ предъявленія ея Новгороду, было-бы вызовомъ Москвы къ Новгороду.. (стр. 46) и должно было возбудить во властяхъ большія опасенія и затормозить дѣятельность проповѣдника»... (стр. 50—51 пр. 2). Такъ представляется дѣло г. Лыткину. Но мы не можемъ согласиться съ его доводами. Правда, Епифаній не указываетъ прямо о томъ, что св. Стефану были даны Великокняжескія грамоты. Въ одномъ мѣстѣ своей «повѣсти о Стефанѣ» онъ говоритъ, что св. Стефанъ, передъ отправкой въ Зырянскія страны получилъ отъ митрополичьяго намѣстника, Еп. Герасима, благословеніе, и молитвы, и грамоты, и отпущенье (стр. 125 Памятн.). Что были это за грамоты? («грамоты», а не грамота, т. е. не един., а множ. число). Допустимъ, что здѣсь непосредственное указаніе на ставленную грамоту. По прибытіи въ Устьвымъ св. Стефана, при самомъ началѣ его проповѣднической дѣятельности, Зыряне (полагаемъ, ихъ вожди *шаманы*), находясь въ недоумѣніи, разсуждаютъ между собою о Стефанѣ чисто юридически: они боятся прикоснуться къ игумену, изъ Москвы новопришедшему, (значитъ, Зыряне были знакомы съ Московскими людьми. Ср. Епиф. стр. 138) потому, что тотъ «не творитъ начала бою» (Епиф., 134), слѣдов., если они убьютъ его, то будутъ отвѣтчиками. Предъ кѣмъ? Разумѣется, предъ Московскимъ правительствомъ, (а не предъ Новгородомъ, по г. Лыткину). Въ Четьи-Минеѣ Митр. Макарія, это мѣсто читаемъ нѣсколько подробнѣе и яснѣе, именно: Зыряне боялись убить св. Стефана, «яко изъ Москвы къ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго» (подъ 26 ч. Апр.). Ясно, какихъ грамотъ боялись Зыряне; вѣдь не ставленныхъ-же? Труды св. Стефана имѣли не только просвѣтительно-религіозное значеніе, но и политическое: онъ утвердилъ въ Вычегодско-Сысольской странѣ и Христово ученіе и окончательное подчиненіе ея Московскому государству. Нельзя сказать, чтобы

чувства Зырянъ по отношенію къ проповѣднику: они невольно стремятся хотя бы только посмотрѣть сози-

---

Московское правительство не предвидѣло этого. И если Вычегодскій край въ концѣ XIV в. находился еще подъ властью Новгорода, а не Москвы (какъ полагаетъ г. Лыткинъ), то тѣмъ болѣе Московскіе государи не постѣснились-бы выдавать свои грамоты ради какого-то ложнаго опасенія дѣлать этимъ вызовъ Новгороду; напротивъ, они всѣми мѣрами старались распространить свое вліяніе на Зырянскія страны. Но, какъ мы уже сказали въ первой главѣ (см. 37 стр. 2 пр) Вычегодскій край, предъ приходомъ сюда св. Стефана, находился подъ властью Москвы, а не Новгорода; и слѣдовательно, охранныя грамоты Московскаго князя были и не неумѣстны и неизлишни, а направлены къ прямой цѣли — дать покровительство своему Московскому миссіонеру въ новопокоренной Зырянской странѣ. Для правительства эти грамоты могли имѣть даже двоякое значеніе, какъ мѣра покровительства миссіонеру и какъ дипломатическая мѣра, какъ посмотрятъ на эти грамоты новопокоренные Зыряне? осмѣлятся ли они посягнуть на жизнь миссіонера и такимъ образомъ ослушаться новой власти надъ ними? нѣтъ-ли измѣны въ пользу прежнихъ владѣтелей края—Новгородцевъ и т. д. А что легко и вполнѣ возможно было, даже помимо всего этого, получить св. Стефану охранныя грамоты отъ Великаго Князя, видно изъ того, что Дмитрій Іоанновичъ лично зналъ св. Стефана (до миссіонерскихъ подвиговъ, быть можетъ, по его ученымъ трудамъ въ Ростовскомъ монастырѣ, популярности, какою онъ пользовался отъ братіи, и репутаціи высшаго начальства) и любилъ его издавна (Епиф., 148 стр.); слѣдов., быть не можетъ, чтобы онъ какъ-нибудь не обезопасилъ своего любимца, при отправкѣ въ отдаленную и все еще враждебно—настроенную страну (см. рѣчь Пама, Памятн. стр. 138). А чѣмъ же онъ могъ обезопасить, какъ не грамотами?—Нельзя сказать, чтобы Зыряне не могли понять значенія Великокняжескихъ грамотъ, по крайней мѣрѣ *шаманы* (см. разговоръ Пама съ Стефаномъ). Грамотность (т. е. образованіе) вообще скоро прививается къ Зырянамъ: спустя немного времени по пріѣздѣ, св. Стефанъ заводитъ школы и учитъ Зырянскихъ дѣтей (Епиф. стр. 135), откуда уже выходятъ «новоученые» Зыряне (Епиф. 138 стр.). Быть не можетъ, что Зыряне не были знакомы съ какимъ нибудь письмомъ ранѣе распространенія Стефаномъ грамотности среди

даемые св. Стефаномъ храмы *). Но что всего важнѣе, Московскій миссіонеръ, по пріѣздѣ къ Зырянамъ, говоритъ съ ними, поучаетъ ихъ и въ домахъ, и на улицѣ, и въ своихъ церквахъ на ихъ родномъ, Зырянскомъ языкѣ. Мало того, въ Стефановскихъ церквахъ поютъ стихири и даже всю литургію служатъ на родномъ для Зырянъ языкѣ **). Наконецъ, въ санѣ Епископа, св. Стефанъ въ Зырянскомъ краѣ строитъ все новыя и новыя школы, въ которыхъ учитъ Зырянскихъ дѣтей Зырянской же грамотѣ, заставляетъ ихъ переписывать переведенныя имъ богослужебныя книги на Зырянскомъ языкѣ ***). Словомъ, св. Стефанъ распро-

---

нихъ (какъ тепер. значки «пасы»); самая быстрота воспріимчивости Зырянами новоизобрѣтенной Стефаномъ азбуки и чтенія по ней зырянскихъ книгъ смѣло говоритъ за наше предположеніе. Наконецъ, какъ извѣстно (Епиф. стр. 138), въ Зырянской странѣ жили Московскіе чиновники отъ имени Великаго Князя, дѣйствовавшіе, по его предписаніямъ и сообщавшіе ему свѣдѣнія о новопокоренной странѣ. Очевидно, они должны были сообщить Великому Князю и о трудахъ св. Стефана. А отсюда, мы думаемъ, и самъ св. Стефанъ долженъ былъ отправиться изъ Москвы къ Зырянскимъ чиновникамъ не иначе, какъ именно съ охранными грамотами Московскаго Князя.

*) Памятники, стр. 130 и 133.

**) Академ. Лепехинымъ во время его путешествій по Зырянскимъ селеніямъ въ 1771 г. найдена имъ въ с. Кэрткеросѣ рукопись Литургіи св. Златоуста на Зырянскомъ языкѣ, написанной славянскими буквами. (См. Пут. Академ. Лепехина, т. III, стр. 240 и дал. Спб. 1790 г.).

***) Памятники, стр. 135—136, 146—147; 149; 151. Изъ этихъ школъ выходятъ пастыри, весьма ревностные къ дѣлу обращенія въ христіанство своихъ соотчичей, напр. св. Димитрій, основатель Цилибинской пустыни. Вліяніе этихъ Зырянскихъ пастырей, разумѣется, было самое сильное: они хорошо знали характеръ и привычки своихъ земляковъ, были коротко знакомы съ семейнымъ и общественнымъ бытомъ.

страняетъ православіе среди Зырянъ, какъ истый Зырянинъ, свой человѣкъ или «асъ мортъ», какъ выражаются Зыряне.

При видѣ роднаго по языку у себя человѣка, Зыряне во всѣхъ отношеніяхъ св. Стефана постоянно встрѣчаютъ любовь къ нимъ, видятъ необыкновенную кротость, примѣрное терпѣніе *), соединенныя съ непоколебимою твердостью характера, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, даже предъ приближеніемъ мучительной смерти **).

Все это,—и какъ нельзя болѣе цѣлесообразные пріемы или способы обращенія въ христіанство Зырянъ, и личныя достоинства св. Стефана, и симпатичныя стороны его характера, обнаруживаемыя при постоянныхъ отношеніяхъ его къ Зырянамъ, — все это вмѣстѣ побуждало Зырянъ склониться на сторону Стефана.

Въ третьихъ, немалая причина успѣшной проповѣди св. Стефана заключалась въ самомъ существѣ языческой религіи Зырянъ. Во второй главѣ мы сказали, что Зыряне представляли всѣхъ своихъ боговъ какою-то грозною силой, существами, способными только мстить, приносить вредъ людямъ. Страшась непосредственнаго обращенія къ этой грозной силѣ, при всей безпомощности, Зыряне единственную защиту отъ своихъ злыхъ боговъ и посредничество находили въ своихъ *таманахъ*, (которые одни только знались съ богами). А послѣдніе, еще болѣе усиливая этотъ народный страхъ къ богамъ,

---

*) Не смотря на то, что св. Стефанъ всегда могъ искать у Московскихъ чиновниковъ защиту отъ обидъ, причиняемыхъ ему Зырянами.

**) Памятники, стр. 135.

крѣпче держали язычниковъ-Зырянъ въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ, религія Зырянъ была собственно религіею *шамановъ*, потому что она въ нихъ находила свое основаніе, ими же только одними и поддерживалась до самаго конца, а масса относилась къ своимъ богамъ почти безучастно: она знала и должна была только приносить жертвы, а все остальное было дѣломъ *шамановъ*.

Народъ не благоговѣлъ предъ своими богами, не любилъ своихъ *шамановъ* и тяготился и тѣми и другими. Обильныя жертвы, приносимыя идоламъ, по указаніямъ *шамановъ*, давали явственнѣе ощущать эту тяготу. Народъ, разумѣется, не могъ себѣ представить, что когда-нибудь явится возможность скинуть съ себя это тяжелое иго.

Но вотъ, является миссіонеръ, близкій Зырянамъ душою и характеромъ, и убѣдительно доказываетъ, что въ мірѣ есть только одинъ человѣколюбивый и милосердый Богъ, не требующій отъ людей никакихъ матеріальныхъ жертвъ, что ихъ прежніе боги безсильны (и доказываетъ это на дѣлѣ, при всѣхъ, именно: сжигаетъ ихъ), что ихъ *шаманы*—безсознательные обманщики и злодѣи. Это ясное и вполнѣ убѣдительное представленіе Зырянина-миссіонера о возможности освободиться отъ вліянія боговъ (непремѣнно злыхъ, по понятіямъ Зырянъ) и *шамановъ* поражаетъ Зырянъ, и тѣмъ болѣе, что оно явилось для нихъ неожиданнымъ, совсѣмъ новымъ. Открывается, такимъ образомъ, возможность скинуть прежнее тяготившее иго, отказаться отъ идоловъ и *шамановъ*, и Зыряне, благодаря св. Стефану, съ пробудившимся сознаніемъ, бросаютъ вмѣстѣ съ злыми *шаманами* и злыхъ своихъ боговъ.

Таковъ, по нашему мнѣнію, генезисъ религіознаго

сознанія Зырянъ, подъ вліяніемъ проповѣди св. Стефана *).

Въ четвертыхъ, разумѣется, помимо всѣхъ внѣшнихъ, такъ сказать, видимыхъ причинъ успѣшной дѣятельности св. Стефана среди Зырянъ, была причина невидимая, руководившая проповѣдникомъ всегда и вездѣ, это—благодать Божія. Эта-та невидимая сила — благодать Божія, и сказывалась въ словахъ и дѣйствіяхъ проповѣдника, особенно въ опасныхъ случаяхъ его жизни,-силой, неодолимой никакими чарами Пама и его товарищей— *шамановъ*. Осѣняемый благодатію Божіею, св. Стефанъ говорилъ и дѣйствовалъ, какъ власть имѣющій: онъ не отказался отъ предложенія Пама пройти сквозь огонь и воду, чѣмъ и одержалъ полную побѣду надъ нимъ, а въ лицѣ его и надъ всею языческою религіею Зырянъ.

Что касается прочности христіанства въ Зырянскомъ краѣ во времена св. Стефана, то, судя по преданіямъ и послѣдующимъ историческимъ событіямъ, нельзя сказать, что всѣ обращенные въ христіанство Зыряне рѣшительно отстали отъ язычества и свято соблюдали преподанную имъ христіанскую вѣру. Примѣръ Гамичей, еще при жизни самого Стефана, ясно доказываетъ обратное. Обращенные въ христіанство св. Стефаномъ, въ первые годы его миссіонерской дѣятельности, Гамичи **) недолго спустя опять обратились къ своимъ языческимъ обычаямъ и служили прежнимъ своимъ богамъ,

---

*) Къ этому прибавимъ еще и то, что неразвитымъ легче отказаться отъ прежней религіи, чѣмъ развитымъ. А Зыряне не были развитымъ народомъ.

**) Зыряне, живущіе въ селѣ *Гамъ*, въ 50 вер. отъ Устьвыма, на правомъ берегу рѣки Вычегды.

такъ что, когда св. Стефанъ, въ 1383 году, проѣзжалъ изъ Устьвыма въ Москву, мимо селенія Гамъ, то жители его, смѣясь, кричали ему, что они опять ѣдятъ лошадей и бѣлокъ, т. е. мясо, принесенное идоламъ. Св. Стефанъ горько сожалѣлъ о поступкѣ Гамичей, и успѣлъ снова укрѣпить ихъ въ Христовой вѣрѣ. Но полгода спустя, когда св. Стефанъ возвращался изъ Москвы чрезъ тотъ же Гамъ, многихъ изъ Гамичей нашелъ опять язычниками. Тогда въ своемъ праведномъ гнѣвѣ, говоритъ преданіе, св. Стефанъ назвалъ легкомысленныхъ Гамичей, «слѣпымъ родомъ». Съ этихъ-то поръ, по разсказамъ старожиловъ, до настоящаго времени вся Гамская волость называется остальными Зырянами «синтэмъ Гамъ», т. е. слѣпой Гамъ.

И дѣйствительно, слѣпота и близорукость составляютъ нерѣдкое явленіе у жителей этой Зырянской волости.

Нельзя также утверждать, что при св. Стефанѣ въ средѣ Зырянъ уже не было упорныхъ язычниковъ, неподдававшихся никакимъ убѣжденіямъ Стефана. Сказаніе Епифанія о бѣгствѣ язычниковъ, во главѣ съ Памомъ за Печорскій край, въ Обдорскую страну,—преданіе о бѣгствѣ другихъ язычниковъ въ дремучіе лѣса Удоры, наконецъ, послѣ-Стефановскія историческія событія, какъ напримѣръ, частыя бѣдствія Зырянской церкви отъ бѣжавшихъ упорныхъ язычниковъ, мученическія кончины преемниковъ св. Стефана, Епископовъ Пермскихъ, всѣ эти данныя позволяютъ намъ съ полною основательностью заключать, что, какъ при жизни св. Стефана, такъ и послѣ его кончины, еще оставалось много явныхъ и тайныхъ враговъ христіанства среди Зырянъ.

Эти враги Христова имени могли быть искоренены не иначе, какъ продолжительностью времени, путемъ долгихъ и постепенныхъ миссіонерскихъ трудовъ въ

краѣ и другихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ окончательному возрожденію Зырянскаго народа.

Изъ преемниковъ св. Стефана, особенно потрудившихся для Зырянъ въ дѣлѣ обращенія ихъ въ христіанство, извѣстны почитаемые ими святые Епископы: Герасимъ, Питиримъ и Іона.

При первомъ изъ этихъ Епископовъ, Герасимѣ, былъ основанъ *Печорскій* монастырь на р. Печорѣ, при впаденіи въ нее съ западной стороны р. Сѣверной Мылвы, въ 670 верстахъ отъ бывшаго Каѳедральнаго Зырянскаго города Устьвыма. Цѣлью основанія этого монастыря было обращеніе въ христіанскую вѣру Зырянъ-Печорцевъ, Вогуличей, Самоѣдовъ и Югры. Иноки Печорскаго монастыря служили для мѣстныхъ жителей по р. Печорѣ также и приходскими священниками; они постепенно обратили въ христіанство всѣхъ Зырянъ отъ верховьевъ р. Печоры до самаго г. Пустозерска (Арх. губ.) *).

Затѣмъ, иноки этого же монастыря положили основаніе *Кеврольскому* Воскресенскому монастырю, монахи котораго просвѣтили христіанскою вѣрою жителей Пинежскаго уѣзда (Архан. губ.).

Озлобленные на Герасима упроченіемъ христіанства въ Зырянскомъ краѣ и обращеніемъ Печорцевъ, сосѣдніе язычники, Вогуличи, ускорили кончину этого

---

*) «Истор. Росс. Іерарх.», т. V, стр. 550—551. Печорскій монастырь зависѣлъ сначала отъ Вологодской епархіи, а потомъ Пермской; упраздненъ до 1764 г. и церковь обращена въ приходскую. (См. Волог. епарх. вѣд. 1864 г., стр. 165). Теперь Троицко-Печорскій погостъ въ с. Мылдинѣ (*му* — земля, *дынъ* — край, граница).

Епископа. Около 1442 г. Января 20 ч. св. Герасимъ былъ удушенъ омофоромъ слугою Вогуличемъ, котораго онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе отъ родителей съ цѣлью образовать изъ него духовнаго пастыря *).

При Епископѣ Питиримѣ, утвердившемъ христіанство въ отдаленныхъ краяхъ Удоры и Печоры и даже обратившемъ ко Христу нѣкоторыхъ Вогуличей, упорнѣйшіе изъ послѣднихъ, подъ предводительствомъ своего князя Асыки, возстали противъ Зырянъ за миссіонерскую дѣятельность ихъ Епископа и убили Питирима въ г. Устьвымѣ, во время крестнаго хода на р. Вымь, въ 1455 году **).

Епископъ Іона, управлявшій Зырянскою церковью съ 1456 г. по 1470 г., успѣлъ распространить христіанство гораздо дальше своихъ предшественниковъ, именно: въ 1463 году онъ крестилъ великую Пермь, «глаголемую Чусовую», или Камскихъ Зырянъ ***). Изъ преданій извѣстно, что успѣху его проповѣди много

---

*) Въ «Ист. Росс. Іерарх.» годъ смерти св. Герасима показанъ 1392 (стр. 395, т. I), но это невѣрно, потому что въ это время былъ еще живъ св. Стефанъ. При томъ же св. Герасимъ упоминается бывшимъ на Московскомъ соборѣ 1441 г. (См. Ист. Акты т. I, стр. 74 и 494; Истор. Росс. Іерарх. т. I, стр. 395).

**) О Питиримѣ упоминается въ 1448 г. (при избраніи Митр. Росс. Іоны) см. «Лѣтописецъ». М. 1819 г., стр. 155. Ист. Акты т, I, стр. 75. По Степ. кн. ч. I, стр. 415, Питиримъ извѣстенъ еще, какъ авторъ житія св. Митр. Алексія. О смерти его въ Архангельск. Лѣтопис. подъ 6963 г.

***) Въ лѣтописяхъ сказано: «лѣта 6971 г. (1463) Іона Архіеп. Пермскій добавнѣ крести великую Пермь и постави церкви и попы».

способствовали монахи Троицко-Печерскаго монастыря, какъ ближайшіе сосѣди къ главному городу Великой Перми—Чердыню *).

При Еп. Іонѣ былъ основанъ и Чердынскій Іоанно-Богословскій монастырь, новый разсадникъ миссіонеровъ для тогдашнихъ язычниковъ-Пермянъ **). Такимъ образомъ, св. Іона продолжилъ дѣло св. Стефана, раздвинувши широко къ юго-востоку (по берегамъ Камы, Вишеры и Чусовой) предѣлы Устьвымской епархіи ***).

Послѣ св. Іоны управлялъ обширною Устьвымскою епархіею Епископъ Филоѳей (съ 1471—1501 г.), знаменитый тѣмъ, что не только упрочилъ христіанство въ Велико-Пермской странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подданство Пермяковъ Московскому Государю, но простеръ

---

*) Въ 30 вер. отъ Чердыня въ с. Бондючи есть старинная небольшая часовня, построенная, по преданію, еще учениками св. Стефана, въ честь котораго устроена и церковь Бондюжская. Берхъ, «Путеш.» 1821 г., стр. 86.

**) Въ грамотѣ 1580 г. о Чердынскомъ Богословскомъ монастырѣ сказано: «въ Перми Богословскій одинъ, какъ Пермячи крещенье приняли». Истор. Акты, т. I, стр. 397.

***) Мощи поименованныхъ трехъ святыхъ Устьвымскихъ Епископовъ находятся въ с. Устьвымѣ, въ Благовѣщенскомъ Соборѣ. Въ Устьвымѣ былъ раньше и особый храмъ во имя ихъ, но потомъ въ Благовѣщенской церкви сдѣланъ былъ придѣлъ съ сѣверной стороны. Этотъ придѣлъ освященъ 132 года тому назадъ, въ 1764 г. Въ придѣлѣ, противъ царскихъ вратъ, нѣсколько направо, Устьвымскіе Святители почиваютъ подъ спудомъ въ общей гробницѣ. Надъ ракою ихъ находится икона въ серебрянномъ, весьма тонкомъ окладѣ, изображающая ихъ во весь ростъ. Почитаніе ихъ началось съ царя Михаила Ѳеодоровича. (Волог. еп. вѣд. 1864 г. 20 стр.).

еще и дальше, именно: онъ крестилъ упорныхъ Вогуловъ и Югру *).

Кромѣ просвѣтительской дѣятельности въ Зырянскомъ краѣ непосредственныхъ преемниковъ св. Стефана, Устьвымскихъ Епископовъ, мы видимъ за это время миссіонерскіе труды иноковъ разныхъ Зырянскихъ монастырей, основанныхъ св. Стефаномъ и другихъ благочестивыхъ подвижниковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе распространяли христіанство въ обширномъ Зырянскомъ краѣ, а для своихъ преемниковъ и продолжателей миссіонерскаго дѣла устраивали монастыри, такъ что черезъ столѣтіе послѣ св. Стефана появились слѣдующіе монастыри: *Ожинскій* въ 25 верстахъ отъ Сольвычегодска, *Коряжемскій* въ 15 вер., при устьѣ рѣки Коряжемки, впадающей въ Вычегду; оба мона-

---

*) Еп. Филоѳей прекрасно зналъ зырянскій языкъ и на грамотахъ подписывался по-зырянски, напр. на грамотѣ ставленной 1474 г. Кромѣ того, онъ былъ ученѣйшій своего времени: къ нему была прислана для пересмотра новая пасхалія на 7-е тысячелѣтіе; на отвѣтной грамотѣ къ Митрополиту, Еп. Филоѳей подписался тоже по-зырянски. Онъ упоминается въ Ист. Акт. т. I, стр. 140 и 167. Послѣ Еп. Филоѳея въ Устьвымѣ жили еще девять Епископовъ. Послѣдній изъ нихъ Іоасафъ, въ 1560 году, переѣсъ свою резиденцію въ Вологду.

Спустя 200 лѣтъ послѣ присоединенія къ Устьвымской епархіи, Великая Пермь («глаголемая Чусовая»), въ 1672 г. была отдѣлена отъ Вологодской (бывш. Устьвымской еп.) и присоединена къ Вятской. Въ 1682 г. она была причислена къ новооткрытой Велико-Устюжской епархіи (бывш. Вологодской), а съ 1788 г. опять присоединена къ Вологодской. Наконецъ, въ 1799 г. Великая Пермь составила самостоятельную епархію подъ именемъ Пермской и Екатеринбургской съ городами: Чердынемъ, Соликамскомъ и др., а Печора, Удора, Вычегда, Вишера, Сысола, Луза и Устьвымъ остаются въ Вологодской епархіи до сихъ поръ.

стыря основаны въ самомъ началѣ XVI вѣка преподобными Логгиномъ и Симономъ; *Сойгинскій* монастырь на рѣчкѣ Сойгѣ, въ 75 вер. отъ Сольвычегодска, основанный тоже въ началѣ XVI в. старцемъ Симеономъ Тентюковымъ, инокомъ Комельскаго монастыря (Волог. уѣзда), природнымъ Зырянином, что видно изъ самой его фамиліи.

Наконецъ, въ XVI вѣкѣ появились въ Зырянскомъ краѣ благочестивые торговые люди, извѣстные братья Строгоновы, которые, вмѣстѣ съ распространеніемъ промышленности въ краѣ, поддерживали православіе и построили нѣсколько монастырей и церквей. Въ г. Сольвычегодскѣ были выстроены ими два монастыря: дѣвичій *Срѣтенскій* (упраздненъ до штатовъ 1764 г.) и мужской *Введенскій* (существуетъ и теперь), и соборная церковь во имя *Успенія Богородицы.*

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству Митрополита Евгенія, бывшаго Епископомъ Вологодской епархіи всѣхъ церквей въ Зырянскомъ краѣ было около 150-ти *).

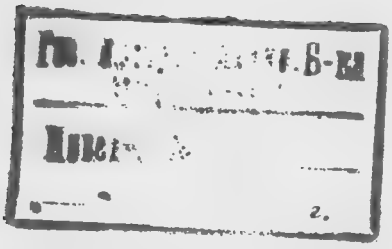
Въ настоящее время въ четырехъ уѣздахъ Зырянскаго края: Сольвычегодскомъ, Яренскомъ, Устьсысольскомъ и Мезенскомъ (Арх. губ.), гдѣ болѣе 500 лѣтъ тому назадъ проповѣдывалъ св. Стефанъ и основалъ христіанскую вѣру, — существуетъ до 295 церквей и по одному монастырю въ трехъ уѣздахъ (Сольвычегодскомъ-Введенскій въ самомъ городѣ, Устьсысольскомъ-Стефано-Ульяновскій и Мезенскомъ-Веркольскій св. Артемія). Мощей и прославленныхъ святыхъ въ Зырянскомъ краѣ имѣется—12 **).

---

*) «О древностяхъ Зырянскихъ», Вѣстникъ Европы 1814 г. № 16.

**) Вѣрюжскій, «Святые Волог. губ.» Вологда 1883.

Зыряне теперь всѣ христіане и, вообще говоря, усердны къ церковнымъ службамъ. Они отличаются также честностью и гостепріимствомъ, печатно засвидѣтельствованными многими Русскими путешественниками по Зырянскому краю.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Глава I. Происхожденіе Зырянъ; матеріальный, семейный и общественный бытъ ихъ въ старину, по извѣстіямъ Русскихъ и иноземныхъ историковъ . . . . . 1— 57

Глава II. Языческій культъ Зырянъ: языческія божества и поклоненіе имъ, по народнымъ преданіямъ, сохранившимся бытовымъ пѣснямъ и историческимъ свидѣтельствамъ . . . . . 59—145

Глава III. Апостольская дѣятельность св. Стефана среди язычниковъ-Зырянъ: уничтоженіе идолопоклонства и распространеніе христіанской вѣры; церкви, основанныя имъ въ Зырянскомъ краѣ. Границы миссіонерскихъ трудовъ св. Стефана я его ближайшихъ сотрудниковъ и преемниковъ . . . . . 147—213

Сочиненіе того же автора:

«Слово въ день Святителя и Чудотворца Николая» (9 Мая). СПБ. 1895 г.

Другое изданіе этого Слова на—6 Декабря.